

Вестник Московского университета

ISSN 1029–3736

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

Серия 18

**СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ**

Том 28

2/2022

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Джаннотти Андреа** — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: llham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаша** — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Михайленок Олег Михайлович** — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru; **Мchedлова Мария Мирановна** — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Смирнов Владимир Алексеевич** — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, e-mail: kano_igt@mail.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlolui@eduhk.hk; **Фарро Антонио Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluiigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: **Nadezhda G. OSIPOVA**, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: **Sergey O. ELISHEV** — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: **Elena N. NOVOSELOVA**, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: **Olga V. ILINIY**, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: iliniy@socio.msu.ru

Website Editor: **Daria E. DOBRINSKAYA**, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: **Sergey A. BARKOV** — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Gennady B. PRONCHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Eygeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tllokui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 2 • Том 28 • 2022 •

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социология образования

Осипова Н.Г., Гавриленко О.В., Прончев Г.Б., Дорцева Е.В.

Социологическое образование перед вызовами пандемии:
новые образовательные технологии.7

Монахов Д.Н. Влияние пандемии COVID–19 на образовательные

технологии35

Социальная структура, социальные институты и процессы

Вершинина И.А. Основные этапы урбанизации и их осмысле-
ние в современной социологической теории.50

Самсонова Т.Н., Леонов Е.К. Роль интернета в политической со-
циализации современной российской молодежи.67

Батуренко С.А. Социальная стратификация в исследованиях
У.Л. Уорнера86

Кузнецова И.В. Институционализация наставничества в пред-
принимательских династиях99

Семина Т.В., Тыртышный А.А., Прядкин В.В. Идеология
здоровьесбережения: кризис социальных и правовых цен-
ностей мирового сообщества в период пандемии121

Теория, методология и история социологии

Елишев С.О. Особенности социологического анализа религии в
России в имперский период ее истории (*Продолжение*).....140

Ань Энжуй. Социальные последствия COVID–2019 в Китае174

Эмпирические социологические исследования

- Бурбаева П.Т., Мендыбаев Б.К.** Управление развитием Smart City с использованием обратной связи с горожанами: преобразование мнений в многокритериальный инструмент оценки и валидации городских политик 195
- Осеев А.А.** Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: радикалистский тип социального действия (результаты прикладных исследований) 214

Научные рецензии

- Карпова В.М.** Здоровье и ценность как практика: общество, семья, личность. Рецензия на монографию Е.Н. Новосёловой 248

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 2 • VOLUME 28 • 2022 •

APRIL — JUNE

Four Issues per Annum

CONTENTS

Sociology of education

- Osipova N.G., Gavrilenko O.V., Pronchev G.B., Dortseva E.V.** Sociological education before the challenges of the pandemic: new educational technologies7
- Monakhov D.N.** The impact of the COVID-19 pandemic on educational technologies35

Social structure, social institutions and processes

- Vershinina I.A.** The main stages of urbanization and their comprehension in contemporary sociological theory50
- Samsonova T.N., Leonov E.K.** The role of the Internet in political socialization of modern Russian youth67
- Baturenko S.A.** Social stratification in W.L. Warner research86
- Kuznetsova I.V.** Institutionalization of mentoring in entrepreneurial dynasties99
- Semina T.V., Tyrtyshtny A.A., Pryadkin V.V.** Ideology of health care: the crisis of social and legal values of the world community during the pandemic121

Theory, methodology and history of sociology

- Elishev S.O.** Features of sociological analysis of religion in Russia during the imperial period of its history (*Continued*)140
- Annie Enrui.** Social impacts of COVID-2019 in China.174

Empirical sociological research

- Burbayeva P.T., Mendybayev B.K.** Managing Smart City development using citizen feedback: transforming opinions into a multi-criteria tool for evaluation and validation of city policies.195
- Oseev A.A.** Empirical models of the structure of personal qualities of leaders: a radicalist type of social action (results of applied research).214

Scientific reviews

- Karpova V.M.** Health as a value and practice: society, family, personality. Review of the monograph by E.N. Novoselova248

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-7-47

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ПАНДЕМИИ: НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

О.В. Гавриленко, канд. социол. наук, зав. кафедрой социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Г.Б. Прончев, канд. физ.-мат. наук, доц., доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

Е.В. Дорцева, начальник учебного отдела социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234****

Настоящая статья посвящена актуальным проблемам организации и реализации образовательного процесса в период новой коронавирусной инфекции КОВИД-19. Авторы рассматривают два аспекта цифровой трансформации в российском образовании — с точки зрения применения цифровых технологий с целью автоматизации различных процессов деятельности образовательных организаций и с позиции внедрения комплекса цифровых технологий с целью построения такой модели обучения, которая будет базироваться на эффективном применении этих технологий для решения профессиональных задач.

В статье подчеркивается, что процесс цифровизации общества в нашей стране развивался равномерно, без особых скачков, однако пандемия послужила катализатором развития цифровых технологий, а сам процесс цифровизации разделился на “до” и “после” начала пандемии. В период пандемии молодое поколение искусственно выпало из русла не только полноценной социализации, которая происходит в рамках учебных заведений и в кругу учителей и сверстников, но и оказалось перед лицом многочисленных проблем, связанных с нарушением традиционного образовательного процесса. Во многом преодолеть обозначенную проблему смогли преподаватели и сотрудники социологического

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

** Гавриленко Ольга Владимировна, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

*** Прончев Геннадий Борисович, e-mail: pronchev@rambler.ru

**** Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, оперативно и эффективно перестроив образовательный процесс так, чтобы он не утратил своего традиционно высокого качества.

Авторы статьи делятся опытом организации образовательного процесса на социологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, который почти два года проходил в так называемом смешанном формате и сопровождался активным внедрением новейших образовательных технологий, в ряду которых синхронное (видеоконференции, видеоконсультации и обратная связь онлайн, чат-румы, общение по Skype, виртуальные классы) и асинхронное электронное обучение, а также проектное обучение и так называемый “перевернутый класс”. Представлены результаты образовательного мониторинга, который показал высокую эффективность образовательного процесса на социологическом факультете в сложных условиях

Авторами также рассмотрены ключевые тенденции цифровизации образования, обозначены его позитивные моменты и детально проанализированы негативные аспекты, особое место в ряду которых занимает виртуализация образования как социального института.

Ключевые слова: цифровизация, пандемия новой коронавирусной инфекции, новые образовательные технологии, “перевернутый класс”, проектное обучение, искусственный интеллект, виртуализация образовательной среды.

SOCIOLOGICAL EDUCATION BEFORE THE CHALLENGES OF THE PANDEMIC: NEW EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Gavrilenko Olga V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of Social Technologies department, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

Pronchev Gennadi B., Associate Professor, Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor at Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pronchev@rambler.ru

Dortseva Elena V., Head of the Educational Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: edortseva@mail.ru

This article is devoted to the actual problems of the organization and implementation of the educational process during the new coronavirus infection COVID-19. The authors consider two aspects of digital transformation in Russian education — from the point of view of the use of digital technologies to automate various processes of educational organizations and from the point of view of the introduction of a complex of digital technologies in order to build a learning model that will be based on the effective use of these technologies to solve professional tasks.

The article emphasizes that the process of digitalization of society in our country developed evenly, without any special jumps, but the pandemic served as a catalyst for the development of digital technologies, and the process of digitalization itself was divided into “before” and “after” the beginning of the pandemic. During the pandemic, the younger generation artificially fell out of the mainstream not only of full-fledged socialization, which takes place within educational institutions and in the circle of teachers and peers, but also found themselves facing numerous problems related to the violation of the traditional educational process. In many ways, teachers and staff of the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University were able to overcome this problem by quickly and effectively rebuilding the educational process so that it did not lose its traditionally high quality.

The authors of the article share their experience in organizing the educational process at the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, which took place in the so-called mixed format for almost two years and was accompanied by the active introduction of the latest educational technologies, including synchronous (video conferences, video consultations and feedback online, chat rooms, Skype communication, virtual classes) and asynchronous e-learning, as well as project-based learning and the so-called “inverted classroom”. The results of educational monitoring are presented, which showed the high efficiency of the educational process at the Faculty of Sociology in difficult conditions.

The authors also considered the key trends of digitalization of education, identified its positive aspects and analyzed in detail the negative aspects, a special place among which is occupied by the virtualization of education as a social institution.

Key words: digitalization, pandemic of a new coronavirus infection, new educational technologies, “inverted classroom”, project-based learning, artificial intelligence, virtualization of the educational environment.

Беспрецедентный прогресс в развитии компьютерной индустрии, новации в области телекоммуникаций привели к появлению *цифровых технологий*, задающих новые контуры современного, цифрового, общества¹.

Так, в научный оборот современных социологов прочно вошли такие термины, как “киберпространство” и “виртуальная реальность”, “цифровые коммуникации”, “цифровая экономика” и “цифровая политика”. Интенсивному процессу цифровизации подверглись социальные институты здравоохранения, науки и образования. В российском образовании цифровую трансформацию “запустил” Приоритетный проект в области образования “Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации”, который был утвержден Правительством Российской Федерации 25 октября 2016 г. в рамках реализации государственной программы “Развитие образования на 2013–2020 годы”, и который завершился

¹ См.: Осипова Н.Г. Концептуализация категории общества в истории социологии: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 2. С. 7–34.

в 2021 г. Среди направлений и элементов данного проекта — “ресурс одного окна” (возможность для пользователя регистрироваться одновременно на нескольких онлайн-платформах), оценка качества онлайн-платформ, создание десяти Региональных центров компетенций в области онлайн-образования, повышение квалификации в области разработки, использования и экспертизы онлайн-курсов². В целом цифровая трансформация в российском образовании рассматривалась в двух аспектах: 1) применение цифровых технологий с целью автоматизации различных процессов деятельности образовательных организаций; 2) внедрение комплекса цифровых технологий с целью построения такой модели обучения, которая будет базироваться на эффективном применении этих технологий для решения профессиональных задач.

Во многом под влиянием запущенного Проекта развитие в России информационной среды до цифровой создало предпосылки для открытого, свободного и часто бесплатного доступа (особенно в условиях пандемии) к ресурсам библиотек, виртуальных музеев и выставок, что не могло не повлиять на повышение общего образовательного уровня подрастающего поколения.

Процесс цифровизации общества в нашей стране развивался равномерно, без особых скачков³. Однако пандемия новой коронавирусной инфекции КОВИД–19 послужила катализатором развития цифровых технологий, а сам процесс цифровизации разделился на “до” и “после” начала пандемии.

Как отмечают исследователи, “пандемия научила людей и общество в целом больше ценить жизнь и собственное здоровье, обнаружила новые связи социального здоровья и безопасности, взаимодействия человека и общества, научила критериям принятия человеком новых социальных норм и ценностей”⁴. В то же время она вылилась в социальное бедствие глобального масштаба, чреватое очень серьезными не только медицинскими, экономическими, но и социальными проблемами, ставшими достаточно актуальными для России⁵.

² Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации. Приоритетные проекты. URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 9 марта 2022 г.).

³ Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. От цифры к цифровому обществу // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58). С. 1763–1771.

⁴ Семина Т.В., Тыртышный А.А. Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID–19: социальные и правовые аспекты // Образование и право. 2020. № 7. С. 11–20.

⁵ Осипова Н.Г. Российское общество после пандемии COVID–19: взгляд в будущее // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 2. С. 7–34.

Так, в период пандемии молодое поколение искусственно выпало из русла не только полноценной социализации, которая происходит в рамках учебных заведений и в кругу учителей и сверстников, но и оказалось перед лицом многочисленных проблем, связанных с нарушением традиционного образовательного процесса.

За годы пандемии молодые люди, лишённые полноценного общения с преподавателями, не изучая необходимый объём рекомендуемой литературы, включающей первоисточники, а используя исключительно легко доступную информацию из интернета, утрачивали способность к анализу и синтезу. Они были не в состоянии делать самостоятельный выбор, просчитывать все его последствия, и зачастую полностью отказывались от принятия самостоятельных решений⁶, «утрачивая критичное отношение к событиям и фактам реальной жизни»⁷.

Во многом преодолеть обозначенную проблему смогли преподаватели и сотрудники социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, оперативно и эффективно перестроив образовательный процесс так, чтобы он не утратил своего традиционно высокого качества.

На социологическом факультете *всегда активно использовались современные образовательные технологии*, позволяющие выстраивать учебный процесс с учетом глобальных вызовов и новых возможностей в образовательной сфере, в числе которых глобализация, интернационализация и цифровая трансформация образования.

В период пандемии и действия ограничительных (карантинных) мер преподаватели социологического факультета быстро перешли на *смешанный (гибридный) формат обучения*, успешно сочетая электронный и традиционный (очный) форматы, при этом применяли для представления содержания дисциплин в виртуальной среде разнообразные средства — текст, гипертекст, мультимедиа, видеоинфографику, интерактивность и т.д. Ими же были разработаны и внедрены курсы, содержащие учебные материалы в форматах, отвечающих современным требованиям, в числе которых графическая наглядность, аудио- и видеосопровождение. Ряд учебников и учебных пособий сотрудников факультета были размещены на цифровых платформах, что облегчило обучающимся доступ к учебно-методической литературе и позволило проводить,

⁶ Осипова Н.Г. Российское общество после пандемии COVID-19: взгляд в будущее.

⁷ Осипова Н.Г. Роль классического университета в формировании элиты общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 4. С. 9–31.

например, онлайн-тестирование студентов в условиях дистанционного обучения.

На факультете успешно применялось синхронное (видеоконференции, видеоконсультации и обратная связь онлайн, чат-румы, общение по *Skype*, виртуальные классы) и асинхронное электронное обучение (аудио-, видео-, мультимедийные электронные источники учебной информации, различные учебные материалы для изучения студентами в собственном темпе, обучение с помощью электронной почты, социальных сетей). Следует отметить, что такое разнообразие форматов стимулирует мозговую активность и обучение становится более эффективным, в результате студенты быстрее и проще осваивают материал, повышается вовлеченность студентов в процесс обучения. Студенты в виртуальной среде активно и с удовольствием работали в формате видеопрезентаций, видеовизиток и мотивационных выступлений.

Как отмечал в своем выступлении ректор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик В.А. Садовничий на Конгрессе “Инновационная практика: наука плюс бизнес” в декабре 2021 г.: “Необходим радикальный пересмотр учебного процесса, который сейчас идет, с таких авторитарных и фронтальных [форм], типа лекций, в сторону проектных и групповых форм. Это наша задача. В этих условиях особое значение приобретает педагогическая и методическая подготовка преподавателей, их переподготовка. Этому мы мало уделяли раньше внимания”⁸.

С этой целью на социологическом факультете МГУ по некоторым дисциплинам широко использовался формат, который можно назвать “*перевернутым классом*”, когда студенты осваивают теоретический материал дома перед компьютером (например, слушая записи лекций), а аудиторное время при этом используется для более эффективных форм учебной работы — выполнения практических заданий от преподавателя-наставника, направленных на повторение и закрепление теоретического материала. В “перевернутом” образовательном процессе применяются активные и интерактивные методы обучения (деловые игры, мини-проекты, коллажирование, элементы геймификации и т.п.), эффективными являются и многие другие современные образовательные технологии.

Как при традиционном, так и при электронном формате обучения студенты активно вовлекались в проведение социологических

⁸ Садовничий: организацию обучения в вузах нужно пересмотреть с учетом цифровизации // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13193847> (дата обращения: 10.03.2022).

исследований на всех этапах, которые ведутся сотрудниками факультета. Таким образом, в процессе обучения имело место сочетание теории и насыщенной практикой работы с реальными данными. Благодаря такому подходу процесс обучения становится очень интересным и структурированным.

Обозначенные методы преподавания, которые использовались в целях более глубокого вовлечения студентов в процесс обучения и достижения высоких результатов, в непростых условиях “пиков” пандемии помогли повысить посещаемость, стимулировали полноценное взаимодействие и сотрудничество в академической среде, повышали успеваемость, мотивацию, вовлеченность студентов, а также помогли выставлять четкие критерии, по которым оцениваются знания, полученные учащимися в процессе обучения.

В период дистанционного обучения на факультете были внедрены различные формы *проектного обучения* (ситуационные задания, решения кейсов, деловые игры, учебные проекты и др.). Так, цифровые платформы (*MS Teams, Zoom*, Университет без границ) наряду с использованием облачных хранилищ дают возможность формировать как индивидуальные (сквозные по тематике курса) проекты, так и создавать парные или групповые (случайные с позиции отбора участников) проектные коллективы, активно применять возможности создания совместных баз данных для организации проекта, оперативно отслеживать выполнение этапов проектов и осуществлять обратную связь, применять технологии взаимного оценивания проектов самими студентами.

Реализация проектов именно в дистанционном режиме позволила усовершенствовать навыки цифровой (виртуальной) презентации результатов проектов, апробировать различные форматы представления информации, способствовала совершенствованию навыков тайм-менеджмента у студентов.

Организация практических занятий по дисциплинам, обеспечиваемым кафедрами социологического факультета (прежде всего, кафедрами междисциплинарной и управленческой направленности — “Современной социологии”, “Экономической социологии и менеджмента” и “Социальных технологий”) для студентов бакалавриата по направлению “Социология” (“Социология организаций”, “Социология труда и предпринимательства”, “Экономическая социология”, “Социальные технологии”) и для студентов бакалавриата по направлению “Менеджмент”, включала в себя индивидуальные и групповые (парные, мини-группы, общегрупповые) проекты. При этом использовались разные типы проектов: одни были направлены на стимулирование креативности и творческой инициативы,

а другие — основаны на реальных данных (статистических или социологических) и нацелены на решение практических задач в условиях, близких к реальной жизни.

Важными составляющими реализуемых проектов являлись случайный способ отбора участников в группы (при групповых проектах), персонализация задания (с учетом научных интересов группы), выставление требований (критериев) по поиску и систематизации информации для обоснования выводов, а также привлечение студентов к обсуждению и оценке результатов проектов, организация внутрикомандной рефлексии (внутренней оценки работы участников команды, качества выполнения общего задания, совокупности полученных навыков).

Также в рамках отдельных проектов в качестве усложнения проектной работы реализовывался принцип выделения целевой аудитории презентации результатов проектной деятельности (например, ставилась задача представить результаты проекта научному сообществу, представителям бизнес-среды, общественности и т.д.) и/или особого способа оформления результатов проекта (презентация, видео, инфографика, постер и т.д.), что являлось важным элементом практической подготовки социологов по представлению и продвижению результатов научной деятельности.

В качестве примеров проектного обучения, формирующего организационно-управленческие и проектные компетенции, можно привести групповые и индивидуальные проекты по дисциплинам “Социальные технологии” и “Стратегический менеджмент”. Так, групповой проект “Разработка концепции социальной рекламы” в рамках дисциплины “Социальные технологии” был направлен на решение двух актуальных проблем: а) нежелание молодых россиян проходить диспансеризацию и б) низкие темпы вакцинации от COVID-19. Студенты по предложенной преподавателями схеме разрабатывали не просто концепцию социальной рекламы, ориентированную на различные целевые аудитории, но и должны были представить итоговый проект в формате онлайн-игры. Индивидуальные проекты по дисциплине “Стратегический менеджмент” проходили в виде разработки студентами отделения “Менеджмент” бизнес-планов. Бизнес-план должен был основываться исключительно на реальных фактических данных, которые студент искал самостоятельно (местоположение предприятия, стоимость ремонта, аренда, закупка оборудования и товарно-материальных средств и др.). Проект включал два раздела — “Предприятие” и “Финансовое планирование”, а все расчеты производились на три года. В результате подготовки таких проектов студенты закрепляли ранее полученные

знания по базовым управленческим, маркетинговым и финансовым дисциплинам, а также формировали практические навыки планирования собственного бизнеса.

В рамках подготовки магистров проектное обучение не только заложено в основу обязательных дисциплин направленности (профиля), но и реализуется в *научно-исследовательской работе* (НИР), организуемой в форме практики. Ежегодно в соответствии с приоритетным научным направлением кафедры выбирается тема исследования, которая становится общей и для магистрантов, и для преподавателей кафедры.

Магистранты и преподаватели разбиваются на группы и в течение семестра проводят исследование по выбранной теме. Так, в 2021 г. предметом исследования по магистерской программе “Социальные технологии современного управления” стала “Организационная культура и ее элементы (слухи, конкуренция, ритуалы и т.д.) в восприятии российских интернет-пользователей”. Подобная проектная организация НИР позволяет не только совершенствовать исследовательские навыки магистрантов и апробировать новые исследовательские подходы и методы, но и предоставляет более широкие возможности в организации совместной научно-исследовательской работы преподавателей и студентов.

В реализации проектного обучения на всех уровнях (бакалавриат и магистратура) активно используются *возможности существующих интернет-платформ* (Zoom, Microsoft Teams), а также облачных хранилищ (Goggle Disk, Яндекс.Диск и др.) для организации среды взаимодействия, сбора и предоставления доступа к материалам, контроля над этапами выполнения проекта и т.д.

В условиях перехода к осуществлению образовательного процесса в дистанционном и гибридном форматах возрастает внимание к развитию цифровых навыков и компетенций как студентов, так и преподавателей. Важным направлением трансформации общества и, в частности, образования в условиях цифровизации стало развитие технологий *искусственного интеллекта* и использование больших данных. В данной связи в 2020–2021 гг. на социологическом факультете активно реализовывались элементы образовательного процесса, связанные с разработкой и реализацией технологий искусственного интеллекта. Так, для студентов социологического факультета разных направлений подготовки (Социология, Публичная политика и социальные науки, Менеджмент) и уровней высшего образования (бакалавриат, магистратура) читался ряд дисциплин, наиболее близко связанных с проблематикой искусственного интеллекта и анализа больших данных — “Основы цифровой социоло-

гии”, “Информатика”, “Основные способы использования Больших данных в социологических исследованиях”, “Технология управления большими массивами данных”, “Большие данные: возможности и перспективы”, “Информационные технологии в социологических исследованиях”.

В рамках многих других учебных дисциплин социологического факультета (“Основы цифровой социологии”, “Сетевая парадигма и интернет в современной социологии”, “Социальные технологии”, “Структура и динамика современного общества” и ряда других) был усилен акцент на проблематику, связанную с искусственным интеллектом и большими данными. К подобной проблематике относятся новые виды социального неравенства в условиях цифровизации и формирования искусственной социальности, цифровое неравенство и способы его измерения, уровни цифрового разрыва, алгоритмизация как новый фактор социальной поляризации, “облачная этика” цифрового мира, технологии искусственного интеллекта в образовании, сети, платформы, большие данные и алгоритмы как элементы цифрового общества, технологии искусственного интеллекта в цифровой среде, сущность и характеристики искусственной социальности, цифровая и сетевая природа современной социальности, диджитализация HR-деятельности, технологии искусственного интеллекта и больших данных в социальном прогнозировании и проектировании, социальная экспертиза проектов, связанных с искусственным интеллектом, и оценка социальных последствий цифровизации и технологизации.

В 2021 г. в связи с Приказом ректора № 925 “О необходимости для обучающихся прослушать межфакультетский курс (МФК) по тематике искусственного интеллекта”, а также для развития цифровых навыков и компетенций студентов, преподаватели социологического факультета (доц. Д.Е. Добринская, ст. преп. Т.С. Мартыненко) разработали *новый МФК* “Социальные аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта”. Данный МФК был реализован в образовательном процессе в осеннем семестре 2021/2022 учебного года.

В процессе внедрения курса систематизировались ключевые проблемы, посвященные социологическому исследованию цифровизации и искусственного интеллекта, анализировались как позитивные, так и негативные его эффекты: новые формы социального неравенства, дискриминации, снижение уровня жизни различных социальных групп, новые социальные напряжения и конфликты. В рамках курса рассматривались основные подходы к анализу процессов цифровизации, исследовались возможности использования этих подходов для адекватного понимания и критического анали-

за процессов цифровизации и влияния, оказываемого повсеместным ее распространением на различные сферы жизнедеятельности общества.

В условиях реализации образовательного процесса в гибридном (традиционном/дистанционном) режиме особое значение придается анализу *внутренней системы оценки качества образования*. Следует отметить, что на социологическом факультете ежегодно проводится оценка качества подготовки студентов бакалавриата и магистратуры. Весной 2021 г. оценка качества образования осуществлялась в рамках мероприятий по контролю остаточных знаний обучающихся. Контроль остаточных знаний был проведен на основе фондов оценочных средств образовательных программ, реализуемых на социологическом факультете. Для того чтобы не отвлекать основную массу студентов от образовательного процесса, было принято решение о преимущественном тестировании остаточных знаний тех бакалавров и магистрантов, которые обучаются на выпускных курсах. Данное тестирование позволило в итоге выявить пробелы в знаниях и оценить готовность выпускников к государственному итоговому экзамену.

Тестовые вопросы формировались на базе фондов оценочных средств дисциплин базового и вариативного блоков учебного плана и были направлены на оценку сформированности у выпускников универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Вопросы по дисциплинам по выбору не составлялись, чтобы исключить возможность попадания студенту вопроса по дисциплине, которую он не проходил.

В силу того что студенты выпускных курсов обучались весной 2021 г. на социологическом факультете в дистанционном формате, а также чтобы не усугублять сложную эпидемиологическую ситуацию, тестирование проводилось дистанционно с применением протекторинга.

В тестировании приняло участие 104 студента бакалавриата дневного отделения, обучающихся по направлению подготовки “Социология” (89% от общего числа), 17 студентов бакалавриата вечернего отделения (89,5%), обучающихся по направлению подготовки “Социология”, 16 студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки “Менеджмент” (89%), 121 студент магистратуры, обучающихся по направлению подготовки “Социология” (86%). Всего было протестировано 258 студентов выпускных курсов, что составило 88,4% от всех выпускников.

Результаты проверки качества подготовки студентов бакалавриата и магистратуры позволяют говорить об успешном освоении

ими дисциплин учебного плана и сформированности у выпускников универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Большинство студентов, проходивших тестирование (54%), получило оценку “хорошо”.

Обучение студентов в осеннем семестре 2021/2022 учебного года на социологическом факультете началось в комбинированном формате (очном с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий). Затем в связи с осложнением эпидемиологической ситуации все студенты факультета были переведены на электронное обучение с применением дистанционных образовательных технологий. Для того чтобы оценить качество образовательного процесса и выявить сложности, возникающие у студентов и преподавателей факультета, был запущен *мониторинг проведения занятий с применением дистанционных технологий* на социологическом факультете.

Мониторинг проведения занятий осуществлялся в октябре 2021 г. В течение двух недель на социологическом факультете в дистанционном формате было проведено 913 занятий лекционного и семинарского типа для магистров по направлению подготовки “Социология” и бакалавров по направлению подготовки “Социология”, “Публичная политика и социальные науки”, “Менеджмент” (из них на платформе *Zoom* — 56%, на платформе *Microsoft Teams* — 34%. Еще 4% занятий было проведено в *Skype* (языки), 3% — в *YouTube*, 2% — в *GoogleClassroom* и 1% — на платформе *DistantMGU*). Учебный процесс на факультете обеспечивался как штатными сотрудниками социологического факультета, так и “внешними” преподавателями. В проведении занятий на факультете было задействовано 93 преподавателя: 59 штатных, 34 “внешних”.

В целом анализ результатов данного мониторинга показал, что при осуществлении образовательного процесса с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий на социологическом факультете была обеспечена непрерывность учебного процесса и его полное соответствие утвержденным стандартам, образовательным программам и учебным планам. Так, в ходе проведения мониторинга, который включал как посещение занятий всех преподавателей, так и опрос студентов о проблемах, связанных с осуществлением учебного процесса в дистанционном формате, не было выявлено серьезных нарушений учебного процесса и жалоб в отношении его реализации.

Однако осуществление учебной деятельности в дистанционном формате требует серьезного переосмысления. Не все традиционные виды проведения занятий возможно перенести в онлайн-режим

без ущерба для качества. Например, остаются открытыми вопросы эффективного проведения онлайн-лекций, практических занятий, контроля освоения пройденного материала и т.д. Стоит рассмотреть вопрос о формате и длительности лекций, реализуемых с использованием дистанционных технологий, так как в дистанционном режиме достаточно сложно удерживать внимание аудитории в течение полутора часов, учитывать динамику работоспособности студентов в ходе лекции.

Качество образовательной деятельности и подготовки обучающихся по основным образовательным программам высшего образования при реализации интегрированной подготовки определяется, в том числе, в рамках системы внутренней оценки. Для оценки качества образовательной деятельности студентам, согласно требованиям образовательных стандартов, необходимо предоставлять возможность оценивания условий, содержания, организации и качества образовательного процесса в целом и отдельных дисциплин, реализуемых в дистанционном формате. Такой опрос позволяет понять основные сложности, возникающие в ходе осуществления образовательного процесса, особенно при использовании дистанционного формата обучения.

Таким образом, пандемия во многом обусловила *ускоренное об-новление модели образовательного процесса* на основе применения современных цифровых технологий. Достаточно быстро зародилась и нашла свое практическое внедрение смешанная образовательная модель, при которой наряду с очным обучением применяется разнообразная компьютерная техника, мобильные устройства, а также сетевые ресурсы и инструменты виртуальной среды. Традиционное очное обучение трансформируется в цифровое, в котором современные информационно-коммуникационные технологии направлены на усиление учебной визуализации, информационной насыщенности образовательного процесса и активное применение дистанционных образовательных технологий, интерес к которым в России традиционно большой⁹. Так, в современное цифровое образование все чаще включают онлайн-курсы и системы управления образованием, позволяющие осуществлять смешанное обучение и использование технологий дополненной и виртуальной реальностей, анализа больших данных, искусственного интеллекта, достижений робототехники.

⁹ Pronchev G.B., Goncharova I.V., Pronchev K.G., Krichever E.I. Russians' attitude to distance learning: a runet survey // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. 2019. V. 18. N. 11. P. 370–384.

Ускоренная цифровизация образования дала возможность осуществить на практике лозунг ученого в области программирования Алана Джея Перлиса: “О том, над чем мы работаем сегодня, другие подумают только завтра”¹⁰. Она способствовала повышению уровня информационно-коммуникационной компетентности как преподавателей, так и обучающихся, привела к возникновению новых профессий, в числе которых игровоспитатель — специалист, который создает образовательные программы и занимается с детьми удаленно, используя ПК или гаджет; разработчик образовательных траекторий — профессионал, создающий “маршрут” обучения; проктор — человек, наблюдающий за тестируемым через экран монитора¹¹. В условиях цифровизации образовательного процесса оказывается проще осуществить на практике персонализированный подход к обучающимся, учитывать потребности и особенности личности, в том числе и детей с особенностями развития.

Чисто в теории или в необозримой перспективе *цифровая среда способна создать равные возможности для всех*. Тем не менее, дистанционное обучение в условиях пандемии уже выявило ряд социальных проблем — необходимая техника, доступ к сети и онлайн-инструменты оказались доступны не всем и не везде¹². Пандемия показала не только недостаточный уровень владения современными технологиями в рядах, прежде всего, профессорско-преподавательского состава. Она поставила на повестку дня новую форму социального неравенства — цифровое неравенство.

Цифровое неравенство связано с активным внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь и формированием облика нового, электронно-цифрового, общества. Цифровое неравенство — это иерархия индивидов в зависимости от уровня цифровизации среды обитания, цифровых навыков и тех жизненных шансов, которые они предоставляют¹³. Оно неравномерно затрагивает различные социальные группы общества, в том числе и учащуюся молодежь¹⁴.

¹⁰ Перлис А. Цитаты известных личностей. URL: <https://ru.citatty.net/tsitatty/2058782-alan-perlis-deviz-issledovatel'skoi-laboratorii-o-tom-nad-ch> (дата обращения: 17.07.2020).

¹¹ Монахова Г.А., Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. Социальные аспекты трансформации российского образования в условиях цифровизации // Образование и право. 2020. № 6. С. 208–214.

¹² Там же.

¹³ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. (Окончание) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 3. С. 7–42.

¹⁴ Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / Под ред. Н.Г. Осиповой. М., 2021.

В данной связи интерес представляют результаты социологического исследования, направленного на выявление отношения студентов к проблеме социального неравенства и проведенного летом 2020 г. методом анкетного опроса в онлайн-формате¹⁵. Особое место в проведенном исследовании занимал блок вопросов, направленных на оценку студентами уровня цифровизации российского общества и связанных с ним особенностями проявления в нашей стране цифрового неравенства.

Так, считают Россию страной с высоким уровнем цифровизации чуть более четверти (26,75%) опрошенных студентов, а почти половина из них (44,43%) так не считают. По мнению примерно трети (31,85%) молодых людей жизненные шансы, которые сегодня дает уровень цифровизации в России, не являются значительными. Немногим меньше (28,66%) придерживаются иной точки зрения, считая такие жизненные шансы значительными. Однако практически каждый четвертый затруднился с ответом на поставленный вопрос.

При этом тот факт, что почти две трети молодых людей (65,13%) считают, что преимущества цифровизации в настоящее время доступны не всем гражданам России, *свидетельствуют о появлении в нашей стране цифрового неравенства.*

О существовании в России цифрового разрыва — между теми, кто имеет свободный доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям и теми, кто не имеет доступа к ним, заявили примерно две трети (64,65%) молодых людей. В то же время о наличии у них свободного доступа к информационно-коммуникационным технологиям и качественной цифровой связи заявило большинство (89,81%) молодых людей. При этом 85,35% опрошенных считают, что у людей, которые эффективно используют цифровые технологии появляются дополнительные жизненные шансы и возможности.

Тем не менее, почти половина студентов (48,89%) оценила как средний свой уровень владения навыками для продуктивной работы с помощью информационно-коммуникационных технологий, и немногим менее половины (45,54%) считают, что они обладают высоким уровнем владения навыками для продуктивной работы с помощью информационно-коммуникационных технологий.

О факте наличия у них цифрового капитала — совокупности опыта, цифровых навыков, знаний, компьютерной грамотности и

¹⁵ Всего было опрошено 628 молодых людей (в возрасте от 16 до 30 лет) из разных регионов России. Распределение респондентов по полу и роду занятий соответствует параметрам выпускников гуманитарных вузов.

доступности информационно-коммуникационных технологий — заявили три четверти (75,16%) молодых людей. Однако 10,19% участвовавших в опросе считают, что они не обладают цифровым капиталом, 14,65% опрошенных затруднились с ответом на поставленный вопрос¹⁶.

Дальнейшая цифровая трансформация системы образования предполагает полный переход на электронную систему обучения. В первую очередь это означает оснащение школ и высших учебных заведений современными цифровыми технологиями, которые призваны повысить доступность обучения и обучающих материалов для всех. Согласно прогнозам, все учебные материалы (пособия, сборники упражнений), а также журналы и дневники будут существовать только в режиме онлайн. Также, возможно, в будущем будет сделан упор на онлайн-образовании, когда ученики будут сами изучать материал по обучающим программам, которые будут проверять, насколько хорошо усвоен материал и оценивать соответствующие ему знания.

При этом к безусловным преимуществам подобной цифровизации образовательной сферы относят приучение учеников к самостоятельности с раннего возраста; устранение бумажной волокиты: учащимся не придется постоянно носить с собой многочисленные тетради и учебники, а учителям — всевозможные пособия, один планшет заменит собой килограммы бумаги; экономию в виде снижения затрат на канцелярские товары, использование электронных версий учебников/тетрадей требует меньших затрат; более высокую доступность знания для людей с ограниченными возможностями и проживающих в отдаленных населенных пунктах.

Однако, как это обычно бывает, такая идеализированная модель “образовательного будущего” часто оказывается далекой от того, что происходит в реальности, осложненной множеством проблем.

В данной связи в первую очередь необходимо остановиться на *существенных отрицательных последствиях* цифровизации и компьютеризации, которые уже *наглядно проявили себя в сфере образования*.

Так, к числу негативных последствий постоянного взаимодействия с компьютерной техникой в повседневной жизни 44,11% молодых людей отнесли сложности с адаптацией к новой работе, рабочим местам, требующим специальных цифровых навыков. 31,85% опро-

¹⁶ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3. С. 7–23.

шенных — перегруженность ненужной информацией, 19,43% — серьезный рост безработицы, 3,66% — интернет-зависимость и негативное воздействие на здоровье¹⁷.

С одной стороны, взрывной рост числа различных мобильных устройств (телефонов, смартфонов, беспроводных ноутбуков, планшетов, умных часов) отражает их место и роль в повседневной жизни. С распространением приложений для смартфонов эти мобильные устройства приобрели совершенно новые качества, превратившись из простого средства связи в незаменимого помощника в повседневных практиках¹⁸. С другой стороны, все больше людей перестают совершенствоваться, заниматься своими делами, вести привычный образ жизни, отдавая все свое личное, а зачастую и рабочее время компьютеру, когда незаметно он начал подменять собой все остальные формы общения. В обиходе стал все чаще применяться специальный термин, заимствованный из психиатрии — “компьютерная зависимость”, т.е. патологическое пристрастие человека к работе или проведению времени за компьютером, заболевание сродни алкоголизму или наркомании.

Компьютерная зависимость сильно влияет на человеческую природу, меняет человеческое сознание, снижает нормальный уровень эмоциональной жизни. Она порождает “дефицит человечности”, появление раннего психологического старения общества, человеческое одиночество и даже снижение физического здоровья. Следовательно, *проблема сохранения физического, социального и духовного здоровья личности в информационном обществе приобретает особую актуальность.*

Технологические изменения, проявляющиеся в расширении возможностей для коммуникации посредством информационно-коммуникационных технологий (сайты социальных сетей, мессенджеры, электронная почта и т.п.), наряду с усилением индивидуализации и личной автономии создали условия для распространения социальных сетей¹⁹.

При этом, как отмечает Д.Е. Добринская, “распространение социальных сетей в большей степени связано с изменением социальных отношений между индивидами, нежели с технологическими изменениями. Социальные сети между людьми существовали на

¹⁷ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и современном мире.

¹⁸ Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 175–192.

¹⁹ Там же.

протяжении всей человеческой истории, однако в последние десятилетия число социальных сетей и интенсивности взаимодействий внутри этих сетей значительно возросло.

Сегодня многочисленные социальные сети, отличающиеся по целям и характеру функционирования, составу участников, интенсивности социальных связей и отношений становятся основой современного социального порядка. Каждый индивид является участником большого числа разнообразных сетей, набор которых определяет он сам. В этом и проявляется суть явления сетевого индивидуализма²⁰.

Мобильный интернет усилил связанность и способствовал расширению социальных сетей, что, в свою очередь, укрепило позиции сетевого индивидуализма. Постепенное расширение функциональных возможностей смартфонов (создание видео- и фото-контента, использование сайтов социальных сетей и ведение блогов, онлайн-игры, покупки в интернете и т.п.) сделало мобильные устройства важным элементом социальной жизни, а облачные технологии и синхронизация коммуникационных устройств обеспечили возможности быть постоянно “на связи” и иметь доступ к необходимым ресурсам из любого места и в любое время²¹.

Однако практически все молодые люди, но особенно студенты тяготеют к визуальному восприятию информации и к контенту узкой направленности. Трансформация коммуникационной модели приводит к созданию новых видов контента, когда его производителем становится сам человек. При этом высокая концентрация накапливаемой частной информации о различных аспектах жизни современного человека благодаря информационной инфраструктуре и новым информационным технологиям ставит под сомнение приватность человеческой жизни, когда люди начинают осознанно или неосознанно отказываться от личного пространства, размещая о себе максимум информации, например, в социальных сетях.

При этом частота контактов человека со случайными лицами увеличивается, рождая иллюзию полной и насыщенной социальной жизни, однако глубокие личные связи и переживания практически вытесняются из нее. Таким образом сетевые сообщества становятся активными участниками политических процессов, катализируя процесс мобилизации студенческих масс на базе хорошо спланированной, точно просчитанной на основе применения больших данных, современной технологии управления общественным мнением

²⁰ Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе.

²¹ Там же.

посредством фейков и дипфейков. “В силу отсутствия опыта и достаточного уровня знаний в головы молодых людей легче вложить ложные идеи и смыслы, лишь бы они были яркими, впечатляющими, эпатажными”²², — подчеркивает академик Г.В. Осипов. Обозначенная ситуация актуализирует проблему социального манипулирования сознанием и поведением молодежи с помощью современных коммуникативных технологий.

Манипулятивная практика находит свое очевидное воплощение в определенных социально-политических, культурных событиях или процессах — революциях, государственных переворотах, социальных экспериментах или иного рода масштабных социальных акциях, в которых молодежь оказывается непосредственно задействованной. Она проявляется и в различных асоциальных, противоправных формах поведения, свидетельствующих о явной социальной деградации и политической дезориентации молодежи. Политическая дезориентация молодежи, во многом обусловленная манипулятивным воздействием, находит свое выражение в росте радикализма и экстремизма²³.

В условиях информационной перегруженности и одновременно неполноценной или незавершенной социализации, определенного воспитательного вакуума студенческая молодежь попадает под влияние деструктивных с точки зрения общества личностей и социальных групп, преследующих далеко не всегда социально оправданные цели с помощью манипулятивных технологий, осуществляемых посредством новых цифровых медиа²⁴.

Как отмечают исследователи, «еще недавно, рассуждая об активном развитии новых социальных медиа, исследователи подчеркивали демократизацию процесса производства знания в современном обществе. Теперь все чаще звучат опасения по поводу таких “побочных эффектов” развития новых коммуникационных технологий, как рост контроля над индивидуальным поведением, вмешательство в частную жизнь, утечка персональной информации. Приходит понимание, что пользование бесплатными приложениями и платформами на самом деле не бесплатно — оно предоставляется

²² Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М.; СПб., 2020. С. 13.

²³ См.: Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. М., 2018.

²⁴ См.: Елишев С.О. Сущность манипулятивного управления в молодежной среде и его разновидности // Труд и социальные отношения. 2018. Т. 29. № 4. С. 156–173; Он же. Социальные последствия манипулирования молодежью // Труд и социальные отношения. 2019. № 1. С. 7–32.

в обмен на личные данные и возможность отслеживать поведение пользователей»²⁵. Этот “новый тоталитаризм выражается в том, что многообразие источников информации сопровождается выстраиванием все более совершенных диверсифицированных систем контроля как над потоками информации, так и над их содержанием”²⁶. Этот контроль носит неявный и непрямой характер, но может существенным образом повлиять на форму и характер той информации, которая становится доступной благодаря развитию информационных технологий²⁷.

В результате многие молодые люди, часто с завышенной самооценкой и ожиданиями, сталкиваясь с “жесточкой реальностью”, объективными и субъективными трудностями в реализации своих жизненных планов, демонстрировали неразборчивость в выборе средств и методов достижения поставленных целей как на индивидуальном, так и на групповом уровнях во всех сферах жизнедеятельности, закономерно скатываясь к нигилизму, радикализму и фанатизму.

Хотя цифровые технологии представляют мощное средство оказания помощи в понимании людьми многих явлений и закономерностей, однако они неизбежно поработают ум, располагающий лишь набором заученных фактов и навыков. При этом навыки самостоятельного мышления у людей постепенно утрачиваются, и они превращаются в легко управляемых марионеток, попадающих под управление различного рода деструктивных сил.

К сожалению, *вектор развития цифровизации* направлен в сторону так называемой “*виртуализации*” социальной реальности.

Если в целом *социальная реальность* создается в процессе социальных взаимодействий субъектов, является результатом их сознания и жизнедеятельности в определенном ограниченном территориальном и временном (историческом) пространстве, то “*виртуальная реальность*” создается на базе априорного мышления, и не только опосредует отражение в сознании человека социальной реальности, но и детерминирует его сознание и его социальное поведение.

В настоящее время “виртуальная реальность” становится одним из важнейших факторов социальной жизни, формируя и определяя характер и содержание социального поведения людей.

Виртуальную реальность можно трактовать как совокупность моделируемых реальными процессами объектов, содержание и

²⁵ Дудина В.И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 13–22.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

форма которых не совпадает с этими процессами. Существование моделируемых объектов сопоставимо с реальностью, но рассматривается обособленно от нее — виртуальные объекты существуют, но не как субстанции реального мира. В то же время эти объекты актуальны, а не потенциальны²⁸.

Компьютерную виртуальную социальную реальность можно видеть на дисплее. В компьютерном варианте возможна социальная реальность “цивилизаций”, “городов”, жизненных ситуаций и т.д. Но при всем текущем совершенствовании компьютерного моделирования “социальных реальностей” очевидна их упрощенность, а порой и условность, поскольку можно без затруднений зафиксировать их несоответствие с окружающим миром.

Однако свойством “виртуальности” обладает и вся повседневная жизнь людей. Так, виртуальная реальность, являясь внутренним состоянием субъекта, может быть вызвана внешними причинами и внешними обстоятельствами (природными явлениями, компьютерными технологиями, искусством и др.). Она может быть обусловлена и внутренними ощущениями, соматическим состоянием. Вместе с тем, виртуальные состояния могут быть вызваны как независимыми источниками, так и собственными рефлексивными реакциями человека, например, посредством “самовозбуждения”.

Тем самым виртуальная реальность выступает как основа возможных социально-значимых действий не непосредственно, а преломляясь в сознании конкретных людей, имеющих свои специфические интересы и преследующих собственные цели. В данной связи некоторые исследователи предлагают пользоваться термином “социальная квазиреальность” для того, чтобы обратить внимание на соответствие, адекватность этих субъективных представлений о реальности действительной реальности²⁹.

Дело в том, что сознание человека воспринимает ограниченное конечное число социальных явлений, в то время как окружающий мир реально гораздо богаче. Но и сознание творит больше смыслов и значений, чем воспринимает реально. Поэтому и возникают системы символов, с помощью которых человек объясняет противоречивые фрагментарные сведения о реальном мире. Сложные системы символов — символические универсумы позволяют создавать замещение реальных предметов и явлений там, где они недоступны или малодоступны человеческому восприятию. Именно благодаря символическому универсуму как всеохватывающему социальному

²⁸ Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. Ч. 1. М., 2019. С. 282.

²⁹ Там же. С. 283.

феномену люди могут воспринимать целые области и сферы социальной реальности, компенсируя факт ограниченности сознания и органов чувств.

В данной связи каждый человек должен отдавать себе отчет в том, что символические формы сознания являются мостиками, которые не только затрудняют, но и нередко облегчают гармонизацию и согласование символических реальностей с действительной социальной реальностью, а также являются транзитивным полем, облегчающим перемещения нашего сознания из одной квазиреальности в другую.

Следует отметить, что в рамках виртуальной реальности *всегда есть опасность неадекватного поведения*. Однако это не означает, что виртуальная реальность опасна сама по себе, поскольку является симптом и фактором развеществления общества, его виртуализации. О виртуализации общества можно говорить тогда, когда сущность человека отчуждается не в социальную, а в виртуальную реальность³⁰.

Если обратиться к проблемам процессов виртуализации сознания молодежи и процесса образования, то виртуализация витального пространства современного человека опасна тем, что молодые люди попадают в информационно-коммуникативную среду бесконтрольно, получая неограниченный доступ к дифференцированным данным, которые на своем уровне развития могут неверно истолковать, что повлечет за собой определенные изменения в мировоззрении³¹.

В такой ситуации возникает вопрос о необходимости целенаправленного психолого-педагогического осмысления и векторизации данного процесса³². Таким образом, с одной стороны, виртуализация информационно-коммуникативного образовательного пространства апеллирует к дифференцированным энциклопедическим ресурсам всего глобального научного, культурного, религиозного, медийного пространства, но, с другой стороны, контент информационных ресурсов, например, наиболее рейтинговых социальных сетей, демонстрирует типизированность, однородность, клишированность интересов пользователей. “Модное” знание вытесняет актуальное знание, трендовость нивелирует субъектность понимания социокультурной среды, окружающей человека³³.

³⁰ Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. Ч. 1. С. 284.

³¹ Юдина А.М. Виртуализация информационно-коммуникативной образовательной среды // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 151–154.

³² Там же.

³³ Там же.

В таких условиях и образовательный процесс вызывает особые опасения в силу того, что более, чем все другие социокультурные процессы, сталкивается с искажением новых идеалов виртуальной среды³⁴.

Достаточно специфично выглядит новая социальная реальность, в которой модно быть асоциальным, грубым, неграмотным, безнравственным человеком. Субкультурные образования в виртуальной среде требуют от человека высокого индекса популярности, который свидетельствует о важной социальной псевдозначимости индивида, подталкивая тем самым человека в его стремлении вызывать интерес к необратимым последствиям (эксперименты со своей внешностью, ведение потенциально опасного образа жизни)³⁵.

В образовательной среде активно происходит встреча виртуального и реального³⁶. Так, в виртуальной образовательной среде индивид работает с информацией напрямую, в такой ситуации наука и образование уже не занимают строго определенное место в иерархии социальных реалий; в организации реального учебного процесса используются виртуальные технологии, технологии обучения онлайн, обмена данными, передачи информации в интерактивном режиме с помощью технического вооружения; онлайн-обучение становится частью жизненного пространства индивида средствами не только обучения, но и поддержания контакта и общения³⁷.

С практической точки зрения виртуализация процессов в образовательной среде, безусловно, имеет ряд преимуществ как для индивида в отдельности, так и для общества в целом: использование удобных средств обучения, выбор времени и места, собственного темпа обучения, а вместе с тем формирование ценностно-мотивационного компонента личности индивида; экономия затрат, разгрузка вузов, развитие информационных технологий и предпринимательства в области онлайн-обучения как экономический фактор; большие возможности получения образования и преподавания независимо от места проживания и состояния здоровья как фактор социальной справедливости³⁸.

Наряду с преимуществами *существуют и риски*, связанные, в частности, с недостаточностью понимания и подходов к становле-

³⁴ Завражин С.А., Овчинников О.М., Фортova Л.К. Очерки по истории и теории превентивной педагогики: монография. Владимир, 2017.

³⁵ Юдина А.М. Указ. соч. С. 151–154.

³⁶ Павлють О.А. Виртуализация образовательного пространства: перспективы и вызовы // Социологический альманах. 2019. № 10. С. 165–171.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

нию виртуализации как относительно нового социального феномена. В частности, к рискам и возможным недостаткам О.А. Павлють относит: нарушение имиджа науки и образования за счет изобретенных для выгодной презентации образов, например, фактическое несоответствие образовательной технологии ее содержанию; влияние электронных средств обучения на здоровье индивида, которое может привести к зависимости от гаджетов, нарушению режима дня; индивиду может не хватать личного контакта с преподавателем и обучающей системой; обучающие программы и курсы могут быть недостаточно хорошо разработаны и негативно влиять на процесс освоения материала³⁹.

Образовательный процесс под воздействием виртуализации, глобализации и технологического прогресса трансформируется в мобильную и открытую систему, в которой роль формального образования снижается, а влияние выходящего за рамки стандартной образовательной среды, т.е. неформального, образования растет. Появляются новые формы получения образовательных услуг, да и сама образовательная среда претерпевает существенные изменения. Рынок труда выдвигает новые требования к профессиональным квалификациям, формируются новые профессии, учитывающие не только технологические, но и социально-экономические драйверы: новые рынки, новая типология рабочих мест, биотехнологии, искусственный интеллект, роботизация, интернет вещей, большие данные, облачные технологии и т.д.⁴⁰

Особого внимания в данной связи, по мнению А.В. Луканина, Е.В. Ереминой и С.И. Неделько, заслуживает процесс виртуализации социальных институтов, который можно рассматривать, с одной стороны, как укрепление институционального порядка в целом, а с другой — как его дерегламентацию, т.е. сокращение роли формально-правовых механизмов в институциональном регулировании социальных взаимодействий⁴¹.

Сегодня же при кардинальной трансформации системы социальных институтов под воздействием процессов виртуализации происходят закономерные изменения в сфере социальных норм⁴².

Распад предыдущей системы норм и обычаев происходит последовательно. Сначала перестают работать отдельные нормы или

³⁹ Павлють О.А. Указ. соч. С. 165–171.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Луканин А.В., Еремина Е.В., Неделько С.И. Особенности виртуализации социальных институтов в информационном обществе // Власть. 2016. № 1. С. 41–46.

⁴² Луканин А.В., Еремина Е.В. Государство и общество: институционализация новых форм взаимодействия в условиях информатизации // Власть. 2017. № 12. С. 22–25.

группы норм, которые отражают функционирование определенного института. Далее этот процесс принимает достаточно крупные масштабы. Следствием дисфункции институтов становятся трансформация ценностных ориентаций людей и деформация социальных норм. В современном мире происходит ослабление нормативного регулирования общественных отношений, так как социальное взаимодействие постепенно приобретает виртуальный характер⁴³.

Виртуализация социальных институтов способствует их трансформации посредством появления новых социальных норм и ценностей. Результатом такого процесса становятся неустойчивость социальных взаимодействий и слабое регулирование общественного порядка, проявляющиеся из-за отсутствия регламентации новых социальных отношений. *Подобные этапы развития общества, характеризующиеся дезорганизацией социальных институтов, основным следствием которой в силу невыполнения возложенной на него социальной функции является лишение его социального смысла.* Наряду с этим происходит разрушение социальных элементов, на поддержание которых было направлено функционирование данного социального института. Общим итогом дисфункции социальных институтов является снижение авторитета закона и общая нестабильность общественной системы⁴⁴.

Таким образом, наряду с некоторым прогрессом в направлении совершенствования образовательного процесса благодаря цифровизации, возможные позитивные последствия превращаются в препятствия для его прогресса. Как справедливо отмечал академик В.А. Садовничий отметил, что “полный переход обучения в онлайн возможен и целесообразен только в кризисных ситуациях”⁴⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дудина В.И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 13–22.

Елишев С.О. Сущность манипулятивного управления в молодежной среде и его разновидности // Труд и социальные отношения. 2018. Т. 29. № 4. С. 156–173.

Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. М., 2018.

Елишев С.О. Социальные последствия манипулирования молодежью // Труд и социальные отношения. 2019. № 1. С. 7–32.

⁴³ Луканин А.В., Еремина Е.В., Неделько С.И. Особенности виртуализации социальных институтов в информационном обществе.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Садовничий: организацию обучения в вузах нужно пересмотреть с учетом цифровизации // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13193847> (дата обращения: 10 марта 2022).

- Завражин С.А., Овчинников О.М., Фортowa Л.К. Очерки по истории и теории превентивной педагогики: монография. Владимир, 2017.
- Луканин А.В., Еремина Е.В., Неделько С.И. Особенности виртуализации социальных институтов в информационном обществе // Власть. 2016. № 1. С. 41–46.
- Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. От цифры к цифровому обществу // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58). С. 1763–1771.
- Монахова Г.А., Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. Социальные аспекты трансформации российского образования в условиях цифровизации // Образование и право. 2020. № 6. С. 208–214.
- Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М.; СПб., 2020.
- Осипова Н.Г. Роль классического университета в формировании элиты общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 4. С. 9–31.
- Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. Ч. 1. М., 2019.
- Осипова Н.Г. Концептуализация категории общества в истории социологии: ключевые дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 2. С. 7–34.
- Осипова Н.Г. Российское общество после пандемии COVID–19: взгляд в будущее // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 7–34.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. (Окончание) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 3. С. 7–42.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и современном мире // Вестник Московского университета. 2020. Т. 26. № 3. С. 7–23.
- Павлють О.А. Виртуализация образовательного пространства: перспективы и вызовы // Социологический альманах. 2019. № 10. С. 165–171.
- Перлис А. Цитаты известных личностей. URL: <https://ru.citatty.net/tsitatty/2058782-alan-perlis-deviz-issledovatel'skoi-laboratorii-o-tom-nad-ch> (дата обращения: 17.07.2020).
- Семина Т.В., Тыртышный А.А. Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID–19: социальные и правовые аспекты // Образование и право. 2020. № 7. С. 11–20.
- Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации. Приоритетные проекты. URL: www.government.ru (дата обращения: 9.03.2022).
- Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / Под ред. Н.Г. Осиповой. М., 2021.
- Юдина А.М. Виртуализация информационно-коммуникативной образовательной среды // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 151–154.

REFERENCES

Dudina V.I. Sociologicheskoe znanie v kontekste razvitiya informacionnyh tekhnologij [Sociological knowledge in the context of the development of information technologies] // Sociologicheskije issledovaniya. 2015. N 6. S. 13–22 (in Russian).

Elishev S.O. Sushchnost' manipulyativnogo upravleniya v molodyozhnoj srede i ego raznovidnosti [The essence of manipulative control in the youth environment and its varieties] // Trud i social'nye otnosheniya. 2018. T. 29. N 4. S. 156–173 (in Russian).

Elishev S.O. Social'noe manipulirovanie molodezh'y [Social manipulation of youth]. M., 2018 (in Russian).

Elishev S.O. Social'nye posledstviya manipulirovaniya molodyozh'y [Social consequences of youth manipulation] // Trud i social'nye otnosheniya. 2019. N 1. S. 7–32 (in Russian).

Lukanin A.V., Eremina E.V., Nedel'ko S.I. Osobennosti virtualizatsii social'nykh institutov v informacionnom obshchestve [Features of virtualization of social institutions in the information society] // Vlast'. 2016. N 1. S. 41–46 (in Russian).

Monahov D.N., Pronchev G.B. Ot cifry k cifrovomu obshchestvu [From digital to digital society] // Voprosy politologii. 2020. T. 10. N 6 (58). S. 1763–1771 (in Russian).

Monahova G.A., Monahov D.N., Pronchev G.B. Social'nye aspekty transformatsii rossijskogo obrazovaniya v usloviyah cifrovizatsii [Social aspects of the transformation of Russian education in the context of digitalization] // Obrazovanie i parvo. 2020. N 6. S. 208–214 (in Russian).

Osipov G.V. Social'nye nauki i obrazovanie v usloviyah stanovleniya elektronno-cifrovoj civilizatsii [Social sciences and education in the conditions of the formation of an electronic digital civilization] // Social'nye nauki i obrazovanie v usloviyah stanovleniya elektronno-cifrovoj civilizatsii. M.; SPb., 2020 (in Russian).

Osipova N.G. Rol' klassicheskogo universiteta v formirovanii elity obshchestva [The role of the classical university in the formation of the elite of society] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2017. N 23 (4). S. 9–31 (in Russian).

Osipova N.G. Sovremennaya sociologicheskaya teoriya [Modern sociological theory]. Ch. 1. M., 2019 (in Russian).

Osipova N.G. Konceptualizatsiya kategorii obshchestva v istorii sociologii: klyuchevye diskussii [Conceptualization of the category of society in the history of sociology: key discussions] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. 2020. T. 26. N 2. S. 7–34 (in Russian).

Osipova N.G. Rossijskoe obshchestvo posle pandemii COVID–19: vzglyad v budushchee [Russian society after the COVID-19 pandemic: a look into the future] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. 2021. T. 27. N 4. S. 7–34 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Social'noe neravenstvo i molodyozh': klyuchevye trendy 2020 g. [Social Inequality and Youth: Key Trends for 2020] (*Okonchanie*) // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2021. T. 27. N 3. S. 7–42 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studentov moskovskikh Vuzov o social'nom neravenstve v Rossii i sovremennom mire [Representations of students of Moscow universities about social inequality in Russia and the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2020. T. 26. N 3. S. 7–23 (in Russian).

Pavlyut' O.A. Virtualizatsiya obrazovatel'nogo prostranstva: perspektivy i vyzovy [Virtualization of educational space: prospects and challenges] // Sociologicheskij al'manah. 2019. N 10. S. 165–171 (in Russian).

Perlis A. Citaty izvestnykh lichnostej [Quotes of famous personalities]. URL: <https://ru.citatty.net/tsitaty/2058782-alan-perlis-deviz-issledovatel'skoi-laboratorii-o-tom-nad-ch> (data obrashcheniya: 17.07.2020) (in Russian).

Pronchev G.B., Goncharova I.V., Pronchev K.G., Krichever E.I. Russians' attitude to distance learning: a runet survey // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. 2019. V. 18. N. 11. S. 370–384.

Semina T.V., Tyrtyshtnyj A.A. Social'naya solidarnost' i konfrontatsiya v period pandemii koronavirusa COVID-19: social'nye i pravovye aspekty [Social solidarity and confrontation during the COVID-19 pandemic: social and legal aspects] // *Obrazovanie i pravo*. 2020. N 7. S. 11–20 (in Russian).

Social'noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ih proyavleniya v Rossii [Social inequality in the modern world: new forms and features of their manifestation in Russia] / Pod red. N.G. Osipovoj. M., 2021 (in Russian).

Sovremennaya cifrovaya obrazovatel'naya sreda v Rossijskoj Federacii. Prioritetnye proekty [Modern digital educational environment in the Russian Federation. Priority projects]. URL: www.government.ru (data obrashcheniya: 9.03.2022 g.) (in Russian).

Yudina A.M. Virtualizatsiya informacionno-kommunikativnoj obrazovatel'noj sredy [Virtualization of information and communication educational environment] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2019. N 3 (76). S. 151–154 (in Russian).

Zavrzhin S.A., Ovchinnikov O.M., Fortova L.K. Ocherki po istorii i teorii preventivnoj pedagogiki: monografiya [Essays on the history and theory of preventive pedagogy: monograph]. Vladimir, 2017 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-48-68

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Д.Н. Монахов, канд. пед. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

COVID-19 оказал существенное влияние на многие сферы жизни общества, и сектор образования не стал исключением. Статья посвящена влиянию пандемии COVID-19 на образование. В ней рассматриваются позитивные тенденции развития образовательных моделей (BYOD, Blended Learning) и технологий (e-learning, m-learning), российского программного обеспечения (iSpring Suite, iSpring Suite Max, iSpring Space, EV Toolbox Advanced 9), образовательных сервисов (Удоба, eTreniki, Learnis, Zoom, Skype, сервисы Яндекса: Телемост, Практикум, Школа, Учебник, Уроки, Учитель, Репетитор, Формы) и платформ (Core, Stepik, Российская электронная школа, Московская электронная школа, «ЯКласс», «Учи.ру», «Lecta.rosuchebnik.ru», «Просвещение»), мобильных приложений («Walking Museum»). Данная работа содержит анализ не только положительного, но и негативного влияния пандемии на общеобразовательную и высшую школу; приводятся результаты опросов. В статье показывается, что цифровые и информационные технологии становятся одними из ведущих в сфере образования. Масштабное развитие новых информационных инструментов, включая сервисы интернета, привело к модификации цифровой образовательной среды. Условия пандемии выявили потребность адаптироваться и внести изменения в совершенствование способов обучения и применения дистанционных образовательных технологий, которые реализуют принципы открытого образования (свобода в выборе времени, места и темпов обучения, свободное развитие индивидуальности, свобода составления индивидуальной программы обучения и т.д.). Практика, адекватно реагирующая на сложившуюся ситуацию, привела к пониманию необходимости быстрого создания конструкторов электронных курсов (iSpring Suite Max, iSpring Space). Пандемия привела к необходимости срочно повышать компетентность педагогов в области ИКТ, и следовательно, в разработке соответствующих курсов повышения квалификации.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, образование, образовательные технологии, педагогическая модель, обучение, обучающиеся, социология образования, информационно-коммуникационные технологии.

* Монахов Данила Никитич, e-mail: monahovdn@yandex.ru

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Monakhov Danila N., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of the Department of Modern Sociology, Deputy Dean for Work with Foreign Students, Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, bldg. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: monahovdn@yandex.ru

COVID-19 has had a significant impact on many areas of society, and the education sector is no exception. The article is devoted to the impact of the COVID-19 pandemic on education. It examines the positive trends in the development of educational models (BYOD, Blended Learning) and technologies (e-learning, m-learning), Russian software (iSpring Suite, iSpring Suite Max, iSpring Space, EV Toolbox Advanced 9), educational services (Convenience, eTreniki, Learnis, Zoom, Skype, Yandex services: Teleconference, Workshop, School, Textbook, Lessons, Teacher, Tutor, Forms) and platforms (Core, Stepik, Russian Electronic School, Moscow Electronic School, "Yaklass", "Uchi.ru", "Lecta.rosuchebnik.ru", "Enlightenment"), mobile applications ("Walking Museum"). This work contains an analysis of not only the positive, but also the negative impact of the pandemic on secondary and higher education; the results of surveys are given. The article shows that digital and information technologies are becoming one of the leading ones in the field of education. The large-scale development of new information tools, including Internet services, has led to the modification of the digital educational environment. The conditions of the pandemic revealed the need to adapt and make changes in improving the methods of teaching and the use of distance learning technologies that implement the principles of open education (freedom in choosing the time, place and pace of learning, free development of individuality, freedom to draw up an individual training program, etc.). Practice, adequately responding to the current situation, led to an understanding of the need to quickly create designers of electronic courses (iSpring Suite Max, iSpring Space). The pandemic has led to the urgent need to improve the competence of teachers in the field of ICT, and therefore in the development of appropriate training courses.

Key words: COVID-19 pandemic, education, educational technologies, pedagogical model, training, students, sociology of education, information and communication technologies.

Введение

«Пандемия стала шоком для индустрии образования: порядка 1,6 млрд человек или 94% от всего числа учащихся в мире были затронуты карантином»¹. «На раннем этапе пандемии работа большинства высших учебных заведений по всему миру была практически сорвана. Исследование IAU², проведенное в начале апреля

¹ Туразашивили Б. Влияние коронавируса на индустрию образования и новые тренды. URL: <https://rb.ru/opinion/covid-and-education/> (дата обращения: 14.01.2022).

² Международная ассоциация университетов (IAU) — это всемирная ассоциация, основанная в 1950 при поддержке ЮНЕСКО. В составе ассоциации вузы и организации из более 120 стран мира. Также ассоциация сотрудничает с другими

2020 г., показало, что 59% вузов закрылись полностью, а 30% “частично продолжили работу”»³.

Тем не менее сфера высшего образования оказалась самой устойчивой к пандемии COVID-19. Образовательные организации незамедлительно перевели обучение на дистанционный формат. “Лишь за один месяц карантина аудитория массовых открытых онлайн-курсов увеличилась в 2,5 раза по сравнению с январем, достигнув 500 млн человек. И все это происходит на фоне того факта, что в высшем образовании онлайн-услуги накануне пандемии представляли лишь 2%. Онлайн, по мнению университетов, будет слабой альтернативой традиционному обучению в долгосрочной перспективе”⁴. Опрос EUA⁵ показал, что “подавляющее большинство учебных заведений намеревается после кризиса изучить новые способы обучения (87%) и расширить возможности использования цифровых технологий (70%)”⁶.

Рассмотрим изменения, которые произошли в образовательных технологиях онлайн и офлайн форматов под действием пандемии. Одним из самых популярных онлайн форматов образовательного процесса в условиях пандемии стали занятия в *Zoom*⁷ (сервис беспроводного взаимодействия для организации видеоконференций, вебинаров, групповых чатов), *Skype*⁸ (бесплатное проприетарное программное обеспечение с закрытым кодом, обеспечивающее текстовую, голосовую и видеосвязь). Высшая школа оказалась более подготовленной к такому переходу. Потому что вузы уже давно разрабатывали курсы, которые преподавались в таком формате. Общеобразовательным школам и средним учебным заведениям также пришлось быстро реагировать на эти изменения.

международными, региональными и национальными структурами, которые также задействованы в сфере образования.

³ *Salmi J.* Learning from the past, coping with the present, readying for the future: impact of COVID-19 on higher education from an equity perspective // Lumina Foundation. URL: <https://www.luminafoundation.org/?s=Salmi> (accessed: 22.10.2020).

⁴ Как пандемия повлияла на образование. URL: <https://zaochnik.ru/blog/kak-pandemija-povlijala-na-obrazovanie/> (дата обращения: 15.01.2022).

⁵ Европейская ассоциация университетов — European University Association (EUA). EUA — главный представитель высшего образовательного сообщества в Европе.

⁶ Regional/National perspectives on the impact of COVID-19 on higher education // International Association of Universities. URL: https://iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid-19_regional_perspectives_on_the_impact_of_covid-19_on_he_july_2020_.pdf (accessed: 05.01.2022).

⁷ Официальный сайт ZOOM. URL: <https://zoom.us/> (дата обращения: 15.02.2022).

⁸ Сайт Skype. URL: <https://www.skype.com/ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

В июне 2020 г. начал свою работу сервис “Яндекс.Телемост”⁹, который некоторыми своими возможностями является альтернативой *Zoom*. Это новый сервис видеозвонков по ссылке, который позволяет собирать рабочие конференции, проводить онлайн учебные занятия с презентацией экрана рабочего стола. Данный сервис в отличие от *Zoom* не ограничен по длительности, объединяет до 35 участников.

Можно сказать, что пандемия COVID-19 заставила искать новые подходы к обучению: интерактивные подходы, методы самообучения и усиление роли самостоятельной работы, групповое обучение, смешанный формат обучения (онлайн-офлайн режим), игровые техники. Она также показала значимость роли преподавателей в обучающем процессе и важность их подготовки в области ИКТ¹⁰. К сожалению, многие педагоги оказались не готовы. Им не доставало знаний, чтобы успешно пользоваться обучающими платформами и организовывать образовательный процесс в новом для себя режиме. Все это привело к необходимости дополнительного обучения педагогического состава, чтобы быстрее сформировать или развить у себя необходимые компетенции. Это возможно было сделать, проведя обучение по соответствующим курсам на образовательной платформе *Stepik*¹¹ или “Яндекс.Учитель”. Так, на платформе “Яндекс.Учитель” более 300 тысяч учителей прошли тесты на цифровые компетенции, умение работать с трудным поведением детей, гибкие навыки, умение формировать функциональную грамотность учеников, способность справляться с выгоранием¹².

По результатам тестирования педагогам предлагалось пройти обучение на курсах, рекомендовались статьи, книги, вебинары по соответствующей тематике. “Мы создали инструмент, который дает возможность учителям посмотреть на себя со стороны, увидеть свои сильные и слабые стороны, обдумать их. Мы хотели сделать его безопасным и простым, поэтому у учителей есть возможность не регистрироваться сразу, а указать данные только для получения сертификата. Тест — это инструмент, созданный в по-

⁹ О Яндекс.Телемосте. URL: <https://yandex.ru/support/telemost> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁰ *Marinoni G., Van't Land H., Jensen T.* The impact of COVID-19 on higher education around the world: IAU global survey report // International Association of Universities. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf (accessed: 15.01.2022).

¹¹ *Stepik*. URL: <https://stepik.org/catalog> (accessed: 05.01.2020).

¹² Интенсив “Я Учитель”. URL: <https://education.yandex.ru/uchitel/intensiv3/> (дата обращения: 15.02.2022).

мощь учителю. Рефлексия над собственными результатами особенно полезна сейчас, когда все ушли на дистанционное обучение” (Ирина Савицкая, руководитель направления продвижения “Яндекс. Учебника”)¹³.

Пандемия спровоцировала скачок в развитии образовательных сервисов Яндекса. Например, сервис онлайн-образования “Яндекс. Практикум”¹⁴, ориентированный на получение профессиональных компетенций в IT-сфере, значительно расширил перечень специализаций и навыков, которые можно освоить с помощью него. Следует отметить буквально взрывное развитие следующих сервисов Яндекса в этот период:

- Яндекс.Школа¹⁵ содержит комплекс образовательных программ;
- Яндекс.Учебник¹⁶ — задания по русскому языку, математике и окружающему миру для учащихся начальной школы. Сервис предусматривает автоматическую проверку задач и обратную связь для учеников и учителей;
- Яндекс.Уроки — видеоуроки для 5–11 классов от ведущих педагогов, транслируются в Яндекс.Эфире;
- Яндекс.Репетитор¹⁷ — сервис с демонстрационными вариантами ОГЭ и ЕГЭ;
- Яндекс.Учитель¹⁸ предоставляет материалы учителям для организации дистанционного обучения;
- Яндекс.Контеcт¹⁹ — онлайн-платформа для проведения занятий по программированию.

За время пандемии некоммерческие образовательные проекты Яндекса охватили более 6,3 млн человек. Это продукты и сервисы для бесплатного образования школьников и студентов, программы профессионального развития учителей, масштабные просветительские инициативы и меры поддержки молодых ученых в области компьютерных наук, рекомендации родителям учащихся.

¹³ “Яндекс” бесплатно протестирует педагогов. URL: <https://rg.ru/2020/04/02/yandex-besplatnoe-protestiruet-pedagogov.html> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁴ Яндекс.Практикум. URL: <https://practicum.yandex.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

¹⁵ Яндекс.Школа. URL: <https://school-ya.ru/> (дата обращения: 19.01.2022).

¹⁶ Яндекс.Уроки. URL: <https://education.yandex.ru/lab/library> (дата обращения: 19.01.2022).

¹⁷ Яндекс.Репетитор. URL: <https://yandex.ru/tutor/> (дата обращения: 14.01.2022).

¹⁸ Яндекс.Учитель. URL: <https://teacher.yandex.ru/courses> (дата обращения: 19.01.2022).

¹⁹ Яндекс.Контеcт. URL: <https://contest.yandex.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

Пандемия COVID-19 способствовала ускоренному развитию образовательных платформ для общеобразовательной и высшей школы. РЭШ (Российская электронная школа)²⁰, МЭШ (Московская электронная школа)²¹, “ЯКласс”²², “Учи.ру”²³, “Lecta.rosuchebnik.ru”²⁴, “Просвещение”²⁵ и др. стали активно наполняться учебными материалами, развивались платные, частично платные платформы. Такое огромное количество образовательных сервисов и платформ привело к необходимости ввести в декабре 2021 г. поправки в закон “Об образовании в Российской Федерации”, которые касаются верификации цифровых платформ и онлайн-учебников, используемых в государственных школах и учреждениях среднего профессионального образования (СПО). Проект закона обязывает использовать верифицированные онлайн-платформы, учебники и электронные образовательные ресурсы, которые входят в соответствующий федеральный перечень. Электронные образовательные порталы могут быть включены в перечень только после экспертизы их учебно-методических материалов.

А теперь рассмотрим трансформацию моделей обучения. В условиях пандемии критериями выбора модели обучения стали доступность информационных ресурсов (электронных библиотек и цифровых баз данных, цифровых образовательных платформ), вовлекающий интерактивный формат обучения (тренинги, дидактические игры, обучающие квесты, мозговые штурмы, нестандартные задания), гибкость во времени и месте обучения (обучающийся может сам подбирать удобное время и место для занятий).

“Опыт первых шести месяцев кризиса, вызванного COVID-19, показал, <...> что электронное обучение — это не запись традиционной лекции и ее размещение на веб-сайте учреждения или использование платформы видеоконференции для чтения той же лекции онлайн, что обычно делалось в аудитории. Получение эффективного онлайн-образования требует таких методов преподавания и изучения, которые динамично вовлекают учащихся в процесс обучения, вызывают в них положительные эмоции

²⁰ Российская электронная школа. URL: <https://resh.edu.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

²¹ Московская электронная школа. URL: <https://school.mos.ru/> (дата обращения: 13.01.2022).

²² ЯКласс. URL: <https://www.yaklass.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

²³ Учи.ру. URL: <https://uchi.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).

²⁴ Lecta.rosuchebnik.ru. URL: <https://lecta.rosuchebnik.ru/> (дата обращения: 13.01.2022).

²⁵ Просвещение. URL: <https://prosv.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

и желание учиться. Нынешний кризис предоставил прекрасную возможность для внедрения инноваций, позволяющих взять на вооружение более активные, интерактивные и экспериментальные методы обучения. Среди этих ориентированных на студентов подходов — обучение по методу решения проблем, самообучение, взаимное обучение, командное обучение, переключение аудитории в смешанный онлайн-офлайн режим, а также использование моделирования и игр, которые могут применяться как самостоятельно, так и в качестве дополнения»²⁶.

Данным критериям соответствует модель смешанного обучения — формат, при котором комбинируется традиционное обучение в классе/аудитории с электронными методами, информационными технологиями, интерактивными элементами. Такой формат интегрирует преимущества типичного и онлайн-образования с личными гаджетами (модель *BYOD* — *bring your own device*, “принеси свое собственное устройство”).

«Пандемия ускорила процессы цифровизации и в условиях карантина оказала негативное влияние на все, что было “завязано” на офлайн. К переходу на “удаленку” не были готовы ни университеты, ни преподаватели, ни обучающиеся, и, как поделился впечатлениями профессор МГУ, доктор политических наук Сергей Володенков, практически никто из опрошенных в ходе внутреннего исследования студентов не хотел бы сохранять полностью дистанционное цифровое обучение после окончания режима самоизоляции. Вместе с тем, он также заметил, что значительная часть студентов была позитивно настроена по поводу гибридной формы обучения»²⁷.

Эта педагогическая модель использует “*microlearning*” — микрообучение для изучения за короткие 10–15 минутные интервалы времени небольших порций учебного материала²⁸. Форма подачи информации разнообразна — интерактивное видео, подкасты, викторины и т.д. Таким инструментом для разработки микрокурсов стал российский конструктор *CORE*²⁹, ставший помощником педагогов в организации образовательного процесса в дистанционном формате.

²⁶ Regional/National perspectives on the impact of COVID-19 on higher education.

²⁷ Туразашвили Б. Влияние коронавируса на индустрию образования и новые тренды.

²⁸ Прончев Г.Б., Монахова Г.А., Монахов Д.Н. Микрообучение как феномен цифровой трансформации образования // Образование и право. 2020. № 6. С. 299–304.

²⁹ Платформа для онлайн обучения. URL: <https://coreapp.ai/> (дата обращения: 15.01.2022).

Пандемия COVID-19 спровоцировала ускоренное развитие российского образовательного программного обеспечения *iSpring Suite* до *iSpring Suite Max*³⁰ (сентябрь 2020). Это программа для создания электронных курсов, тестов и интерактивностей с персонажами трансформировалась в инструмент для совместных проектов. С его помощью над курсом может работать дистанционно несколько человек: менять текст или монтировать видео. При этом не важно, какая операционная система на компьютере: *Windows* или *macOS*.

Кроме того, появился новый сервис *iSpring Space* (август 2020) — онлайн-конструктор микрокурсов в виде интерактивной статьи с навигацией, иллюстрациями и картинками; архив 20 ГБ для каждого разработчика курсов³¹.

Описанное выше программное обеспечение позволяет педагогу создавать авторский образовательный продукт и внедрять его в СДО или использовать в модели “*Blended Learning*” (“смешанное обучение”). Смешанное обучение предоставляет возможность для применения в процессе образования мобильного обучения. *M-learning* — подвид *e-learning*, обучение с мобильного устройства (планшета, смартфона). С начала пандемии количество пользователей смартфонов увеличилось на 93 млн, а в январе 2021 г. количество пользователей смартфонов во всем мире составляло 5,22 млрд, количество пользователей интернета — 4,66 млрд³².

С распространением смартфонов растет и количество мобильных приложений для сферы образования: от игр и тренажеров для запоминания учебного материала — до задачников и онлайн-лекций. Смартфоны предоставляют доступ к электронным учебникам, позволяют воспроизводить аудио- и видеоконтент для изучения нового материала³³.

Мобильные технологии позволяют проводить аттестацию: организовывать тестирование, написание краткого эссе и т.д. Кроме того, они дают возможность осуществлять самостоятельный конт-

³⁰ iSpring. URL: <https://www.ispring.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

³¹ Прончев Г.Б., Монахова Г.А., Монахов Д.Н. Социальные аспекты трансформации российского образования в условиях цифровизации // Образование и право. 2020. № 6. С. 208–214.

³² Интересная статистика: смартфоны, соцсети, Интернет. URL: https://androidinsider.ru/analitika/interesnaya-statistika-smartfony-socseti-internet.html#skolko_lyudej_polzuetsya_smartfonami (дата обращения: 09.01.2022).

³³ Монахова Г.А., Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. Информационно-коммуникационная компетентность педагогических кадров как средство ликвидации цифрового неравенства и обеспечения информационной безопасности России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2015. № 4 (139). С. 37–43.

роль знаний обучающимися. Мобильное обучение может проходить как под руководством педагога (обучающего), так и автономно.

Российское министерство науки и высшего образования представило результаты большого исследования качества образования в вузах в условиях пандемии. В данном исследовании участвовали “13 ведущих российских университетов на основе опроса 36 тыс. студентов, 24 тыс. преподавателей и 800 родителей”³⁴.

Результаты показали: более 90% респондентов считают, что нельзя перевести все дисциплины в онлайн; половина участвовавших в опросе студентов готова и впредь учиться в смешанном формате.

«Многие вузы считают, что такой формат скоро станет повседневной реальностью. Те учебные заведения, которые еще до пандемии внедрили онлайн-платформы и апробировали дистанционное обучение, оказались в выигрыше. Как сказал министр, не пандемия повлияла на качество образования, “она как рентген высветила проблемы в высшей школе: сильные стали сильнее, а слабые слабее”»³⁵.

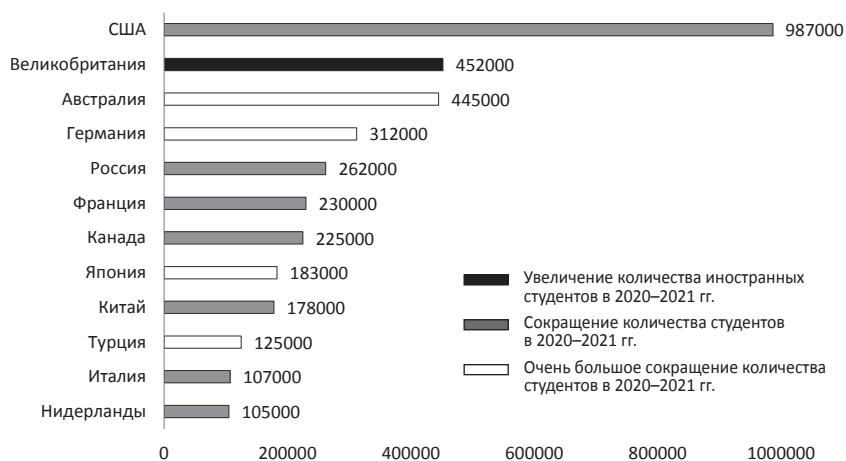

Рис. Международная мобильность студентов в 2020 г.³⁶

Среди основных проблем образования в условиях пандемии можно назвать невозможность организовать полноценное дистанционное обучение, недостаточную техническую подготовленность

³⁴ Образование в условиях ковида. URL: <https://plus.rbc.ru/specials/obrazovanie-v-usloviyah-kovida> (дата обращения: 13.01.2022).

³⁵ Там же.

³⁶ Data // UNESCO Institute of Statistics data. URL: <http://data.uis.unesco.org/#> (дата обращения: 14.01.2022).

педагогического состава, сложности с техническим обеспечением обучающихся, недоступность учебных материалов в условиях дистанционного обучения.

К негативному влиянию пандемии (рис.) можно отнести снижение академической мобильности студентов (перемещение обучающегося на установленный период времени в другую образовательную организацию, расположенную на территории РФ или за рубежом для обучения или осуществления научной деятельности с последующим возвращением в направившую его организацию). Влияние пандемии на планы иностранных студентов по обучению за рубежом (по данным опроса QS (2020b) — *QS World University Rankings*) было существенным для 46%, несущественным — лишь для 25%.

Положительные аспекты влияния пандемии COVID-19 на образовательный процесс — интенсивная работа образовательных организаций по формированию новых форматов обучения, увеличение виртуальной мобильности обучающихся — взаимодействие в цифровой среде. Результаты опроса, осуществленного Центром общего и дополнительного образования имени А.А. Пинского, показали, что в 53% образовательных организаций отсутствует доступ к цифровым платформам; 18,4% педагогов не считают, что применение цифровых технологий в учебном процессе приносит пользу, так как не созданы условия для использования цифровых продуктов (нет интернета, оборудования)³⁷.

В ходе опроса Минобрнауки и Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС³⁸ преподаватели выделили три составляющих успешного дистанционного образования: 1) материальную — обеспечение техникой и программами, 2) коммуникативную — среда для общения, достаточная для поддержания удаленного обучения, 3) организационную — предоставление большей свободы в выборе средств и методов обучения.

Пандемия спровоцировала массовый переход на удаленное обучение и быстрый рост количества сервисов, ориентированных на создание мультимедийных, анимированных и интерактивных образовательных продуктов. Так, в апреле 2020 г. Интернет-центр Пермского государственного национального исследовательского

³⁷ Работаем по-старому: трудности цифровой трансформации школ. URL: https://zen.yandex.ru/media/obucheniepro/rabotaem-postaromu-trudnosti-cifrovoi-transformacii-shkol-61c07e6a45cc07341c255470?utm_campaign=db& (дата обращения: 14.01.2022).

³⁸ Университеты и школы тестируют смешанные форматы обучения. URL: <https://rg.ru/articles/microsoft/> (дата обращения: 14.01.2022).

университета (ПГНИУ) разработал бесплатный сервис “УДОБА”³⁹, позволяющий педагогам создавать для обучающихся 40 различных типов интерактивных заданий.

В сложившейся из-за пандемии ситуации педагоги стали чаще использовать бесплатный российский онлайн-конструктор учебных тренажеров eТреники⁴⁰. Данный сервис дает возможность конфигурировать, используя шаблоны игр, небольшие веб-приложения — тренажеры. Каждый тренажер получает на сайте уникальный код и доступен всем желающим.

Еще один важный вызов, с которым столкнулась система общего и высшего образования в период пандемии COVID-19, — это необходимость пересмотра методов оценки. «По всему миру изучали различные формы альтернативного оценивания, в том числе: “зачет/незачет”, экзамены “открытый интернет/открытая книга”, самосертификация в ходе онлайн-экзамена на основе доверия, коллаборативные формы, эссе по самостоятельной оценке своих достижений по тому или иному курсу, оценки “нового поколения” и т.д.»⁴¹

Для качественного контроля текущих знаний большинство образовательных организаций в период пандемии выбрали метод непрерывной оценки. Таким образом, умения и навыки, которые получают обучающиеся во время занятий, теперь проверяются сразу же. А контрольные и экзамены лишь подтверждают полученный уровень знаний.

Перейдем к рассмотрению влияния пандемии COVID-19 в области создания виртуальных музеев, галерей и выставок, AR/VR проектов. Из-за сложившейся ситуации посещаемость музеев сильно уменьшилась. Так родилась концепция увлекательного виртуального путешествия по ним. Примером может служить мобильное приложение с дополненной реальностью “Walking Museum” (от англ. “музей под открытым небом”⁴²), созданное с помощью российского универсального конструктора AR/VR проектов — *EV Toolbox Advanced 9*⁴³.

Пандемия вызвала ускоренное создание виртуальных музеев, галерей, выставок, где можно было бы получить информацию по об-

³⁹ УДОБА. URL: <https://udoba.org> (дата обращения: 16.01.2022).

⁴⁰ Официальный сайт eТреники. URL: <https://etreniki.ru/> (дата обращения: 17.02.2022).

⁴¹ Salmi J. Learning from the past, coping with the present, readying for the future: impact of COVID-19 on higher education from an equity perspective.

⁴² Walking Museum. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.oneartfoundation.wm&hl=ru&gl=US> (accessed: 08.01.2022).

⁴³ EV Toolbox Advanced 9. URL: <https://eligovision.ru/toolbox/about/> (accessed: 19.01.2022).

разовательной теме в непринужденной атмосфере: “Виртуальные экскурсии по музеям России”⁴⁴, “Экскурсии по музеям мира”⁴⁵, “11 музеев мира, по которым можно прогуляться, не отходя от компьютера”⁴⁶.

Заключение

В опросе на конференции, посвященной новым технологиям в образовании *EdCrunch Glocal* приняли участие 1500 респондентов, среди которых учителя и директора школ, преподаватели и ректоры вузов, деятели науки, методисты, специалисты по корпоративному обучению и разработчики цифровых решений для образования. По результатам опроса трендом образования в 2022 г. считают смешанный формат обучения 35% респондентов.

“Больше половины респондентов считают, что цифровизация в сфере формального (54%) и дополнительного (56%) образования ускорится в 2022 г. Каждый второй респондент считает, что родителей, готовых перевести детей на дистант, станет больше. Такого же мнения насчет заочной формы школьного обучения придерживаются 46% работников образования”⁴⁷.

Российское образование в условиях пандемии COVID-19 столкнулось с экономическими, инфраструктурными, кадровыми, организационными, техническими, методическими вызовами. Но несмотря на ряд негативных влияний данные условия способствовали быстрому развитию и внедрению новых образовательных технологий, моделей, новых подходов и форматов, российского программного обеспечения в процесс обучения на всех ступенях общеобразовательной и высшей школ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11 музеев мира, по которым можно прогуляться, не отходя от компьютера. URL: <http://www.like-a.ru/?p=30169> (дата обращения: 05.01.2022).

Виртуальные экскурсии по музеям России. URL: <http://journal-shkolniku.ru/virtual-ekskursii.html> (дата обращения: 15.01.2022).

Интересная статистика: смартфоны, соцсети, Интернет. URL: https://androidinsider.ru/analitika/interesnaya-statistika-smartfony-socseti-internet.html#skolko_lyudej_polzuetsya_smartfonami (дата обращения: 09.01.2022).

⁴⁴ Виртуальные экскурсии по музеям России. URL: <http://journal-shkolniku.ru/virtual-ekskursii.html> (дата обращения: 15.01.2022).

⁴⁵ Экскурсии по музеям мира. URL: <https://my.mail.ru/mail/irina-v-levina/video/344> (дата обращения: 14.01.2022).

⁴⁶ 11 музеев мира, по которым можно прогуляться, не отходя от компьютера. URL: <http://www.like-a.ru/?p=30169> (дата обращения: 05.01.2022).

⁴⁷ Тренды образования 2022. URL: https://vk.com/prosv_i?w=wall-10474189_58357&utm_campaign=news_january_2022_vypusk_1&utm_medium=email&utm_source=Sendsay (дата обращения: 15.01.2022).

Как пандемия повлияла на образование. URL: <https://zaochnik.ru/blog/kak-pandemija-povlijala-na-obrazovanie/> (дата обращения: 15.01.2022).

Монахова Г.А., Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. Информационно-коммуникационная компетентность педагогических кадров как средство ликвидации цифрового неравенства и обеспечения информационной безопасности России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2015. № 4 (139). С. 37–43.

Московская электронная школа. URL: <https://school.mos.ru/> (дата обращения: 13.01.2022).

Образование в условиях ковида. URL: <https://plus.rbc.ru/specials/obrazovanie-v-usloviyah-kovida> (дата обращения: 13.01.2022).

Прончев Г.Б., Монахова Г.А., Монахов Д.Н. Микрообучение как феномен цифровой трансформации образования // Образование и право. 2020. № 6. С. 299–304.

Прончев Г.Б., Монахова Г.А., Монахов Д.Н. Социальные аспекты трансформации российского образования в условиях цифровизации // Образование и право. 2020. № 6. С. 208–214.

Просвещение. URL: <https://prosv.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

Работаем по-старому: трудности цифровой трансформации школ. URL: https://zen.yandex.ru/media/obucheniepro/rabotaem-postaromu-trudnosti-cifrovoi-transformacii-shkol-61c07e6a45cc07341c255470?&utm_campaign=dbr& (дата обращения: 14.01.2022).

Российская электронная школа. URL: <https://resh.edu.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

Тренды образования 2022. URL: https://vk.com/prosv_i?w=wall-Trendy-obrazovaniya-202210474189_58357&utm_campaign=news_january_2022_vypusk_1&utm_medium=email&utm_source=Sendsay (дата обращения: 15.01.2022).

Туразашвили Б. Влияние коронавируса на индустрию образования и новые тренды. URL: <https://rb.ru/opinion/covid-and-education/> (дата обращения: 14.01.2022).

УДОБА. URL: <https://udoba.org> (дата обращения: 16.01.2022).

Университеты и школы тестируют смешанные форматы обучения. URL: <https://rg.ru/articles/microsoft/> (дата обращения: 14.01.2022).

Учи.ру. URL: <https://uchi.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).

Экскурсии по музеям мира. URL: <https://my.mail.ru/mail/irina-v-levina/video/344> (дата обращения: 14.01.2022).

ЯКласс. URL: <https://www.yaklass.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

Яндекс.Контеcт. URL: <https://contest.yandex.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

Яндекс.Практикум. URL: <https://practicum.yandex.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

Яндекс.Репетитор. URL: <https://yandex.ru/tutor/> (дата обращения: 14.01.2022).

Яндекс.Уроки. URL: <https://education.yandex.ru/lab/library> (дата обращения: 19.01.2022).

Яндекс.Учитель. URL: <https://teacher.yandex.ru/courses> (дата обращения: 19.01.2022).

Яндекс.Школа. URL: <https://school-ya.ru/> (дата обращения: 19.01.2022).

iSpring. URL: <https://www.ispring.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

Lecta.rosuchebnik.ru. URL: <https://lecta.rosuchebnik.ru/> (дата обращения: 13.01.2022).

REFERENCES

11 muzeev mira, po kotorym možno progulyat'sya, ne otkhodya ot komp'yutera [11 museums of the world, where you can walk around without leaving your computer]. URL: <http://www.like-a.ru/?p=30169> (accessed: 05.01.2022) (in Russian).

Data // UNESCO Institute of Statistics data. URL: <http://data.uis.unesco.org> (accessed: 14.01.2022).

Ekskursii po muzeyam mira [Excursions to museums of the world]. URL: <https://my.mail.ru/mail/irina-v-levina/video/344> (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

EV Toolbox Advanced 9. URL: <https://eligovision.ru/toolbox/about> (accessed: 19.01.2022).

iSpring. URL: <https://www.ispring.ru> (accessed: 15.01.2022) (in Russian).

Lecta.rosuchebnik.ru. URL: <https://lecta.rosuchebnik.ru> (accessed: 01/13/2022) (in Russian).

Interesnaya statistika: smartfony, sotsseti, Internet [Interesting statistics: smartphones, social networks, the Internet]. URL: https://androidinsider.ru/analitika/interesnaya-statistika-smartfony-socseti-internet.html#skolko_lyudej_polzuetsya_smartfonami (accessed: 09.01.2022) (in Russian).

Kak pandemiya povliyala na obrazovanie [How the pandemic affected education]. URL: <https://zaochnik.ru/blog/kak-pandemija-povlijala-na-obrazovanie> (accessed: 15.01.2022) (in Russian).

Marinoni G., Van't Land H., Jensen T. The impact of COVID-19 on higher education around the world: IAU global survey report // International Association of Universities. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf (accessed: 15.01.2022).

Monakhova G.A., Monakhov D.N., Pronchev G.B. Informatsionno-kommunikatsionnaya kompetentnost' pedagogicheskikh kadrov kak sredstvo likvidatsii tsifrovogo neravenstva i obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti Rossii [Information and communication competence of teaching staff as a means of eliminating digital inequality and ensuring information security in Russia] // *Predstavitel'naya vlast'. XXI vek: zakonodatel'stvo*. 2015. N 4 (139). S. 37–43 (in Russian).

Moskovskaya elektronnyaya shkola [Moscow Electronic School]. URL: <https://school.mos.ru> (accessed: 01/13/2022) (in Russian).

Obrazovanie v usloviyakh kovida [Education in the conditions of covid]. URL: <https://plus.rbc.ru/specials/obrazovanie-v-usloviyah-kovida> (accessed: 01/13/2022) (in Russian).

Pronchev G.B., Monakhova G.A., Monakhov D.N. Mikroobuchenie kak fenomen tsifrovoy transformatsii obrazovaniya [Microeducation as a phenomenon of digital transformation of education] // *Obrazovanie i pravo*. 2020. N 6. S. 299–304 (in Russian).

Pronchev G.B., Monakhova G.A., Monakhov D.N. Sotsial'nye aspekty transformatsii rossiiskogo obrazovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii [Social aspects of the transformation of Russian education in the conditions of digitalization] // *Obrazovanie i pravo*. 2020. N 6. S. 208–214 (in Russian).

Prosveshchenie [Enlightenment]. URL: <https://prosv.ru> (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

Rabotaem po-staromu: trudnosti tsifrovoy transformatsii shkol [Working in the old way: difficulties of digital transformation of schools]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/obucheniepro/rabotaem-postaromu-trudnosti-tsifrovoy-transformatsii->

shkol-61c07e6a45cc07341c255470?&utm_campaign=dbr& (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

Regional/National perspectives on the impact of COVID-19 on higher education // International Association of Universities. URL: https://iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid-19_regional_perspectives_on_the_impact_of_covid-19_on_he_july_2020_.pdf (accessed: 05.01.2022).

Rossiiskaya elektronnyaya shkola [Russian electronic school]. URL: <https://resh.edu.ru> (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

Salmi J. Learning from the past, coping with the present, readying for the future: impact of COVID-19 on higher education from an equity perspective // Lumina Foundation. URL: <https://www.luminafoundation.org/?s=Salmi> (accessed 22.10.2020).

Stepik. URL: <https://stepik.org/catalog> (accessed: 05.01.2020).

Trendy obrazovaniya 2022 [Education Trends 2022]. URL: https://vk.com/prosv_i?w=wall-10474189_58357&utm_campaign=news_january_2022_vypusk_1&utm_medium=email&utm_source=Sendsay (accessed: 15.01.2022) (in Russian).

Turazashvili B. Vliyaniye koronavirusa na industriyu obrazovaniya i novye trendy [The impact of coronavirus on the education industry and new trends]. URL: <https://rb.ru/opinion/covid-and-education> (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

UDoba. URL: <https://udoba.org> (accessed: 16.01.2022) (in Russian).

Universitety i shkoly testiruyut smeshannyye formaty obucheniya [Universities and schools are testing mixed learning formats]. URL: <https://rg.ru/articles/microsoft> (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

Uchi.ru. URL: <https://uchi.ru> (accessed: 12.01.2022) (in Russian).

Virtual'nye ekskursii po muzeyam Rossii [Virtual tours of Russian museums]. URL: <http://journal-shkolniku.ru/virtual-ekskursii.html> (accessed: 15.01.2022) (in Russian).

Walking Museum. URL: <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.oneartfoundation.wm&hl=ru&gl=US> (accessed: 08.01.2022).

YaKlass. URL: <https://www.yaklass.ru> (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

Yandex.Kontest. URL: <https://contest.yandex.ru> (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

Yandex.Praktikum. URL: <https://practicum.yandex.ru> (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

Yandex.Repetitor. URL: <https://yandex.ru/tutor> (accessed: 14.01.2022) (in Russian).

Yandex.Uroki [Yandex.Lessons]. URL: <https://education.yandex.ru/lab/library> (accessed: 19.01.2022) (in Russian).

Yandex.Uchitel' [Yandex.Teacher]. URL: <https://teacher.yandex.ru/courses> (accessed: 19.01.2022) (in Russian).

Yandex.Shkola [Yandex.School]. URL: <https://school-ya.ru> (accessed: 19.01.2022) (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-69-92

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ УРБАНИЗАЦИИ И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются основные этапы урбанизации, которые выделяются на основе концепции урбанистических революций Эдварда Сойи. Анализируется специфика пространственной организации, характерной для каждого из этапов. Особое внимание уделяется особенностям современного этапа урбанизации, на котором речь идет не только о городах, но и более сложных пространственных образованиях, например, агломерациях. В центре внимания статьи оказывается постметрополис как та пространственная форма, которая, согласно Сойе, приходит на смену традиционному метрополису, в том числе и вследствие развития информационных и коммуникационных технологий. Подробно рассматривается трансформация пригородов, которые из гомогенных жилых районов превращаются в многофункциональные “города на краю” и даже “бескрайние города”, которые чрезвычайно сложно отобразить на карте вследствие их рассредоточения по обширным территориям. Современная урбанизация демонстрирует пространственную морфологию, которая отражает изменения, вызванные становлением постиндустриального общества, глобализацией и научно-техническим прогрессом.

Ключевые слова: урбанизация, пространство, город, пригороды, агломерация, постметрополис, Эдвард Сойя.

THE MAIN STAGES OF URBANIZATION AND THEIR COMPREHENSION IN CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL THEORY

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

The article discusses the main stages of urbanization, which are distinguished on the basis of Soja's concept of urban revolutions. The specificity of the spatial organization of each of the stages is analyzed. Particular attention is paid to the features of the current stage of urbanization, in which there are not only cities, but also more complex spatial formations, such as agglomerations. The article focuses on the postmetropolis as the main contemporary spatial form, according to Soja, which is replacing the traditional metropolis. This process is a result of the development of information and communication technologies. The transformation of the suburbs is also considered; the suburbs are turning from homogeneous residential areas into multifunctional "edge cities" and even "edgeless cities", which are extremely difficult to map due to their dispersal over vast territories. Modern urbanization demonstrates a spatial morphology that reflects the changes caused by the formation of a postindustrial society, globalization and scientific and technological progress.

Key words: urbanization, space, city, suburbs, agglomeration, postmetropolis, Edward Soja.

Любые теоретические разработки в области исследований города и урбанизации обусловлены признанием значительных изменений социальной, экономической и политической жизни. Следовательно, любые концепции города и урбанизации детерминированы, в первую очередь, историческим процессом, хотя и ведут к оформлению разнообразных подходов, которые предлагают авторы¹. Но каждая из теорий и концепций объясняет те исторические условия, в которых она была изначально разработана, поэтому для понимания специфики современного этапа урбанизации и его отражения в социологических теориях необходимо проследить всю историю эволюции урбанистического пространства.

Как весьма образно указывает американский исследователь Л. Мамфорд, город долгое время символически был целым миром; а сейчас мы видим мир, который во многом превратился в город². И именно происходящие социальные изменения дают "второе дыхание" исследованиям города и урбанизации в социологии, поскольку со второй половины XX столетия урбанистическое пространство претерпевает довольно серьезную трансформацию, что получает свою интерпретацию в современных социологических теориях.

Так, урбанизация представляет собой гораздо более сложное явление, нежели просто переселение людей из сельских районов в городские, поскольку формируется новый образ и стиль жизни. Американский социолог Ч. Тилли предлагает рассматривать урба-

¹ McQuarrie M., Marwell N.P. The missing organizational dimension in urban sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. N 3. P. 249.

² Mumford L. The city in history: its origins, its transformations, and its prospects. San Diego; N.Y.; L., 1989. P. XI.

низацию как макропроцесс, связанный с повседневной жизнью, но вместе с тем позволяющий лучше понять социальную историю в целом³. С его точки зрения, изучение городов и процессов урбанизации является лучшим способом для того, чтобы проследить изменение общества, поскольку город — это базовая форма организации пространства и социальной жизни. Поэтому все этапы урбанизации находят свое отражение в социологической теории, позволяя увидеть трансформацию не только пространственных форм, но и общества в целом.

Первые города возникли несколько тысячелетий назад и за этот период они стали, по словам Р. Парка, общепринятой “пространственной конфигурацией”⁴, т.е. фактически представлять собой историческую форму организации социальной жизни, существующую со времен цивилизационного перехода. Более того, сам термин “цивилизация” своими корнями уходит к латинскому *civis*, который трактуется многими авторами как “гражданин, проживающий в городе”⁵. На это указывают К. Маркс и Ф. Энгельс, считая, что “противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации”⁶. Схожие идеи высказывает и уже упомянутый выше Р. Парк, для которого город представляет собой естественное обиталище цивилизованного человека, поскольку именно в городе человек создал философию и науку: “...именно в городской среде — в мире, который человек сам себе создал — человечество впервые возвысилось до интеллектуальной жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей”⁷. Тем самым, урбанизация является одним из ключевых процессов, представляющих интерес для социологии, поскольку социальная, экономическая, политическая и культурная жизнь общества концентрируется в городах, а с XX столетия и в более сложных урбанистических образованиях.

Социальная история — это во многом урбанистическая история, поскольку общества любой эпохи конституируются преиму-

³ Tilly Ch. What good is urban history? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. N 6. P. 702–719.

⁴ Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11.

⁵ Palen J.J. The urban world. L., 2008. P. 3; Soja E. W. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007. P. 23.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. Социология: Сб. М., 2000. С. 373.

⁷ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3.

щественно теми же процессами, которые формируют их города⁸, и поэтому неудивительно, что Р. Парк в заголовке одной из своих ключевых статей называет город “социальной лабораторией”. Для него именно город является “предпочтительным местом для исследований социальной жизни”⁹, поскольку он убежден, что города являются теми пространствами, где разворачиваются наиболее значимые социальные процессы. При этом численность жителей городов к началу XIX в. составляла лишь 3% мирового населения¹⁰, однако это не мешало относительно небольшим по современным меркам городам на протяжении многих столетий быть экономическими, политическими и культурными центрами всех великих древних цивилизаций, поскольку урбанистическое пространство во все времена характеризуется максимально разнообразными видами деятельности людей.

Французский социолог А. Лефевр предпринимает одну из попыток выделить основные этапы развития городов и урбанизации, значимые для социальной истории. По его словам, если попытаться представить процесс урбанизации как прямую, на которой точка отчета соответствует отсутствию городов, а с другой стороны находится полностью урбанизированное общество, в котором и сельская местность под влиянием городов превратилась в урбанизированные территории, то можно проследить, как развивался процесс урбанизации¹¹. Близко к нулю появляется полис, т.е. город как политический центр, который доминирует в окружающей его сельской местности. Чуть дальше на оси можно отметить торговый город, в основе развития которого оказались операции обмена, расширение связей, в том числе и с иностранцами, деньги и движимое имущество. Затем история городов представляет собой дуальное развитие индустриализации и урбанизации, когда сельское хозяйство становится менее значимым, нежели ремесла и промышленное производство, что открывает путь к развитию капитализма и становлению нового типа города.

Тем не менее, многие современные города уже не являются индустриальными центрами, что стало одним из результатов трансформации рынка труда при переходе к постиндустриальному обществу. Эти изменения находят свое отражение в концепции

⁸ Read S. Intensive urbanization: levels, networks and central places // *The Journal of Space Syntax*. 2013. Vol. 4. N 1. P. 2.

⁹ Парк Р. Город как социальная лаборатория. С. 12.

¹⁰ Cohen R., Kennedy P. *Global sociology*. N.Y., 2007. P. 408.

¹¹ Lefebvre H. *Le droit à la ville*. P., 2015. P. 70.

постметрополиса Э. Сойи, который предлагает свою логику развития “пространственности человеческой жизни”¹². Он выстраивает свою версию урбанистической истории, следуя за идеями А. Лефевра о “производстве пространства”¹³, которое, с одной стороны, детерминировано мыслями и действиями людей, с другой стороны, начинает формировать соответствующий ему образ жизни и мышления. Признание того, что пространственность является социально сконструированной, позволяет ему рассматривать все исторические и социальные процессы как своеобразное “сотворение географии”, основой которой следует считать процесс урбанизации.

Э. Сойя предлагает данную концептуальную основу и «выстраивает типологизацию урбанистических форм жизни как историческую периодизацию, как “геоисторию” человеческих поселений, аккумулирующих в пространственных формах формы социальной жизни»¹⁴, которые могут быть представлены через историю четырех урбанистических революций. Его версия “геоистории” во многом представляет собой обобщение и продолжение идей А. Лефевра и Л. Мамфорда о том, что является главными вехами процесса урбанизации.

Однако Э. Сойя включает в свою периодизацию новые процессы, практически отсутствующие у двух предыдущих авторов, и связывает современные изменения, характерные для городов, с четвертой урбанистической революцией. Это выделяет его концепцию среди остальных, несмотря на то что взгляд Э. Сойи на первые этапы урбанизации во многом является повторением тезисов, высказанных ранее другими авторами. Тем не менее, представляется целесообразным рассмотреть все выделенные им урбанистические революции, чтобы, во-первых, не нарушать логику его рассуждений, позволяющую проследить урбанистическую историю от возникновения первых городов до наших дней, и, во-вторых, подробнее остановиться на специфике каждого из этапов.

Первая урбанистическая революция, согласно Э. Сойе, связана с так называемой “протоурбанизацией”¹⁵, ставшей результатом перехода к оседлому образу жизни. Около 40 тысяч лет назад начинается строительство еще не городов, но поселений, которые при необходимости можно легко забросить или перестроить, что

¹² Soja E. W. Op. cit. P. 6.

¹³ Lefebvre H. La production de l'espace. P., 1974.

¹⁴ Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 74.

¹⁵ Soja E. W. Op. cit. P. 23.

является значительным шагом вперед по сравнению с пещерными жилищами. Одомашнивание растений и животных примерно 10 тысяч лет назад, названное неолитической революцией, приближает человечество к полноценному земледелию и животноводству вместо охоты и собирательства, на территории юго-западной Азии происходит становление таких политических форм, как “вождизм” или “деревня-государство”. Это сопровождается оформлением новых поселенческих форм, меняющих социальную жизнь и социальный порядок, посредством систематической планировки и упорядоченного распределения земли. Однако аграрные общества эпохи неолита, несмотря на все свои достижения (создание запасов продовольствия, начало разделения труда, технологические решения, в частности, в сфере ирригации, появление письменности и другие атрибуты цивилизации), еще не создают того, что можно было бы именовать городом.

Необходимо отметить, что Л. Мамфорд также отмечает, что отправной точкой урбанизации следует считать не города, а “эополисы”¹⁶, которые предстают как прототипы города, возникающие при переходе к оседлому образу жизни. Эти протогорода обеспечивают значительный экономический и культурный рост, поскольку сглаживают сезонные и циклические нарушения в сельском хозяйстве за счет избыточного производства.

Это самое начало урбанизации, которое редко попадает в сферу внимания социологов. Но именно этот период обеспечивает формирование основы для цивилизационного перехода и возвышения городов в качестве политических, экономических и культурных центров.

Результатом *второй урбанистической революции* становится оформление собственно городов, прежде всего, в Месопотамии, имевшее место около 6–7 тысяч лет назад и связанное с комплексом причин: усилением административной власти, развитием торговли, расширением религиозной и церемониальной деятельности, появлением новых технологий, ростом численности населения и т.д. Э. Соья полагает, что необходимо также учитывать влияние синекизма¹⁷, который в данном контексте он понимает как объединение нескольких деревень и поселений в одно большое и консолидированное урбанистическое образование.

Так, трансформация знания и власти ведет к изменению пространства и появлению городов, среди которых одним из первых

¹⁶ Mumford L. The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970. P. 285.

¹⁷ Soja E. W. Op. cit. P. 23.

исследователь считает шумерский Ур¹⁸. Фактически, происходит практически одновременное создание двух новых пространственных форм социальной жизни — города и государства, иногда объединяющихся в город-государство, или полис, появление которого принято рассматривать как отправную точку цивилизации и письменной истории человечества. Ур представляет собой один из первых примеров подобного города-государства, хотя полис традиционно ассоциируется с Грецией. При этом Рим, по словам Э. Сойи, демонстрирует становление “города-империи”¹⁹, где понятие гражданства относится уже не к жителю города, а к жителю государства. Тем не менее, даже в случае империи именно город, в данном случае Рим, рассматривается как основная пространственная форма и главная движущая сила истории.

Этот период урбанистического развития довольно подробно рассмотрен М. Вебером, который отмечает, что основой античных, а позднее и средневековых городов следует считать экономическое, политическое и культурное единство: “Античные города были в соответствии с представлениями их жителей (а эти представления имели на практике важное значение) прежде всего добровольными объединениями и конфедерациями, составленными из ассоциаций лиц отчасти преимущественно родового характера, а отчасти (как это было, вероятно, с фратриями) преимущественно военного”²⁰. Однако в средневековых городах происходит ослабление рода в качестве конституирующего город элемента, поскольку города превращаются в «общественную ассоциацию, обладающую особыми и характерными органами, союз “бюргеров”, подчиненных в качестве таковых общему для всех них и только для них существующему праву»²¹. Более того, принадлежность жителей города к каким-либо другим сообществам, кроме городского, теряет свое значение.

Необходимо также отметить, что несмотря на социальную неоднородность городов они становятся уникальными пространствами, где “сословные различия исчезали, во всяком случае в той мере, в какой они означали отличие свободных (в традиционном смысле) от несвободных”²², а свободным делал уже сам городской воздух. При этом М. Вебер оговаривается, что речь идет преимущественно о западном городе, который в Средние века «был скрепленной присягой “коммуной” и считался в правовом смыс-

¹⁸ Soja E. W. Op. cit. P. 60.

¹⁹ Ibid. P. 24.

²⁰ Вебер М. Город. М., 2018. С. 58.

²¹ Там же. С. 55.

²² Там же. С. 53.

ле “корпорацией”»²³. Тем самым, западные средневековые города следует рассматривать как вполне автономные образования, определявшие правовое положение своих жителей как членов сообщества. Более того, в Средние века происходит формирование союзов городов, например, ганзейский, что демонстрирует довольно высокую степень их автономии и международное значение.

Так, города в качестве стратегических пространств существуют на протяжении нескольких тысячелетий, но доля их жителей в общей численности населения продолжает оставаться не очень высокой, пока не разворачивается *третья урбанистическая революция*, способствовавшая оформлению промышленного города, который Э. Сойя называет “модерновым метрополисом”²⁴. Новая мощная “волна” урбанизации связана со становлением капитализма и оформлением общества модерна²⁵, поэтому исследователь и называет соответствующий данному периоду город модерновым. Французский историк Ф. Бродель указывает на важную роль городов в становлении капитализма в целом²⁶ и связывает этот процесс именно с городами. Хотя М. Вебер указывает, что средневековые города не следует рассматривать как основу современного капитализма или современного государства, это, тем не менее, не мешает им быть “одним из важнейших и неперенных факторов их возникновения”²⁷.

При этом урбанизация на всех своих этапах принимает разнообразные “пестрые формы”²⁸, иначе говоря, торговые, колониальные, промышленные и другие города имеют свои особенности. Однако именно промышленные города рассматриваются как ключевые пространства становления урбанизированного капиталистического общества. Для Э. Сойи их классическими примерами являются Манчестер и Чикаго²⁹, которые можно назвать своеобразными социальными и пространственными “лабораториями” для теоретического осмысления данного этапа урбанизации и урбанизма как особого образа жизни.

Промышленная урбанизация во многом представляет собой “структурирование” окрестностей вокруг центров и новых транс-

²³ Вебер М. Указ. соч. С. 68.

²⁴ Soja E. W. Op. cit. P. 76.

²⁵ Palen J. J. Op. cit. P. 3; Cohen R., Kennedy P. Op. cit. P. 246; Tilly Ch. The forms of urbanization // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods / Ed. by T. Parsons. N.Y., 1968. P. 75–76.

²⁶ Braudel F. The perspective of the world: civilization and capitalism 15–18-th Century. Vol. III. L., 1984. P. 27.

²⁷ Вебер М. Указ. соч. С. 180.

²⁸ Tilly Ch. The forms of urbanization. P. 80.

²⁹ Soja E. W. Op. cit. P. 78–94.

портных сетей (железнодорожных, автомобильных и т.п.), которые позволяют с высокой скоростью преодолевать значительно большие расстояния, чем это могли сделать пешеходы, лошади и повозки доиндустриальных времен³⁰. Города становятся не только местом жизни все большего числа людей, но и важнейшими производственными центрами индустриального общества.

Тем самым, промышленный город и сопровождающий его городской образ жизни возникают совсем недавно, однако они становятся объектами изучения для многих представителей классической социологии. К ним, в частности, относятся К. Маркс и Ф. Энгельс, которые предлагают свое прочтение третьей урбанистической революции, которое находит свое продолжение и в современной социологии, например, в работах А. Лефевра³¹. Промышленный город со своими конфликтами, но тем не менее, рассматривающийся как сообщество, становится одним из основных объектов исследования в социологии XIX — первой половины XX столетия, поскольку является пространством ключевых социальных изменений, что и ведет к появлению социологии города.

По словам С. Сассен, “в первой половине XX века исследования города были сердцем социологии. Доказательством этого являются работы Зиммеля, Вебера, Беньямина, Лефевра, Чикагской школы, особенно Парка и Вирта, испытавших серьезное влияние немецкой социологии. Эти социологи столкнулись с массовыми процессами — индустриализацией, урбанизацией, отчуждением, новыми культурными формами, которые они назвали урбанистическими. Однако к 1950-м годам исследования города постепенно утратили свою привилегированную роль в социологии в качестве линзы для изучения социальных процессов и источника ключевых аналитических категорий”³². Это можно объяснить тем, что социологии требуется время для осмысления социальных изменений XX столетия, которые ставят перед социологией новые вопросы, требующие ответов.

Современная социология города и урбанизации во многом представляет собой осмысление тех трансформаций, которые Э. Соя называет *четвертой урбанистической революцией*. Она разворачивается в конце XX столетия вследствие субурбанизации, деиндустриализации или реиндустриализации, глобализации и информатизации и приводит к появлению того, что Э. Соя называет

³⁰ Read S. Op. cit. P. 9.

³¹ Lefebvre H. Le droit à la ville; *Idem*. La production de l'espace.

³² Sassen S. What would Jane Jacobs see in the global city? Place and social practices // The Urban Wisdom of Jane Jacobs / Ed. by S. Hirt, D. Zahm. N.Y., 2012. P. 86.

“постметрополисом”³³, который, по его мнению, является постиндустриальным, постмодерновым и посткапиталистическим. Если город, появившийся в результате второй и третьей урбанистических революций, можно охарактеризовать как “дискретную географическую, экономическую, политическую и социальную единицу, которую легко идентифицировать по четкому отделению от сельского пространства”³⁴, то постметрополис утрачивает границы, “втягивая” в себя близлежащие территории и превращая их в зону своего экономического и символического влияния.

Формирование новых урбанистических образований позволяет итальянскому социологу Ф. Ферраротти сделать вывод о том, что “классический город исчерпывает себя”³⁵, поскольку грань между городом и сельской местностью постепенно стирается, создавая пространство, называемое Э. Соей постметрополисом. При этом границы постметрополиса становятся все более проницаемыми, не давая не только отделить город от того, что находится за его пределами, но и затрудняя установление границ между разными постметрополисами, поскольку формируются обширные урбанизированные территории, не имеющие четких очертаний.

Формирование агломераций и мегалополисов во многом обусловлено распространением личного автотранспорта, поскольку автомобили разрушили городские стены и уничтожили барьеры на своем пути. А. Лефевр даже призывал ограничить производство и использование автомобилей, поощрять людей пользоваться общественным транспортом, чтобы окончательно не утратить город, получив взамен аморфное образование³⁶. Однако остановить процесс образования новой пространственной морфологии оказалось невозможно, тем более что формирование агломераций детерминировано еще и миграционными процессами, ставшими гораздо более интенсивными к концу XX столетия, нежели прежде. В XXI в. число мигрантов, как внутренних, так и внешних, растет с каждым годом, заставляя города расширять свои границы, превращаясь в крупные урбанизированные образования.

Важную роль в создании новой топографии также играют современные коммуникационные и информационные технологии, что позволяет назвать эту топографию “электронной”³⁷. В ее основе оказываются не только физические пространства, но также

³³ Soja E. W. Op. cit. P. 147.

³⁴ Chambers I. Border dialogues: journeys in postmodernity. L.; N.Y., 1990. P. 53.

³⁵ Ferrarotti F. Five scenarios for the year 2000. N.Y.; Westport; L., 1986. P. 31.

³⁶ Lefebvre H. Le droit à la ville. P. 117–118.

³⁷ Soja E. W. Op. cit. P. 151.

сети виртуальной реальности, искусственный интеллект, кибер-реальность и цифровые сообщества. Можно сказать, что для пост-метрополиса характерна психастения, которая понимается в урбанистике как “нарушение отношений между собой и окружающей территорией, состояние, в котором пространство, определяемое координатами собственного тела, смешивается с представляемым пространством”³⁸. Психастенический постметрополис отказывается от собственной идентичности и фактически поглощается окружающей средой, исчезая как дифференцированная сущность. Урбанизированное пространство становится все более похожим на глобальные географические регионы, нежели на привычные города.

Однако метрополисы продолжают существовать в новых пространственных реалиях параллельно с постметрополисами. В данной ситуации у метрополиса есть два основных пути: он может превратиться в заброшенный памятник предыдущей эпохи (например, Детройт) или же шагнуть в будущее, трансформировавшись в постметрополис, как это вполне успешно делает Лос-Анджелес, являющийся для Э. Сойи главным примером новой пространственной организации³⁹. С его точки зрения, именно Лос-Анджелес может служить модельным объектом для изучения специфики современного этапа урбанизации, когда города утрачивают четкие границы.

Новый этап урбанизации также характеризуется изменением пригородных форм жизни, которые становятся все более густонаселенными и неоднородными, похожими на традиционные города со свойственными им проблемами. Современные пригороды отражают фундаментальное изменение урбанистических форм социальной жизни, которая к концу XX столетия “не имеет никаких определенных границ, центра или периферии, а также четких различий между жилыми, промышленными или деловыми зонами”⁴⁰. Кроме того, происходит формирование кластеров децентрализованной занятости, в которых наиболее значимым элементом является создание рабочих мест для сотрудников офисов⁴¹. Не менее важное значение имеет и строительство деловых и развлекательных центров за пределами городских границ, которое приводит к радикальным изменениям урбанистического пространства.

Кроме жилых пригородов (*suburbs*), характерных для середины XX столетия, во второй его половине появляются так называемые

³⁸ Olalquiaga C. Megalopolis. Minneapolis, 1992. P. 1–2.

³⁹ Soja E. W. Op. cit. P. 154.

⁴⁰ Fishman R. Bourgeois utopias: the rise and fall of suburbia. N.Y., 1987. P. 189.

⁴¹ Lang R. E. Edgeless cities: exploring the elusive metropolis. Washington, 2003.

“города на краю” (*edge cities*)⁴², которые представляют собой особый тип пригородов, возникающих вокруг деловых и торгово-развлекательных центров. Это большие многофункциональные кластеры, которые включают в себя офисные и торговые помещения, находящиеся за пределами центральных районов и привлекающие в свои рабочие часы множество людей.

Однако трансформация урбанистического пространства продолжается, в начале XXI столетия исследователи отмечают появление нового явления — “бескрайних городов” (*edgeless cities*)⁴³ и заявляют о том, что их роль в создании рабочих мест за пределами традиционных городских границ еще выше, чем у “городов на краю”. Отличие “бескрайних городов” заключается в том, что их довольно сложно локализовать, поскольку они не отличаются такой высокой концентрацией коммерческих помещений, как “города на краю”. Тем не менее, “бескрайние города” с огромным разнообразием коммерческих форм живут активной деловой жизнью, которую весьма сложно нанести на карту в силу ее рассредоточения по большим урбанизированным пространствам.

Так, “расколотый урбанизм”⁴⁴ постепенно вытесняет традиционные модели структурирования городского пространства, которые продолжительное время были главными элементами городской географии. Вокруг мега-городов формируются урбанизированные регионы, причем этот процесс можно наблюдать в Европе⁴⁵, Северной Америке⁴⁶ и на всех континентах, за исключением Антарктиды⁴⁷. Следствием городской экспансии становится новая доминирующая форма урбанизации: образование полицентричных сетей, включающих в себя несколько десятков городов, разделенных административными границами, но функционально объединенных в одно целое. Различные населенные пункты группируются вокруг одного или нескольких крупных городов и получают экономические преимущества благодаря новому функциональному разделению труда, что требует серьезного социологического анализа.

Необходимо отметить, что первыми на тот факт, что границы городов становятся все более условными, указывают представители британской школы проектировщиков городского пространства.

⁴² Garreau J. *Edge city: life on the new frontier*. N.Y., 1991.

⁴³ Lang R.E. *Op. cit.*

⁴⁴ Graham S., Marvin S. *Splintering urbanism*. L., 2001.

⁴⁵ Hall P., Pain K. *The polycentric metropolis. Learning from mega-city regions in Europe*. L., 2006.

⁴⁶ Carbonell A., Yaro R.D. *American spatial development and the new megalopolis // Land Lines*. 2005. Vol. 17. N 2. P. 1–4.

⁴⁷ Khanna P. *Connectography: mapping the future of global civilization*. N.Y., 2016.

Так, помимо детального изучения бедности и нищеты в условиях растущего благосостояния, Ч. Бут фиксирует, что город и его окрестности постепенно превращаются в единую социально-экономическую систему, поэтому власти Лондона, принимая решения, должны учитывать непрерывный и довольно быстрый рост численности населения⁴⁸. Другой представитель данной школы, П. Геддес, приходит к выводу о том, что необходимо рассматривать города как центры более крупных образований. Он предлагает концепцию регионального планирования, считая улучшение градостроительства главным практическим применением социологии⁴⁹. Тем самым, они первыми отмечают изменение урбанистической морфологии в то время, когда эти процессы были еще не столь очевидны, как во второй половине XX в.

На различие между естественными и административными границами городов указывает и Р. Парк. По его словам, город «обычно является центром региона с очень высокоспециализированным производством, и вокруг него широко простирается соответствующая торговая зона. В этих условиях основные очертания современного города будут определяться 1) локальной географией и 2) маршрутами транспортных перевозок»⁵⁰. Однако урбанистическая морфология второй половины XX столетия значительно сложнее и определяется гораздо большим количеством факторов, нежели 100 лет назад. В частности, современные постметрополисы функционируют в условиях глобализации, которая также способствует стиранию границ, причем не только между городами и окружающими их территориями, но и между обществами, что получает серьезное осмысление в социологической теории.

Глобализация не только способствует пересмотру пространственно-временных отношений, в частности, по словам У. Бека, требуя отказа от парадигмы обществ, организованных в рамках национальных государств⁵¹. Новые урбанистические формы вполне могут стать основой для изучения социальной жизни в условиях глобализации и цифровизации. Социологические исследования города и урбанизации конца XX — начала XXI в. по-прежнему выстраиваются на основе изучения сообществ, которые рассматриваются как универсальные формы социальной жизни. При этом необхо-

⁴⁸ Booth Ch. Life and labour of the people in London. L., 1903. Vol. 17. P. 179.

⁴⁹ Munshi I. Patrick Geddes: sociologist, environmentalist and town planner // Economic and Political Weekly. 2000. Vol. 35. N 6. P. 485–491.

⁵⁰ Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 14.

⁵¹ Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. N 1. P. 80.

димо отметить, что появление новых средств коммуникации, делая возможным образование новых типов сообществ, существующих в киберпространстве, не снимает значимости для них локального компонента, являющегося результатом принадлежности к тем или иным урбанистическим сообществам с их культурой, системой ценностей и моделями поведения.

Тем самым, пространственно-временные изменения, ставшие результатом четвертой урбанистической революции, способствуют оформлению новой глобальной морфологии, которая оказывается в центре внимания многих социологов. Изучение пространства становится одной из основных интеллектуальных областей, в которой формулируются альтернативы национально-государственному порядку. Особенно явно это происходит в рамках дискуссий по вопросам глобализации и формирования мировых и глобальных городов, которые рассматриваются как локализованные узлы в глобальной иерархии межгородских отношений, сменяющих межгосударственные⁵² и напоминающих союзы средневековых городов. Формируется новое видение социальной реальности, конструирующейся в результате стремления транснационального капитала максимизировать свою способность перемещаться без препятствий, создающихся государственными границами или регулирующими органами. При этом глобальный ракурс рассмотрения многих социальных процессов дополняется локальным, поскольку это естественная составляющая социологического анализа городов и урбанизации.

Американский социолог С. Сассен полагает, что многие проблемы, стоящие перед современной социологией вообще и городскими исследованиями в частности, связаны с глобальными трансформациями и следующими за ними изменениями пространственных моделей⁵³. Можно сказать, что глобализация способствует смещению интересов социологии от национальных государств к городам и новым урбанистическим формам, которые снова рассматриваются не только как сообщества, но и как основные формы социальной жизни и главные экономические и политические центры современного мира.

Тем самым, пространство является одной из важнейших категорий современной социологической теории⁵⁴, которая позволяет характеризовать общества и сравнивать их друг с другом, и именно

⁵² *Taylor P.J.* Embedded statism and the social sciences: opening up to new spaces // *Environment and Planning A*. 1996. Vol. 28. N 11. P. 1917–1928.

⁵³ *Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. N 1. P. 143.

⁵⁴ *Giddens A.* The constitution of society: outline of the theory of structuration. Cambridge, 1986. P. 110–119.

поэтому история социологии предлагает множество попыток концептуализации пространственного порядка. Современная социология так же, как и классическая, указывает на связь социальных форм с пространством и временем, подчеркивая, что изучение городов и урбанизации является фундаментальным компонентом социологической теории, поскольку представляет собой осмысление пространственно-временных форм организации социальной жизни от протогородов до постметрополисов.

Современный этап социологических исследований, в центре внимания которых находятся уже не только города, но и процесс урбанизации в целом, фактически совпадает по времени со становлением постиндустриального общества, изменившего не только рынок труда, но и пространственную морфологию, заставив промышленные города искать новые векторы своего развития. На данном этапе урбанизация начинает рассматриваться более широко, а именно, как процесс, предполагающий образование высокоурбанизированных зон, способных включать в себя несколько городов, а также менее крупные поселения⁵⁵. Тем самым, постиндустриальное общество диктует новую пространственную структуру, преодолевающую административные границы городов и выходящую за их пределы, что дает новый импульс для проведения социологических исследований города и урбанизации.

Современность бросает вызов территориальным границам и предлагает широкий диапазон новых урбанистических образований, в том числе и в развивающихся странах. Местные традиции трансформируются глобализационными процессами, обостряя социальные проблемы, которые требуют поиска решений объединенными усилиями представителей таких наук, как экономика, география, политология, социология и других. Особенно беспокоит ученых усиление экономического и социального неравенства, появление новых его форм, в частности, экологического и пространственного, во многом связанных с неолиберальной глобализацией. Сегодня архитекторы и градостроители должны предлагать гибкие модели развития территорий не только на основе их функциональности, но и учитывая возможности если не решения, то хотя бы сокращения числа существующих социальных проблем.

Современные авторы указывают на формирование новых пространственных форм и даже урбанистической цивилизации, определяемой процессами общего переструктурирования экономической и социальной жизни на фоне процессов глобализации, сетевизации

⁵⁵ Zukin S. A decade of the new urban sociology // *Theory and Society*. 1980. Vol. 9. N 4. P. 576.

и цифровизации, которые меняют сообщества, что требует своего социологического анализа. Тем самым, исследования города и урбанизации в современной социологии выходят с локального уровня, характерного для Чикагской школы, на глобальный, поскольку многие новые вопросы требуют своего изучения в международном масштабе. Например, все большее внимание уделяется проблемам, связанным с взаимозависимостью и необходимостью устойчивого развития, поскольку тема экологии приобретает все более серьезное звучание в социологии, и она не может рассматриваться исключительно в локальном контексте.

Тем самым, социология на рубеже XX–XXI столетий демонстрирует готовность адаптироваться к новым для науки вызовам, постоянно включая в сферу своего внимания перспективные направления исследований. В частности, современная социология города и урбанизации предлагает анализ того, как глобальные сети урбанистических образований участвуют в изменении пространства государственной власти и городского управления⁵⁶. Соответственно, урбанистическое пространство в современной социологии, как и в начале прошлого столетия, становится “лабораторией” для изучения многих вопросов, стоящих перед обществом и социологией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Город. М., 2018.
Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4.
Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. Социология: Сб. М., 2000.
Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3.
Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1.

REFERENCES

- Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. N 1.
Braudel F. The perspective of the world: civilization and capitalism 15–18-th century. Vol. III. L., 1984.
Carbonell A., Yaro R.D. American spatial development and the new megalopolis // Land Lines. 2005. Vol. 17. N 2.
Chambers I. Border dialogues: journeys in postmodernity. L.; N.Y., 1990.
Cohen R., Kennedy P. Global sociology. N.Y., 2007.

⁵⁶ Le Galès P., Harding A. Cities and states in Europe // West European Politics. 1998. Vol. 21. N 3.

- Ferrarotti F.* Five scenarios for the year 2000. N.Y.; Westport; L., 1986.
- Fishman R.* Bourgeois utopias: the rise and fall of suburbia. N.Y., 1987.
- Garreau J.* Edge city: life on the new frontier. N.Y., 1991.
- Giddens A.* The constitution of society: outline of the theory of structuration. Cambridge, 1986.
- Graham S., Marvin S.* Splintering urbanism. L., 2001.
- Hall P., Pain K.* The polycentric metropolis. Learning from mega-city regions in Europe. L., 2006.
- Khanna P.* Connectography: mapping the future of global civilization. N.Y., 2016.
- Lang R. E.* Edgeless cities: exploring the elusive metropolis. Washington, 2003.
- Le Galès P., Harding A.* Cities and states in Europe // West European Politics. 1998. Vol. 21. N 3.
- Lefebvre H.* La production de l'espace. P., 1974.
- Lefebvre H.* Le droit à la ville. P., 2015.
- Marks K., Engel's F.* Nemeckaya ideologiya [German ideology] // Marks K. Sociologiya: Sb. M., 2000 (in Russian).
- McQuarrie M., Marwell N.P.* The missing organizational dimension in urban sociology // City & Community. 2009. Vol. 8. N 3.
- Mumford L.* The city in history: its origins, its transformations, and its prospects. San Diego; N.Y.; L., 1989.
- Mumford L.* The culture of cities. San Diego; N.Y.; L., 1970.
- Olalquiaga C.* Megalopolis. Minneapolis, 1992.
- Palen J.J.* The urban world. L., 2008.
- Park R.* Gorod kak social'naya laboratoriya [City as a social laboratory] // Sociologicheskoe obozrenie. 2002. T. 2. N 3 (in Russian).
- Park R.* Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguraciya i moral'nyj poryadok [Urban community as a spatial configuration and moral order] // Sociologicheskoe obozrenie. 2006. T. 5. N 1 (in Russian).
- Read S.* Intensive urbanization: levels, networks and central places // The Journal of Space Syntax. 2013. Vol. 4. N 1.
- Sassen S.* New frontiers facing urban sociology at the Millennium // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. N 1.
- Sassen S.* What would Jane Jacobs see in the global city? Place and social practices // The Urban Wisdom of Jane Jacobs / Ed. by S. Hirt, D. Zahm. N.Y., 2012.
- Soja E. W.* Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Malden, 2007.
- Taylor P.J.* Embedded statism and the social sciences: opening up to new spaces // Environment and Planning A. 1996. Vol. 28. N 11.
- Tilly Ch.* The forms of urbanization // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods / Ed. by T. Parsons. N.Y.; L., 1968.
- Tilly Ch.* What good is urban history? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22. N 6.
- Veber M.* Gorod [City]. M., 2018 (in Russian).
- Vershinina I.A., Polyakova N.L.* Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennoj sociologicheskoy urbanistiki [Theoretical and methodological problems of modern sociological urban studies] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2013. N 4 (in Russian).
- Zukin S.* A decade of the new urban sociology // Theory and Society. 1980. Vol. 9. N 4.

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-93-118

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Т.Н. Самсонова, докт. полит. наук, проф. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Е.К. Леонов, магистрант кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье анализируется роль инновационных СМИ, в частности интернета, в процессе политической социализации российской молодежи, которая происходит в условиях глубоких социально-экономических и политических преобразований, глобализации и цифровизации. Трансформационный потенциал интернет-технологий неоспорим. Агрегаторы политических новостей, онлайн-блогеры, анонимные Telegram-каналы представляют широкий спектр политической информации и мнений. Рассматривая интернет как революционное средство коммуникации, авторы предприняли анализ его основных характеристик, исследование виртуальных сообществ как пространства политической социализации, процессов гибридизации, подразумевающих консолидацию свойств реальных и виртуальных сообществ. Обоснована важность адекватной оценки роли инновационных медиа в политической социализации молодежи, в формировании политической субъективности молодых российских граждан.

Ключевые слова: средства массовой информации, интернет, российская молодежь, политическая социализация, виртуальное сообщество.

THE ROLE OF THE INTERNET IN POLITICAL SOCIALIZATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Samsonova Tatiana N., PhD in Political Science, Professor, Department of Politology and the Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ashberry@mail.ru

Leonov Evgeniy K., Master's Student, Department of Politology and the Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: e.kn.leonov@gmail.com

* **Самсонова Татьяна Николаевна**, e-mail: ashberry@mail.ru

** **Леонов Евгений Константинович**, e-mail: e.kn.leonov@gmail.com

The article analyzes the role of innovative mass media, in particular Internet in the process of political socialization of the Russian youth, taking place in the context of deep socioeconomic and political transformations, globalization and digitalization. The transformational potential of Internet technologies is undeniable today. Political news aggregators, online bloggers, anonymous Telegraph channels present a broad range of political information and opinion. Considering the Internet as a revolutionary means of communication, the authors carried out an analysis of its main characteristics, research of virtual communities as a space of political socialization, the processes of hybridization, which implies the actual consolidation of the properties of real and virtual communities. The importance of an adequate assessment of the role of innovative media in the political socialization of young people, in shaping the political subjectivity of young Russian citizens is obvious.

Key words: mass media, the Internet, Russian youth, political socialization, virtual community.

“В Интернете самое главное — слова и воображение”.

Януш Вишневский

“В моем мире, если нет в Сети, значит, не существует”.

Цитата из фильма “Американский палач”

СТАТЬЯ 1

Политическая социализация в условиях цифровизации

Проблемы политической социализации неизменно находятся в центре внимания исследователей, педагогов, широкой общественности. Формирование политических взглядов и установок молодого поколения, от которого зависит будущее любой страны, в немалой степени обусловлено тем, происходит оно в условиях стабильной или трансформирующейся социально-политической системы. Показателями эффективности этого процесса служат уровень политических знаний и политической активности человека, степень его вовлеченности в политическую жизнь, гражданская активность.

Становление молодого поколения россиян осуществляется в условиях глубоких общественных преобразований, неопределенности ориентиров общественного развития, перемен в деятельности и роли основных институтов политической социализации, что в немалой степени обусловлено процессами глобализации и цифровизации. Воздействия институтов социализации недостаточно согласованы между собой, что приводит к затруднениям интеграции и включения молодежи в политическую культуру, ведет к снижению ее непосредственного участия в политической жизни. Сейчас, по словам писательницы Д.И. Рубиной, мы живем во время “слома

эпох, смены сознания и абсолютного уплощения: мыслей, чувств, общения и способа (а также эмоционального накала) восприятия мира”. Значительная часть политической информации поступает из средств массовой информации (СМИ) и коммуникации (СМК). Стремительное распространение интернета привело к тому, что роль традиционных СМИ уменьшилась, а цифровых медиа, напротив, существенно возросла¹.

Возникающие в контексте анализа цифровой среды вопросы особенно актуализировались на фоне событий 2020–2021 гг., когда из-за распространения COVID-19 немало социально-политических процессов было переведено в виртуальную среду. Исследователи выражают свои опасения по самому широкому спектру факторов цифровой политической социализации: дифференциации общества, усиления социального неравенства², поляризации политических сил, маргинализации активной гражданской позиции и т.д. Вызывает серьезные опасения трансформация ценностных ориентаций молодежи, что проявляется в индивидуализации и выходу личных интересов на первый план. В то же время для становящейся личности остается важным формирование собственной политической идентичности в качестве отождествления (а порой противопоставления) с доминирующей политической культурой, а также включенность в общественно-политическую жизнь и непосредственное участие в ней. Очевидно, что политическая социализация молодого поколения россиян призвана быть одним из приоритетов внутренней политики государства в непростых условиях глобальных вызовов и неоднозначных процессов. Поэтому вопросы цифровизации

¹ См.: Бродовская Е.В., Лифанова В.А. Политические интернет-мемы как инструмент формирования общественного мнения о политических лидерах и политических партиях (на примере пенсионной реформы в России) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 1; Камнев Д.Г. СМИ в процессе политической социализации молодежи в России: фокус на сравнительный анализ роли Интернета // PolitBook. 2013. № 4; Самсонова Т.Н. Гражданское образование перед вызовами цифровизации: новые возможности и риски // Информационное общество: пределы и риски — прошлое, настоящее, будущее: Материалы V Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения. М., 2020; Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи. Статьи I, II // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4; 2020. № 1.

² См.: Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 2, 3; Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.

не остаются без внимания в молодежной политике, проводимой в Российской Федерации³.

В результате широкого распространения интернета, с присущим ему обширным спектром политической информации (новостные агрегаторы, новостные порталы, личные онлайн-блоги), появления средств массовой информации нового типа (в частности, анонимных Telegram-каналов), увеличения влияния личных профилей политиков в социальных сетях, развития так называемой “новой транспарентности” претерпевает изменения механизм политической социализации. Естественно, исследованию влияния интернета на политико-социализационный процесс уделяется все большее внимание как зарубежных⁴, так и отечественных специалистов⁵.

Ставя перед собой задачу исследования особенностей политической социализации современной российской молодежи в интернет-пространстве, авторы считают целесообразным проанализировать типы коллективности в интернет-пространстве, новые формы цифрового политического участия, показать изменения в деятельности традиционных институтов политической социализации в условиях информационного общества, выявить тенденции изменений и основные перспективы развития процесса политической социализации в условиях цифровизации.

³ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ “О молодежной политике в Российской Федерации”. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 25.10.2021).

⁴ См.: *Andrejevic M.* Automated Media. L.; N.Y., 2020; *Bruns A.* Filter bubble // Internet Policy Review. Journal on Internet Regulation. 2019. Vol. 8 (4); *Kitchin R., Dodge M.* Code/space: software and everyday life. Cambridge, 2011; *Lanier J.* Ten arguments for deleting your social media accounts right now. N.Y., 2018; *Markham A.N.* Metaphors reflecting and shaping the reality of the Internet: tool, place, way of being // Association of Internet Researchers Conference, Toronto, Canada. 2003. URL: <http://markham.interinquiry.org/writing/MarkhamTPW.pdf>

⁵ См.: *Викторова Е.В., Баткаева Е.Р.* Впечатление как компонент и фактор социализации в коммуникативном пространстве интернета // Коммуникология. 2017. № 1; *Гришин Н.В.* “Теория подкрепления” и изучение влияния интернет технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 1; *Колозариди П.В.* Интернет будущего: чем они могут быть для гражданского общества // Сканирование горизонтов: роль информационных технологий в будущем гражданского общества. 2020. № 1; *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б.* Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 1; *Самсонова Т.Н.* Виртуальная социальная среда как “пространство” политической социализации молодого поколения россиян: новые возможности и проблемы // Качество жизни в фокусе междисциплинарных исследований. Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием. М., 2019.

СМИ в механизме политической социализации

Средства массовой информации, являющиеся в современном обществе важным институтом политической социализации, столь разнообразны, что именно они при отсутствии у индивида систематизированных представлений о политической системе могут потенциально стать основным каналом получения политической информации. Согласно законодательству Российской Федерации, к СМИ относятся периодические печатные издания, радио-, теле-, видеопрограммы, кинохроникальные программы и иные формы распространения информации, выходящие в свет не реже одного раза в год⁶. У Российского государства есть широкие возможности влияния на СМИ. Это связано не только с высокой долей государственного участия в отечественном медиа-рынке, но и с его законодательными и регулятивными функциями. Так, утвержденные ведомства осуществляют контроль над распространением экстремистских материалов, пропагандой употребления алкоголя и наркотических веществ, призывами к насильственной смене власти и т.д. Наблюдается снижение независимости СМИ на разных уровнях, что особенно заметно на примере телевизионных каналов. Это происходит ввиду коммерциализации медиа⁷.

СМИ и СМК образуют “гипердинамичную комплексную систему”, в которой наблюдаются процессы диверсификации, усложнения и коммерциализации⁸. Как социально-политический институт СМИ выполняют функцию посредника в политических процессах, поскольку распространяемая ими политическая информация, с одной стороны, становится предпосылкой действий политических акторов и, с другой стороны, служит политическим ресурсом, приобретая инструментальный характер, оказывая значительное влияние на социальные изменения. Таким образом, СМИ становятся не только отражением настроений, распространенных в том или ином обществе, но и механизмом трансляции политической информации и метасмыслов, а также инструментом формирования общественного мнения. Современные медиа предоставляют своей аудитории не только строго “сухие факты” о политической действительности, но

⁶ См.: Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 “О средствах массовой информации” (вступил в силу с 01.01.2018). Статья 2. Средства массовой информации. Основные понятия. URL: <https://rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html> (дата обращения: 20.08.2021).

⁷ Денисова И.В. Трансформация СМИ как института политической социализации в современном российском обществе // Альманах современной науки и образования. 2008. № 4. С. 78.

⁸ Подробнее см.: Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи. Статья I // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4. С. 254.

и экспертно-аналитические оценки и интерпретации тех или иных событий, формируя представления о них.

В ходе политической социализации СМИ выполняют ряд важнейших функций⁹. Зачастую их влияние на мнение аудитории носит опосредованный характер. Так, сначала политическая информация, публикуемая в медиа, воздействует на лидеров мнений, а потом уже они воздействуют на свою аудиторию при непосредственной коммуникации. Тем самым государство и иные политические субъекты могут при помощи СМИ трансформировать общественные отношения, связанные с вопросами формирования представительных органов власти, сохранения существующих политических ценностных ориентаций, традиций и т.д. Функции традиционных СМИ серьезно ограничены их однонаправленностью, что исключает возможность получения обратной связи как ключевой составляющей политической коммуникации. А интернет- и сетевые медиа такой возможностью обладают, что делает исследования их влияния на политическую социализацию особенно актуальными. В настоящее время приемлемый уровень социализации подразумевает взаимодействия индивида со средствами массовой информации и коммуникации, посредством которых человек может принимать участие в образовательных, политических, социальных и других процессах.

Политическая социализация как один из механизмов воспроизводства и формирования политической культуры общества осуществляется путем усваивания индивидами норм, ценностей, паттернов политического поведения, которые доминируют в политической системе. Результаты данного процесса обуславливаются особенностями социализанта, а также окружающей его политической, социальной и экономической средой. Происходит и выработка индивидом новых политических знаний, норм, ценностей и поведенческих паттернов, что оказывает активное влияние на политическую систему.

В процессе политической социализации деятельность СМИ должна быть направлена на развитие политических и гражданских качеств молодежи, формирование у молодого поколения постоянного, систематизированного, а не фрагментированного, интереса к политической жизни страны. Развитие политической системы возможно лишь при условии, что у граждан сформируется способность к многоаспектному анализу политической информации, а также желание и умение цивилизованно отстаивать свою точку зрения. При таком подходе к политической социализации становятся очевидны

⁹ См.: Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Указ. соч. Статья I. С. 255.

и задачи, которые стоят перед современными СМИ, главная из которых — распространение гражданских политических ценностей. Гражданственность, как нам представляется, следует рассматривать как культурно-психологический конструкт, консолидирующий российскую молодежь и существующий в рамках российской национально-гражданской идентичности, в единстве понимания национального прошлого, настоящего и будущего¹⁰.

Перспективы трансформации процесса политической социализации в условиях цифровизации целесообразно выстраивать в русле изучения взаимодействия государства, СМИ и гражданского общества в киберпространстве. Современные СМИ обладают широкими способностями для политизации и политической мобилизации (электоральной, протестной и т.д.), что особенно видно на примере молодого поколения россиян. В условиях, когда политическая ангажированность “новых медиа” становится реальной, необходимо тщательным образом проанализировать и механизмы воздействия интернета и социальных сетей на политическое сознание молодежи, а традиционные институты политической социализации должны обеспечить вступающим в политическую жизнь возможность формирования критического мышления. Государству в этом вопросе отводится особая роль — на его “плечи” ложится, с одной стороны, контроль над достоверностью и качеством политической информации, распространяемой в СМИ, а с другой — формирование механизмов обучения подрастающего поколения методам обработки новой информации и воспитания медиаграмотности. При этом, на наш взгляд, важно, чтобы разработка новых стратегий формирования гражданственности молодежи проходила не по патерналистской модели, а в активном диалоге между властью и гражданским обществом.

Основные характеристики интернета и виртуальных сообществ как пространства политической социализации

В социальных науках, как в России, так и за рубежом, не сформировалось единого подхода к пониманию интернета как социального явления. В контексте цифровизации требуют пересмотра и уточнения такие концепты, как глобальность и локальность, реальность и

¹⁰ Самсонова Т.Н. Интернет как среда формирования национально-гражданской идентичности российской молодежи: достижения и проблемы // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография / Под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой. СПб., 2017. С. 81.

виртуальность, анонимность и транспарентность. Важно осознать, можно ли рассматривать социальные практики, распространенные в интернете, как эквивалентные реальным, а также, что происходит с нецифровыми практиками онлайн.

Датский профессор А. Маркем предлагает для описания интернета использовать три базовых характеристики: 1) интернет как инструмент; 2) интернет как пространство; 3) интернет как образ жизни¹¹. Понимание особенностей этих значений интернета позволяет переосмыслить ответы на целый ряд вопросов: *как интернет воспринимается* различными политическими акторами; *как он влияет* на политическую систему в целом; *каким образом* различия в понимании интернета *влияют* на коммуникацию между государственной властью, частными интернет-корпорациями и простыми пользователями? Дискурсивный выбор используемых характеристик во многом зависит от объектно-предметных установок исследователя. В политической социологии, на наш взгляд, целесообразно рассматривать интернет как пространство, а также применять близкие, но не эквивалентные пространственной характеристике трактовки интернета как сети или системы. Такой подход позволяет дать не только его количественные и качественные характеристики, но и описать активность в виртуальном пространстве традиционных и новых гибридных форм.

Без глубокого анализа интернета как коммуникативного пространства, выступающего важным фактором, средой политической социализации, ее исследование уже не представляется возможным. Несмотря на былой скепсис в отношении влияния виртуальной коммуникации на социализанта, психологические исследования импрессинга (сильных и значимых для социализации переживаний, получаемых в сенситивные возрастные периоды) показывают, что переживания, полученные в виртуальном пространстве, равнозначны реальным переживаниям для формирования ценностных установок индивида¹². Высказываются опасения большим числом негативных импрессингов, что может вызвать принципиально новые коммуникативные риски и последствия, выражаемые в реальном социальном взаимодействии.

¹¹ См.: Markham A.N. Metaphors reflecting and shaping the reality of the Internet: tool, place, way of being. Association of Internet Researchers Conference. Toronto, 2003. URL: <http://markham.internetinquiry.org/writing/MarkhamTPW.pdf> (accessed: 10.10.2021).

¹² Викторова Е.В., Баткаева Е.Р. Впечатление как компонент и фактор социализации в коммуникативном пространстве интернета // Коммуникология. 2017. № 1. С. 96.

По данным Росстата¹³, на 1 января 2020 г. численность населения Российской Федерации составила 146 миллионов 748 тысяч человек, 53,6% — женщины, 46,4% — мужчины. 74,9% относятся к городскому населению, 25,1% проживают в сельской местности. По данным организаций *We Are Social* и *Hootsuite*, печатающим ежегодный отчет о состоянии цифровой среды (*Global Digital*), к началу 2021 г. в Российской Федерации пользуются интернетом 124 миллиона человек. За 2020 г. число пользователей увеличилось на 6 миллионов, а уровень его распространения на территории России оценивается в 85%. 99 миллионов россиян зарегистрированы в различных социальных сетях, а совокупная аудитория всех представленных в России социальных сетей выросла на 4,8 миллиона человек. Согласно данным этого исследования, в среднем россияне проводят в интернете 7 часов 52 минуты ежедневно, что практически на час превышает среднее значение этого показателя в мире. Для сравнения: на просмотр телевидения у россиян уходит ежедневно по 3 часа 13 минут. На общение в социальных сетях они тратят по 2 часа 28 минут в день, а на изучение новостной повестки (с учетом традиционных и онлайн-медиа) около 55 минут в день. Самый популярный ресурс — поисковая система “Яндекс”, которая за последние годы расширилась до “экосистемы”, включив в себя разные сервисы, онлайн-магазин, новостной агрегатор и т.д. Количество посещений “Яндекса” пользователями в среднем составляет около 2,71 миллиарда в месяц. Число пользователей социальных сетей в России также выросло за 2020 г. на почти 5 миллионов и составило 99 миллионов. Кроме того, у каждого пользователя в среднем есть по 7 аккаунтов на различных платформах (для общения с друзьями и близкими, для работы и бизнеса и по иным причинам).

В России, наряду с мировыми гигантами *YouTube*, *Facebook*, *Instagram* и т.д. существуют национальные социальные сети, которые составляют серьезную конкуренцию западным аналогам. Наиболее популярной является видеохостинг *YouTube* (насчитывает 85% всех пользователей социальных сетей), на втором месте — “ВКонтакте” с 78% пользователей. Активная аудитория “ВКонтакте” насчитывает 74 миллиона человек, что значительно превышает тот же показатель у *Facebook* (западного аналога “ВКонтакте”) — 8,9 миллиона активных пользователей. Словом, интернет в России получил широкое распространение среди всех возрастных групп населения, особенно молодежи.

¹³ Население России за 2020 год сократилось на 0,5 млн человек // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10570605> (дата обращения: 15.09.2021).

В интернет-пространстве выделяются два типа коллективности — сообщества и сети¹⁴. Виртуальные сообщества — это группы людей, объединенные ввиду общности интересов, ценностных ориентаций, потребностей (своего рода продолжение реальных сообществ)¹⁵. Их участники на протяжении сравнительно длительного времени проявляют активное участие в жизни объединения и эмоциональное вовлечение, которое приводит к возникновению системы личных отношений в виртуальном мире¹⁶. Интернет как экосистема предлагает индивиду неограниченное количество различных наборов паттернов поведения и ценностных установок, которые могут становиться основой групповой идентичности, что существенно расширяет возможность сопоставления себя с Другими. Виртуальные сообщества отличаются куда бóльшим разнообразием, чем реальные, при этом онлайн-взаимодействие не требует непосредственного физического присутствия в группе и позволяет находиться в контексте групповых отношений, сохраняя физическую и эмоциональную дистанцию.

Н. Бейм сформулировала пять основных признаков, которые делают из виртуальной группы сообщество: единое чувство пространства; наличие групповых практик; общность ресурсов и взаимная поддержка; идентичность; наличие межличностных отношений¹⁷. Онлайн-сообщества существуют на базе конкретных платформ (социальных сетей, форумов, приложений, площадок и т.д.), зачастую они организуются по региональному и территориальному признаку. Тем самым, даже в отсутствие непосредственного контакта участники сообщества воспринимают его пространственные характеристики и условия, заданные дискурсивным, культурным, политическим или экономическим контекстом. Индивиды, являясь частью нескольких сообществ одновременно, четко понимают, что принятые в одной из них поведенческие практики могут быть недопустимы в другом сообществе. Иллюстрацией этому могут служить профессиональные и досуговые объединения: например, член преподавательского сообщества может состоять в группе сторонников той или иной политической силы, осознавая, где, когда и на какой платформе он может транслировать политические ценности, не относящиеся к своей профессиональной деятельности. Участники сообщества мо-

¹⁴ Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 65.

¹⁵ Cavanagh A. Sociology in the age of the Internet. Maidenhead, 2007. P. 108.

¹⁶ См.: Добринская Д.Е. Указ соч. С. 67.

¹⁷ См.: Baym N.K. Personal connections in the digital age. Oxford, 2015.

гут оказывать друг другу не только информационную, но и эмоциональную и даже материальную поддержку. Особенно это характерно для консолидированных в цифровом пространстве уязвимых групп населения, например, для феминистских и этнических сообществ или онлайн-объединений ЛГБТ-активистов. Пожертвования (так называемые донаты) в этих группах рассматриваются не только как выражение поддержки, но и как плата за потенциальную услугу.

Виртуальные сообщества формируются на основе общей политической, социальной, этнической, гендерной и иной идентичности. Межличностные отношения, внутригрупповые связи становятся ядром солидарности того или иного интернет-сообщества. Групповая идентичность всегда артикулируема, имеет свое название; определены четкие коллективные интересы; члены сообщества участвуют в распределении групповых ролей. Однако остается открытым вопрос: всегда ли виртуальная идентичность соответствует/ совпадает с индивидуальным набором реальных идентичностей?

Н. Бейм выделяет пять факторов, определяющих форму существования онлайн-сообществ: техническая инфраструктура, общие цели, индивидуальные характеристики участников, временная структура и внешние условия. Сегодня существует немало классификаций и типологий онлайн-сообществ, включая общественные движения, практические, информационные, досуговые и иные сообщества¹⁸.

Возвращаясь к сетевому анализу интернет-сообществ, в рамках которых осуществляется политическая социализация, следует сказать, что они представляют собой скорее не группы, а сети¹⁹. По мнению Б. Уэллмана, природа сообществ за время активного развития интернета преобразовалась, и теперь они постепенно утрачивают солидарность и приобретают все более индивидуалистский и персонализированный характер, а коммуникация внутри них становится все более фрагментированной. Индивид в интернет-пространстве формирует целую сеть разнообразных и слабосвязанных (как между собой, так и внутри группы) сообществ, формируя собственное персонализированное сообщество.

Однако вышеперечисленные типологии коллективностей в интернете не дают полного представления о киберпространстве для изучения политической социализации. С развитием ИКТ все больше исследователей обращают внимание на феномен виртуальной тол-

¹⁸ См.: *Добринская Д.Е.* Указ соч. С. 71.

¹⁹ *Wellman B.* Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // *International Journal of Urban and Regional Research.* 2001. Vol. 25. N 2. P. 227.

пы, как правило, рассматривая ее как форму проявления реальной толпы, включая ее базовые характеристики. В условиях цифровой толпы так же, как и реальной, редуцируются личностные признаки, а индивидуальные чувства и мысли в некотором смысле приглушаются, что делает ее участника более внушаемым. Г. Рейнгольд отмечает, что политический флешмоб (или “умная толпа”) как одно из вероятных проявлений виртуальной толпы может стать новым эффективным способом выражения общественного мнения. Подобные акции привлекают широкие слои населения, главным образом, своей доступностью и отсутствием необходимости непосредственного физического присутствия, выступая в качестве яркого примера горизонтальной политической динамики²⁰. Признаки виртуальной толпы — анонимность, высокая скорость мобилизации, кратковременность акций, внезапный и стихийный характер активности, неуправляемость, отсутствие финансовых затрат для проведения акций и т.д. Политический и социальный флешмоб в социальных сетях становится новым каналом обратной связи в политической системе, наряду с выборами, уличными протестами.

Наглядной иллюстрацией феномена флешмоба в интернете могут служить виртуальные митинги в России, проведенные в приложении “Яндекс. Навигатор”²¹ в 2020 г. Это приложение, в рамках которого осуществляется мониторинг ситуации на дорогах в различных населенных пунктах. Оно предоставляет возможность пользователям оставлять комментарии о том, что происходит с трафиком в той или иной точке города. 20 апреля 2020 г. пользователи в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону и других городах начали массово оставлять “метки” на картах приложения рядом с правительственными зданиями. В своих сообщениях они выражали недовольство ограничениями, связанными с борьбой с пандемией коронавируса, требовали введения режима чрезвычайной ситуации, отмены налогов и сборов за ЖКХ, а также увеличения социальных выплат в связи со сложившимися экономическими условиями.

Администрация приложения “Яндекс.Навигатор” вскоре удалила отметки и комментарии пользователей с политическим контекстом, объяснив это тем, что они нарушают пользовательское соглашение: сообщения в приложении служат инструментом мони-

²⁰ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция // Библиотека Гумер-Социология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Rein/index.php (дата обращения: 10.09.2021).

²¹ В Москве, Петербурге и Ростове провели “виртуальные митинги” // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dbbba9a79477c30d257c5> (дата обращения: 20.09.2020).

торинга ситуации на дорогах, они не должны иметь политического характера, а также содержать нецензурную лексику и брань, а в случае нарушения могут быть удалены модераторами.

Многие социальные движения, распространившие свое влияние по всему миру, изначально имели форму онлайн-флешмоба: горизонтальные политические движения, как движение за права женщин (например, движение *#MeToo*), выступления против расового неравенства в США, которое также получило широкое распространение в социальных сетях под хештегом *BlackLivesMatter*. Данные массовые движения имеют огромное значение в политических системах многих стран Запада, оказывают серьезное влияние на процесс принятия политических решений и находят свое выражение не только в интернете, но и в реальной жизни, используя киберпространство для консолидации и самоорганизации. Таким образом, можно отметить, что феномен виртуальной толпы постепенно увеличивает свое влияние на политические процессы и имеет реальные перспективы для инструментализации. При этом виртуальная толпа наряду с позитивными аспектами, безусловно, не лишена негативных проявлений, а ее влияние на ход политической социализации нуждается в дальнейшем тщательном изучении.

Распространение интернет-технологий, несомненно, имеет свои социальные и политические последствия. Несмотря на их изначально нейтральный характер развитие онлайн-платформ и их алгоритмизация приводит к разного рода последствиям, которые не являются однозначно позитивными. Известные специалисты, которые занимаются критикой алгоритмизации социальных сетей и онлайн-платформ (например, Э. Паризер, Дж. Ланье, М. Андреевич и др.), обращают внимание на многоаспектность негативных последствий существования системы автоматической рекомендации контента в виртуальном пространстве.

Ключевым феноменом, который вызывает многочисленные научные дискуссии, являются так называемые “пузыри фильтров”. Этот термин получил широкое распространение благодаря работе Э. Паризера “За стеной фильтров: что интернет скрывает от вас”²². Э. Паризер рассматривает систему персонализированного подбора контента на онлайн-платформах и в поисковых системах, которая формируется на основе предыдущих запросов, личных предпочтений, интересов и социально-демографических характеристик пользователя. По мнению исследователя, существование такой системы, основанной на работе алгоритмов, приводит к тому, что у разных

²² См.: Паризер Э. За стеной фильтров. Что интернет скрывает от вас. М., 2012.

пользователей не возникает пересечений контента, и они получают принципиально разную информацию, в том числе, новостного характера. Таким образом, разные по своим политическим убеждениям пользователи не получают доступа к информации и контексту, который возникает у другой группы, а “пузыри фильтров”, по своей сути, приводят к информационной изоляции пользователя, основанной на его собственных убеждениях, чем существенно ограничивают познавательные возможности индивида²³. “Пузыри фильтров” не просто создают новые ограничения, связанные с доступом к информации, но и приводят к дискриминации через механизмы ранжирования результатов поисковых запросов²⁴.

В то же время некоторые исследователи выражают сомнения по поводу влияния “пузырей фильтров” на политическую социализацию. В их работах обращается внимание на незначительное количество эмпирических данных, которые бы подтверждали негативное влияние работы алгоритмов рекомендации. Так, А. Брунс отмечает, что интернет-пользователи располагают большим разнообразием источников информации, чем люди, не использующие виртуальное пространство в качестве источника политического знания²⁵. Исследователь также отмечает, что более разнообразным становится и контент, которые потребляют пользователи в интернете. В ряде аналитических работ ставится под сомнение возникновение на практике информационной изоляции в результате действия системы персонифицированных рекомендаций²⁶.

Анализируя влияние “пузырей фильтров” на политическую социализацию, нельзя не упомянуть концепцию гуманистического интернета Дж. Ланье²⁷. Существующая бихевиористская модель работы социальных сетей и онлайн-платформ ведет, по мнению этого исследователя, к дегуманизации пользователей ввиду своей фундаментальной основы на механизмах информационного подкрепления. Система персонифицированных рекомендаций направлена на увеличение “включенности” индивида в близкий ему контент, за

²³ См.: Паризер Э. Указ. соч. С. 7–17.

²⁴ См.: Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Указ соч. С. 178.

²⁵ См.: Bruns A. Filter bubble // Internet Policy Review. Journal on Internet Regulation. 2019. Vol. 8 (4). URL: <https://policyreview.info/concepts/filter-bubble> (дата обращения: 15.10.2021).

²⁶ См.: Krafft T., Gamer M., Zweig K. What did you see? Personalization, regionalization and the question of the filter bubble in Google's search engine // Computer Science. Cornell University. 2017. URL: <https://arxiv.org/abs/1812.10943> (accessed: 15.10.2021).

²⁷ См.: Lanier J. Ten arguments for deleting your social media accounts right now. N.Y., 2018. P. 8–9.

счет чего социальные сети увеличивают среднюю продолжительность использования своих платформ. Таким образом, чем больше индивид использует приложения и сервисы, основанные на алгоритмах рекомендаций, тем больше эти системы формирования персонального контента о нем “знают”. В результате такого “научения” алгоритмов их работа модифицирует поведение пользователей, вызывая у них привыкание к медиа-среде. Поскольку социальные сети превратились в самые массовые в истории человечества медиа, к тому же с возможностью постоянно отслеживать поведение пользователей, следует, по мнению Дж. Ланье, обращать особое внимание на способность онлайн-платформ фиксировать персональные данные и проводить незаметные манипуляции.

Особого внимания заслуживают проблемы взаимосвязи между распространением персонифицированной адресной информации и желанием граждан принимать участие в социально-политической жизни общества. На наш взгляд, наиболее полно идеи социально-политического “следа” систем персонификации контента в виртуальных сетях изложены в работах М. Андреевича. Его оценка алгоритмизации социальных медиа базируется на противопоставлении свободы потребителя информации и суверенитета гражданского общества. В рыночных условиях потребительский суверенитет существенно преобладает над вопросами, связанными с гражданским обществом, которые в свою очередь оцениваются исключительно как вопрос персональных предпочтений и ценностных ориентаций²⁸. М. Андреевич обращает внимание, что для медиа-рынка социально-политическая информация не отличается от потребительской, поэтому для онлайн-платформ гражданская и социально-политическая проблематика, направленная на солидаризацию и интеграцию, оказывается единой с общим потоком таргетированной рекламы. Это приводит к возникновению парадокса — из-за избытка информации индивиды перестают воспринимать задачи общества, в котором живут. Между тем основой реализации интересов гражданского общества является признание абсолютного права на существование альтернативных точек зрения и умение их воспринимать. В условиях растущей алгоритмизации личные приоритеты выходят на первый план, что приводит к перестройке условий и практик публичного обсуждения политических проблем²⁹.

Продолжение следует

²⁸ См.: *Andrejevic M. Automated media*. L.; N.Y., 2020. P. 46–47.

²⁹ См.: *Ibid.* P. 52.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бродовская Е.В., Лифанова В.А. Политические интернет-мемы как инструмент формирования общественного мнения о политических лидерах и политических партиях (на примере пенсионной реформы в России) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 1.

В Москве, Петербурге и Ростове провели “виртуальные митинги” // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dbbba7a79477c30d257c5> (дата обращения: 20.09.2020).

Викторова Е.В., Баткаева Е.Р. Впечатление как компонент и фактор социализации в коммуникативном пространстве интернета // Коммуникология. 2017. № 1.

Гришин Н.В. “Теория подкрепления” и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 1.

Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4.

Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 “О средствах массовой информации” (вступил в силу с 01.01.2018). Статья 2. Средства массовой информации. Основные понятия. URL: <https://rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html>

Камнев Д.Г. СМИ в процессе политической социализации молодежи в России: фокус на сравнительный анализ роли Интернета // PolitBook. 2013. № 4.

Колозариди П.В. Родители и гаджеты в большом городе // Шаги/Steps. 2017. Vol. 3. № 2.

Колозариди П.В. Интернеты будущего: чем они могут быть для гражданского общества // Сканирование горизонтов: роль информационных технологий в будущем гражданского общества. 2020. № 1.

Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.

Население России за 2020 год сократилось на 0,5 млн человек // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10570605> (дата обращения: 15.09.2021).

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 2, 3.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. № 1.

Паризер Э. За стеной фильтров. Что интернет скрывает от вас. М., 2012.

Рейнголд Г. Умная толпа: новая социальная революция // Библиотека Гумер-Социология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Rein/index.php

Самсонова Т.Н. Интернет как среда формирования национально-гражданской идентичности российской молодежи: достижения и проблемы // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография / Под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой. СПб., 2017.

Самсонова Т.Н. Виртуальная социальная среда как “пространство” политической социализации молодого поколения россиян: новые возможности и проблемы // Качество жизни в фокусе междисциплинарных исследований. Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием. М., 2019.

Самсонова Т.Н. Гражданское образование перед вызовами цифровизации: новые возможности и риски // Информационное общество: пределы и риски — прошлое, настоящее, будущее. Мат-лы V Междунар. науч. конференции Гуманитарные Губкинские чтения. М., 2020.

Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи. Статьи I, II // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4; 2020. № 1.

Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ “О молодежной политике в Российской Федерации”. URL: <https://www.garant.ru>

REFERENCES

- Andrejevic M. Automated media. L.; N.Y., 2020.
- Baym N.K. Personal connections in the digital age. Oxford; Boston, 2015.
- Brodovskaya Ye.V., Lifanova V.A. Politicheskiye internet-memy kak instrument formirovaniya obshchestvennogo mneniya o politicheskikh liderakh i politicheskikh partiyaх (na primere pensionnoy reformy v Rossii) [Political Internet memes as a tool for shaping public opinion about political leaders and political parties (on the example of pension reform in Russia)] // Izvestiya TulGU. Gumanitarnyyenauki. 2021. N 1 (in Russian).
- Bruns A. Filter bubble // Internet Policy Review. Journal on Internet Regulation. 2019. Vol. 8 (4). URL: <https://policyreview.info/concepts/filter-bubble>
- Cavanagh A. Sociology in the age of the Internet. Maidenhead, 2007.
- Digital 2021: The Russian Federation // We Are Social & Hootsuite. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-russian-federation>
- Dobrinskaya D.Ye. Soobshchestva v epokhu interneta [Communities in the Internet Age] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2018. N 4 (in Russian).
- Federal'nyy zakon ot 30 dekabrya 2020 g. N 489-FZ “O molodezhnoy politike v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ “On youth policy in the Russian Federation”]. URL: <https://www.garant.ru> (in Russian).
- Grishin N.V. “Teoriya podkrepleniya” i izucheniye vliyaniya internet tekhnologiy na politicheskoye uchastie sovremennoy molodezhi [Reinforcement Theory and Study of the Impact of Internet Technologies on the Political Participation of Modern Youth] // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2021. N 1 (in Russian).
- Kamnev D.G. SMI v protsesse politicheskoy sotsializatsii molodezhi v Rossii: fokus na sravnitel'nyy analiz roli Interneta [Mass media in the process of political socialization of youth will of the Internet] // PolitBook. 2013. N 4 (in Russian).
- Kitchin R., Dodge M. Code/space: software and everyday life. Cambridge, 2011.
- Kolozaridi P.V. Roditeli i gadzhety v bol'shom gorode [Parents and gadgets in the big city] // Shagi/Steps. 2017. Vol. 3. N 2 (in Russian).
- Kolozaridi P.V. Internety budushchego: chem oni mogut byt' dlya grazhdanskogo obshchestva [The Internet of the future: what they can be for civil society] // Skanirovaniye gorizontov: rol' informatsionnykh tekhnologiy v budushchem grazhdanskogo obshchestva. 2020. N 1 (in Russian).

Krafft T., Gamer M., Zweig K. What did you see? Personalization, regionalization and the question of the filter bubble in Google's search engine // Computer Science. Cornell University, 2017. URL: <https://arxiv.org/abs/1812.10943>

Lanier J. Ten arguments for deleting your social media accounts right now. N.Y., 2018.

Law of the Russian Federation of 27.12.1991 N 2124-1 "On the Mass Media" (entered into force on 01.01.2018). Article 2. Mass media. Basic concepts. URL: <https://rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html> (in Russian).

Markham A.N. Metaphors reflecting and shaping the reality of the Internet: tool, place, way of being // Association of Internet Researchers Conference, Toronto, 2003. URL: <http://markham.internetinquiry.org/writing/MarkhamTPW.pdf>

Markynenko T.S., Dobrinskaya D.Ye. Sotsial'noye neravenstvo v epokhu iskusstvennogo intellekta: ot tsifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social inequality in the era of artificial intelligence: from digital to algorithmic divide] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny. 2021. N 1 (in Russian).

Naseleniye Rossii za 2020 god sokratilos' na 0,5 mln chelovek [The population of Russia in 2020 decreased by 0.5 million people] // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10570605> (in Russian).

Osipova N.G., Yelishev S.O. Sotsial'noye neravenstvo i molodezh': klyuchevyye trendy 2020 g. [Social inequality and youth: key trends in 2020] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2021. N 2, 3 (in Russian).

Osipova N.G., Yelishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studencheskoy molodezhi moskovskikh vuzov o protsessakh, institutakh sotsializatsii i sub'yektakh osushchestvleniya molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii (po rezul'tatam issledovaniya 2019 g.) [Representations of the students of Moscow universities about the processes, institutions of socialization and subjects of the implementation of youth policy in the Russian Federation (based on the results of the 2019 study)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya, izdatel'stvo. 2020. N 1 (in Russian).

Parizer E. Za stenoy fil'trov. Chto internet skryvayet ot vas [Behind the Wall of Filters. What the Internet is hiding from you]. M., 2012 (in Russian).

Reynolds G. Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya. Biblioteka Gumer-Sotsiologiya [Smart crowd: a new social revolution. Library Gumer-Sociology]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Rein/index.php (in Russian).

Samsonova T.N. Internet kak sreda formirovaniya natsional'no-grazhdanskoy identichnosti rossiyskoy molodezhi: dostizheniya i problemy [The Internet as an environment for the formation of the national and civic identity of Russian youth: achievements and problems] // Kontury budushchego: tekhnologii i innovatsii v kul'turnom kontekste. Kollektivnaya monografiya / Pod red. D.I. Kuznetsova, V.V. Sergeeva, N.I. Almazovoy, N.V. Nikiforovoy. SPb., 2017 (in Russian).

Samsonova T.N. Virtual'naya sotsial'naya sreda kak "prostranstvo" politicheskoy sotsializatsii molodogo pokoleniya rossiyan: novyye vozmozhnosti i problemy [Virtual social environment as a "space" of political socialization of the young generation of Russians: new opportunities and problems] // Kachestvo zhizni v foke mezhdistsiplinarykh issledovaniy. Materialy Natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. M., 2019 (in Russian).

Samsonova T.N. Grazhdanskoye obrazovaniye pered vyzovami tsifrovizatsii: novyye vozmozhnosti i riski [Civic Education Facing the Challenges of Digitalization:

New Opportunities and Risks] // Informatsionnoye obshchestvo: predely i riski — proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Gumanitarnyye Gubkinskiye chteniya. M., 2020 (in Russian).

Samsonova T.N., Naumova Ye.S. Rol' SMI v politicheskoy sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi. Stat'i I, II [The role of the media in the political socialization of modern Russian youth. Articles I, II] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya. 2019. N 4; 2020. N 1 (in Russian).

V Moskve, Peterburge i Rostove proveli "virtual'nyye mitingi" ["Virtual rallies" were held in Moscow, St. Petersburg and Rostov] // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dbbba9a79477c30d257c5> (in Russian).

Viktorova Ye.V., Batkayeva Ye.R. Vpechatleniye kak komponent i faktor sotsializatsii v kommunikativnom prostranstve interneta [Impression as a component and factor of socialization in the communicative space of the Internet] // Kommunikologiya. 2017. N 1 (in Russian).

Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. N 2.

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-119-136

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ У.Л. УОРНЕРА

С.А. Батуренко, канд. социол. наук, доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Актуальность работы обусловлена трансформациями системы социальной стратификации и возможностей социальной мобильности, а также необходимостью поиска релевантных подходов для их изучения в Европе и США в 30–40-х гг. XX в. Статья посвящена анализу исследований классовой структуры американского социолога и социального антрополога Уильяма Ллойда Уорнера. Его видение социальной структуры американского общества отличается оригинальностью и основано на многочисленных эмпирических исследованиях. В статье анализируются методологические основы и особенности эмпирических исследований Уорнера. Одной из задач, поставленных автором статьи, является рассмотрение эвристического потенциала одного из самых известных в мировой социологии подходов к исследованию социальной стратификации. У.Л. Уорнер значительно способствовал тому, что социологическое объяснение системы социальной стратификации трансформируется в первой половине XX в. Он описал основные характеристики социальной структуры общества 30–40 гг. XX в., впервые показав ее в новом свете, как состоящую из шести классов. Уорнеру принадлежит заслуга внедрения в социологию метода включенного наблюдения при изучении системы социальной стратификации, а также обновления категориального аппарата, привнесенного социологом из собственного опыта антропологических исследований. Исследовательская группа Уорнера разработала известный в мировой социологии Стандартный индекс статусных характеристик, упрощающий сложные количественные расчеты, который до настоящего времени используется в эмпирической социологии. Автор статьи предпринял попытку проследить исследовательскую логику американского социолога, а также показать взаимосвязь различных методологических составляющих теории социальной стратификации и инновационных методик эмпирической социологии.

Ключевые слова: социальная стратификация, классы, Стандартный индекс статусных характеристик, У.Л. Уорнер.

* Батуренко Светлана Алексеевна, e-mail: level_s@rambler.ru

SOCIAL STRATIFICATION IN W.L. WARNER RESEARCH

Baturenko Svetlana A., Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Department of History and Theory of Sociology, Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, bldg. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: level_s@rambler.ru

The relevance of the work is due to the transformations of the system of social stratification and opportunities for social mobility, as well as the need to search for relevant approaches for their study in Europe and the United States in the 30–40s of the XX century. The article is devoted to the analysis of studies of the class structure of the American sociologist and social anthropologist William Lloyd Warner. His vision of the social structure of American society is original and based on extensive empirical research. The article analyzes the methodological foundations and features of Warner's empirical research. One of the tasks set by the author of the article is to consider the heuristic potential of one of the most well-known approaches to the study of social stratification in world sociology. W.L. Warner was instrumental in transforming the sociological explanation of the system of social stratification in the first half of the twentieth century. He described the main characteristics of the social structure of society in the 30–40s of the XX century, for the first time showing it in a new light, as consisting of six classes. Warner is credited with introducing the method of participatory observation into sociology in the study of the system of social stratification, as well as updating the categorical apparatus introduced by the sociologist from his own experience in anthropological research. Warner's research group developed the standard index of status characteristics, well-known in world sociology, which simplifies complex quantitative calculations, which is still used in empirical sociology. The author of the article made an attempt to trace the research logic of the American sociologist, as well as to show the relationship between various methodological components of the theory of social stratification and innovative methods of empirical sociology.

Key words: social stratification, classes, Standard Index of Status Characteristics, W.L. Warner.

Проблема социальной стратификации разрабатывалась в американской социологии начиная с периода формирования ее как науки и как академической дисциплины в 70-х гг. XIX в. Ранние американские социологи, которых считают отцами-основателями социологической науки в США, Уильям Грэм Самнер (1840–1910)¹, Лестер Франк Уорд (1841–1913)², Альбион Смол (1854–1926)³, Франклин Генри Гиддингс (1855–1931)⁴ изучали особенности социальной стратификации американского общества рубежа XIX–XX в. В этот

¹ Sumner W.G. What social classes owe to each other. N.Y., 1920; Sumner W.G. Folkways. Boston, 1906.

² Уорд Л. Психические факторы цивилизации. СПб., 1897.

³ Small A. W. General Sociology. Chicago. 1905.

⁴ Гиддингс Ф. Основы социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации. М., 2012.

период закладывалась специфика американской социологии, которая наблюдается также и в исследованиях социальной стратификации. Общественная структура США была обусловлена мощными миграционными потоками из европейских стран, и в целом характеризовалась как полирасовая, полиэтническая, с заметным расслоением и дифференциацией. Ранние американские социологи предлагали собственные разработки в области теории социальной стратификации. Проблемы классового расслоения, основания деления общества на классы и слои, достижения консенсуса между различными элементами социальной структуры были одними из самых актуальных.

Наибольшую популярность получила теория, разработанная позже, в 20-х гг. XX в., известным русско-американским социологом П.А. Сорокиным. В 1927 г. Сорокиным была опубликована получившая широкую известность в мировой социологии книга “Социальная мобильность”, в которой в наиболее целостном виде представлена теория социальной стратификации и социальной мобильности⁵. Сорокин опирался на обширный эмпирический материал, собранный им самим за годы работы в России. Это были различные количественные данные, результаты сравнительно-исторических исследований. Работы Сорокина послужили мощным теоретическим основанием для дальнейших исследований проблемы социальной структуры не только в американской науке. Исследования русско-американского социолога вскоре дополнились другими эмпирическими исследованиями, проведенными в 30–40-х гг. XX в. в Европе и США. Одно из таких широко известных исследований в этой области принадлежит американскому социологу Уильяму Ллойд Уорнеру (1898–1970). Вклад Уорнера в разработку проблемы вошел в историю науки как наиболее значимый и повлиявший не только на исследователей, но также и на общие представления о системе социальной стратификации.

У.Л. Уорнер был известным социальным антропологом и социологом. После окончания Калифорнийского университета он в течение трех лет (1927–1929) проводил полевое антропологическое исследование в Австралии под руководством А. Радклифф-Брауна. Результаты исследования отражены в работе “Черная цивилизация” в 1937 г.⁶ До 1935 г. Уорнер работал в Гарвардском университете, где он сотрудничал с Э. Мэйо, и внес вклад в развитие концепции “человеческих отношений”, имеющую большое значение для теории организаций. В 1935–1959 гг. Уорнер работал на факультете антропологии

⁵ Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., 2008.

⁶ Warner W.L. Black civilization. N.Y., 1937.

и социологии Чикагского университета. С 1959 г. Уорнер получил должность профессора социальных исследований в Мичиганском университете, где оставался работать последний десять лет своей жизни.

Предметом научных исследований Уорнера были расовые отношения, ценности современного ему американского общества, проблемы равенства и неравенства, социальная структура и система стратификации, символическая жизнь современного городского общества, роль крупных организаций и корпораций в современном обществе, проблемы демократии, связь между личностью и социальной системой. Особую известность в России получила работа Уорнера “Живые и мертвые”, основанная на обширном эмпирическом материале, которая оказалась одной из немногих работ американского социолога, переведенных на русский язык⁷. Книга посвящена исследованию символической жизни современного общества. Уорнер показывает способы проникновения символизма в повседневную жизнь современного человека, захватывающего все сферы жизни, прослеживает данные процессы начиная от общения человека с миром сакрального в религии до проявления его в мирских формах, таких как политическая кампания по выборам мэра города и торжественных мероприятий по случаю общенародных праздников. В работе содержатся главы, которые посвящены религиозному символизму, проявляющемуся в различных сферах общественной жизни — это символы пола, символы статуса и власти. Американский социолог таким образом вносит значительный вклад в разработку общей социологической теории символизма, которая базируется на основе синтеза идей французской школы, направлений символического интеракционизма, бихевиоризма, психоанализа.

С началом серьезных изменений стратификационной системы в 30-40 годах в США и Европе появляются первые полномасштабные эмпирические исследования социальной стратификации. Проведение эмпирических исследований в 30–40-х гг. в США было обусловлено значительными трансформациями, которые происходили в этот период в обществе. У.Л. Уорнер был одним из первых социологов, приступившим к эмпирическим исследованиям социальной структуры американского общества. Однако Уорнер известен в мировой социологии не только как эмпирик в области социологии и антропологии. Он известен как ученый, создавший свою версию структурного функционализма независимо от Т. Парсонса и Р. Мертона. Уорнер пытался синтезировать основные принципы системного

⁷ Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб., 2000.

подхода с идеями психоанализа и символического интеракционизма, он сочетал макро-социологический анализ с микро-социологическим анализом повседневных взаимодействий⁸. Разработка теории тесно переплеталась в творчестве ученого с эмпирическими исследованиями, Уорнера называют мастером крупномасштабных исследовательских проектов. Среди наиболее известных работ ученого можно назвать пятитомник “Янки-Сити”, который состоит из следующих книг: “Социальная жизнь современного сообщества” (1941), “Статусная система в современном сообществе” (1942), “Социальные системы в американских этнических группах” (1945), “Социальная система современного предприятия” (1947), “Живые и мертвые: исследование символической жизни американцев” (1959).

Уорнер подходил к исследованию социальной стратификации в русле классической европейской социологии, в частности французской школы, предлагая рассматривать социальные факты как вещи. Кроме того, социолог не ставил перед собой задачи изучить систему стратификации всего американского общества в целом, что достаточно сложно. Исследовать отдельную общину представлялось Уорнеру более реальным в рамках одного эмпирического исследования, что могло бы дать представление о социальной структуре всего общества. Американский социолог предлагает исследовать конкретную общину как действующее целое, или ее “совокупную систему взаимодействий”⁹. В русле специфики американской социологии лежит также предположение о функциональной сущности системы, направленной на поддержание устойчивости. Исходным положением оказалось представление о необходимости существования четырех типов социальной структуры: семья, церковь, союз (ассоциация), класс. Являясь фундаментальными структурами, задающими фундаментальную основу поведения индивида, по мнению Уорнера, они определяют все факторы и направляющие социального действия¹⁰.

При исследовании социальной стратификации в области методологии существует ряд особенностей. С одной стороны, Уорнер следует веберовской традиции рассмотрения социальной стратификации, в соответствии с которой классы определяются не на основании субъективного критерия, а на основе социального престижа, что впоследствии отразилось на принятом в американской социологии

⁸ Николаев В.Г. Из работ Уорнера по социальной антропологии и социологии (перевод) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. Реферативный журнал. 1999. № 1. С. 122.

⁹ Warner W.L., Lunt P.S. The social life of a modern community. New Haven; L., 1941. P. 14.

¹⁰ Ibid. P. 35.

определении понятия социального класса. С другой стороны, описанная ученым градация классов, получившая большую известность (“высший высший”, “низший высший”, “высший средний”, “низший средний” и т.д.), указывает на иное понимание категории класс, отличное не только от того, которое предполагалось К. Марксом, но также и того, которое имел в виду М. Вебер. Безусловной заслугой американского социолога становится использование нового метода, заключающегося во взаимной оценке представителей различных социальных страт при определении социального престижа. Кроме того, по мнению Уорнера, социальная оценка индивида со стороны других базируется на определенных типичных для данного сообщества способах поведения оцениваемого, что указывает на необходимость учета типов поведения индивида¹¹. Сообщество определялось Уорнером как сеть социальных отношений между индивидами или в динамическом аспекте как связанная совокупность социальных взаимодействий¹².

Уорнер одним из первых попытался соединить навыки ученого-социолога и антрополога. Ему удалось применить опыт социально-антропологического подхода, полученный им во время полевого исследования австралийских аборигенов, к анализу современного городского сообщества США. Американский социолог исходил из собственного убеждения в неизменности человеческой природы, которая, по его мнению, всегда и везде одинакова, хотя поведение человека и претерпевает определенные метаморфозы под влиянием культурной среды. Для изучения системы стратификации современного общества Уорнер использовал популярный в социальной антропологии метод включенного наблюдения, а также социально-антропологический категориальный аппарат, применяемый прежде исключительно для описания и анализа примитивных обществ. Это был новый подход, который стал эффективным эвристическим инструментом, позволяющим сформировать иное представление о структуре современного общества.

Исследование социальной стратификации проводилось преимущественно в 30–40-х гг. Исследовательское поле Уорнера составили три американских города. Первый — это портовый город Ньюберипорт в штате Массачусетс, приблизительное количество проживающих в городе составляло около 15–17 тысяч. Второй — город, состоящий из 10 тысяч жителей, расположенный на юге Америки, условно называемый “Олд-сити”. Третий — также численно

¹¹ Warner W.L., Lunt P.S. Op. cit. P. 82.

¹² Николаев В.Г. Из работ Уорнера по социальной антропологии и социологии. С. 126.

представлен 10 тысячами горожан, город Моррис, расположенный на западе. В рамках исследования Уорнера город Ньюберипорт носил условное название “Янки-сити”, также был назван и основной пятитомный труд ученого. Полученные результаты были опубликованы в серии работ по социальной структуре и стратификации. По аналогии с условным названием города типичная американская общность, описанная в этих работах, получила также условное название “Янки-сити” (*Yankee City*). Уорнер разрабатывает оригинальное определение понятия класс. Классом, в понимании Уорнера, является группа людей, обладающих одинаковым статусом и престижем в глазах окружающего их сообщества. В ходе проведения исследования Уорнер указал на то, что класс определяется в сознании самих людей как имеющий более высокую или более низкую репутацию. В процессе проведения исследования респондентам предлагалось самим своими словами описать классовое деление в их городке, указать на основные типы людей, которые они могут выделить. Респонденты могли использовать только собственные характеристики, и называли различные группы таким образом: “ребята с деньгами”, “бедные, но честные”, “типичные американцы”, “никто”. Кроме того, респондентам предлагалось определить свое место в рамках описанной ими самими социальной структуры.

Исследование Уорнера показало ряд интересных фактов. Например, связь социального положения человека с экономическим и профессиональным не получила прямого подтверждения в результате данного исследования. Уорнер обнаружил, что некоторые социальные группы оказались в самом низу социальной пирамиды, хотя члены этих групп имели больший доход, чем люди, отнесенные к более высоким социальным позициям. Социолог заметил, что даже обладание огромным богатством не гарантировало высших социальных позиций. Оказалось очевидным, что какие-то другие латентные факторы повлияли на определение социального положения. Уорнер пришел к выводу о необходимости изучения образа жизни индивида и способов поведения для того, чтобы понять мотивы отнесения его респондентами к тому или иному классу, например, почему человек названный “самым богатым в городе” не был отнесен к более высокой позиции. Исследователи установили, зависимость социальной оценки индивида другими от определенных типичных для данной стратификационной системы способов поведения оцениваемого. Таким образом была отмечена значимость типов поведения обследуемых¹³. Уорнер выявил, что для того, что-

¹³ Warner W.L., Lunt P.S. Op. cit.

бы респонденты могли однозначно определить статус индивида, тот должен обладать некоторыми особыми характеристиками, которые связаны, по словам респондентов, с его “местом в обществе”, и умением общаться с “подходящими людьми”. В современной социологии часто данный метод выделения классов, который использовал Уорнер и его коллеги, называют “методом репутации”. В рамках этого метода группа Уорнера разработала обобщенный показатель оценки социального класса — индекс статусных характеристик (*Index of Status Characteristics*), иногда его называют индексом Уорнера¹⁴. Индекс был разработан для удобства проведения дальнейших эмпирических исследований. Основными переменными этого индекса выступают четыре критерия: профессия, место жительства, доход, происхождение. В некоторых случаях учитывался также уровень образования. Как поясняют исследователи, для оценки были выбраны показатели, достаточно точно отражающие оценки престижа, существующие в данное время в данном обществе. Каждому из четырёх показателей присваивался свой числовой индекс, который был тем больше, чем выше статус этой характеристики в глазах людей, таким образом был получен общий социальный индекс человека. Вместе с тем, группа ученых Уорнера указывала на то, что выбранные ими характеристики актуальны исключительно для американского общества в рассматриваемый период, что не означает эффективность их применимости в других странах, культурах, иных социальных контекстах. Для других европейских стран большее значение могут иметь совсем другие характеристики, например, образование. Используя оценки индивидов на основе престижа, социологи следовали и метрологии Э. Дюркгейма, показывая имеющее важнейшее значение для любого общества социальные и коллективные представления. В ходе исследования оценивались и конкретные индивиды, и наиболее важные критерии, такие как тип жилья, образование, место жительства, манеры поведения¹⁵.

Инструментарий исследования, используемый Уорнером, не был обычным для социологов, изучающих систему социальной стратификации в начале и в первой половине XX в., он формировался в процессе проведения исследования. Группа исследователей Уорнера опиралась на целый ряд процедур при определении принадлежности индивида к тому или иному слою. Среди этих процедур основными были следующие: «...1) выявленные посредством интервью

¹⁴ Чеснокова В.Ф. Уильям Л. Питирим Сорокин: социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 1. С. 126.

¹⁵ Warner W.L., Meeker M., Eells K. Social class in America: a manual of procedure for the measurement of social status. Chicago, 1949. P. 90.

представления различных людей о том или ином человеке (или людях) сравнивались и соотносились друг с другом; 2) принимались во внимание символы, которыми отмечали респонденты тех или иных кандидатов в соответствующие классы; 3) измерялась статусная репутация семьи или индивида: репутация складывалась на основании их участия в общественной жизни города; 4) применялся метод сравнения: информанта спрашивали, выше или ниже расположено данное лицо по отношению к тем или иным лицам; 5) использовался метод “простого зачисления в класс” проинструктированным респондентом или респондентом-экспертом (но не самими исследователями); 6) наконец, существовало еще и оценивание при помощи “институционального членства”, т.е. по принадлежности к тем или иным изначально заданным фундаментальным структурам — семьям, ассоциациям, церквям (сектам) и кругам общения»¹⁶. Исследовательская группа Уорнера использовала шесть методов, данные методы, объединенные в целостную систему исследователи называли “методом оцениваемого участия”¹⁷.

Следуя разработанному методу, Уорнеру удалось выявить шесть классов в американском обществе, в то время как традиционно более привычным считалось двух или трех классовое деление. Схематически представлялось, что каждый из трех классических классов (верхний, средний и низший) Уорнер подразделяет еще на две группы — верхушку и низ. В англоязычной литературе такое деление получило широко распространенную аббревиатуру: UU=Upper-Upper, LU=Lower-Upper, UM=Upper-Middle, LM=Lower-Middle, UL=Upper-Lower, LL=Lower-Lower. Уорнером был представлен профиль социальной стратификации, который выражен в процентном соотношении долей этих классов: верхний высший класс составил 1,44%, нижний высший — 1,56, верхний средний — 10,22, нижний средний — 28,12, верхний нижний — 32,60, нижний нижний — 25,22, не классифицировано — 0,84%¹⁸. Выявленные слои характеризовались исследователями как достаточно замкнутые, однако вертикальная социальная мобильность была вполне возможной. Из оценки количественного соотношения слоев очевидно, что самым многочисленным из всех шести классов оказался “верхний нижний”, а из трех традиционных (верхний, средний, нижний) — нижний класс.

Уорнером было выявлено не только количественное соотношение классов в американском обществе, но также были описаны

¹⁶ Чеснокова В.Ф. Указ. соч. С. 125.

¹⁷ Warner W.L., Meeker M., Eells K. Social class in America... P. 37.

¹⁸ Warner W.L., Lunt P.S. The social life of a modern community. P. 88.

общие характеристики каждого из этих классов. *Верхний высший* класс представляет то, что можно назвать элитой общества, это элита не в первом поколении. Люди, составляющие этот класс, имеют качественное образование, очень высокий доход, в большинстве случаев владеют унаследованным богатством. Социальная позиция характеризуется как очень устойчивая, это позволяет отступать от классовых норм без опасения потерять свой статус. *Нижний высший* класс — это профессионалы, получающие очень высокий доход от своей деятельности. Классовая позиция людей этого класса не является унаследованной, она чаще приобретена. Респонденты использовали такие выражения для обозначения людей, входящих в этот класс, как: “выскочки”, “свежая кровь”. Представители класса отличаются показательным потреблением в виде демонстративных покупок символов богатства (престижные дома, машины, предметы интерьера и т.п.). *Верхний средний* составляют профессионалы, менеджеры, служащие высокого ранга, имеющие достаточно высокий уровень дохода. Для них характерна основная ориентация на карьеру, как средство повышения своего социального статуса. В качестве рычагов карьерного роста используется высокая образовательная и профессиональная подготовка, часто люди, принадлежащие этому классу, имеют опыт управления бизнесом, большое внимание уделяют образованию своих детей. Представители класса рассматривают дом и семью в качестве одного из главных показателей успеха и достатка. Особенности потребительского поведения: потребление носит несколько демонстративный, но не консервативный характер. *Нижний средний* класс состоит из служащих (“белые воротнички”), государственных чиновников среднего и низшего звена, квалифицированных рабочих. Респонденты называли представителей данного класса “типичными американцами”. У представителей этого класса более низкий, чем у верхушки среднего класса, уровень дохода, что делает их чувствительными к цене. Они отличаются добросовестным отношением к работе, приверженностью к культурным и социальным нормам и традициям. Люди, составляющие этот класс, уделяют большое внимание поддержанию респектабельности семьи и, как прямому отражению этого — дому, содержание которого очень важно для представителя нижней части среднего класса. Потребительское поведение отличается консервативностью и следованием распространенным стандартам. Самым многочисленным из всех шести классов оказался *верхний нижний* класс. Его составляют работники физического труда (без привлечения творчества и инициативы). Люди, относящиеся к этому классу, проживают, как правило, в “спальных” районах, образование — не выше среднего. Уровень

дохода не обеспечивает представителям класса расширенного потребления, основную долю в расходах составляют расходы на продукты питания. Образ жизни характеризуется как однообразный, размеренный. *Нижний нижний* класс состоит из людей, не имеющих среднего образования и постоянной работы, а следовательно, и регулярного дохода. Составляющие данный класс люди, как правило, не признают норм среднего класса, иногда совершают неоправданные импульсивные поступки. Такие семьи нередко находятся в крайне бедственном положении. На основе проведенного эмпирического исследования Уорнером была описана классовая структура США, исследователями были представлены не только количественные, но и качественные характеристики различных классов.

По мере проведения широких эмпирических исследований, посвященных стратификации общества и формирования на их основе теоретических концепций, категориальный аппарат и смысл стратификационных исследований значительно усложняется. Вводятся все новые и новые переменные класса, на основании которых образуются все новые и новые классовые группы. Уорнер был одним из тех исследований, который внес значительный вклад в изучение социальной стратификации и повлиял на дальнейшие направления ее исследований. Американский социолог придерживался веберовской методологии, что позволило подойти к определению классов как групп, в существование которых верят члены общества и которые размещаются соответственно на высших или низших уровнях. В своей типологии классов он использовал критерий, который основывался на том, как члены данного сообщества ранжируют друг друга. Неожиданной новацией Уорнера оказалось то, что он первым вместо традиционных двух и трех классов предложил модель с шестью классами, или статусными группами. Безусловной заслугой Уорнера стала разработка Стандартного индекса статусных характеристик (*Standard Index of Status Characteristics*), который облегчил проведение дальнейших эмпирических исследований. Классификации Уорнера легли в основу большинства эмпирических исследований, проводимых в США, и остаются актуальными в современной социологии.

Оценки новых идей Уорнера были весьма противоречивыми на протяжении всей жизни автора, в том числе это относится и к исследованиям социальной стратификации, к разработке категорий класс и статус, к критериям классового деления. Поскольку в эмпирических исследованиях Уорнера не наблюдается старого следования известным теориям классовой структуры, его критиковали за излишний субъективизм, за недостаточное раскрытие природы

классовых отношений. Выявленная Уорнером модель классовой структуры была особенно популярна в 40–50-х гг. XX в., однако, многими известными социологами своего времени она подвергалась критике, например Ч.Р. Миллзом. Вместе с тем ряд идей Уорнера и в настоящее время привлекает исследователей, поскольку они обладают определенной эвристической ценностью. Проведенное американским социологом полномасштабное эмпирическое исследование системы социальной стратификации оказало большое влияние на формирование научных методов и научных точек зрения. Отказ исследователя от привычных известных теорий классовой структуры зачастую не позволял другим исследователям однозначно интерпретировать выявленные факторы, но вместе с тем он имел и положительный эффект. Во-первых, такой подход позволил увидеть социальную стратификацию общества в новом свете. Во-вторых, рассматривая систему стратификации вне рамок заданных схем, автору удалось более гибко изменять подходы, перестраивать методику в соответствии с каждым новым выявленным фактором.

Модель социальной структуры, выявленная Уорнером, позволила исследователям продвинуться вперед в изучении проблемы. Для отечественной социологии работа Уорнера также оказалась полезной, поскольку в свое время она позволила отойти от привычного классического классового подхода к исследованию социальной стратификации, а также показала возможность рассматривать усложняющуюся систему стратификации современного российского общества. Трансформация социальной стратификации в России отчетливо поставила необходимость изучения проблемы средних слоев, оснований отнесения индивидов к различным слоям и формирования новых представлений о социальной структуре, а также взаимосвязи экономического положения с принадлежностью к тому или иному классу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гиддингс Ф. Основы социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации. М., 2012.

Левченко И.Е. Социологическое творчество У.Л. Уорнера // Дискуссия. Журнал научных публикаций. 2012. № 9 (27). С. 102–105.

Николаев В.Г. Из работ Уорнера по социальной антропологии и социологии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. Реферативный журнал. 1999. № 1. С. 122–169.

Николаев В. Г. Уорнер, его жизненный путь и книга “Живые и мертвые” // Живые и мертвые / Под ред. Н.В. Зориной. М.; СПб., 2000. С. 607–658.

Самнер У.Г. Протекционизм, или теория происхождения богатства от непроизводительного труда. М., 2006.

- Сорокин П.А.* Социальная мобильность. М., 2008.
- Уорд Л.* Психические факторы цивилизации. СПб., 1897.
- Уорнер У.Л.* Социальный класс и социальная структура // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1997. № 10–11. С. 42–57.
- Уорнер У.* Живые и мертвые. М.; СПб., 2000.
- Чеснокова В.Ф.* Уильям Л. Питирим Сорокин: социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 1. С. 116–130.

REFERENCES

- Chesnokova V.F.* Uil'jam L. Pitirim Sorokin: social'naja stratifikacija i social'naja mobil'nost' [William L. Pitirim Sorokin: Social Stratification and Social Mobility] // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2007. N 1. P. 116–130 (in Russian).
- Giddings F.* Osnovy sociologii. Analiz javlenij associacii i social'noj organizacii [Foundations of Sociology. Analysis of the phenomena of association and social organization]. M., 2012 (in Russian).
- Levchenko I.E.* Sociologicheskoe tvorchestvo U.L. Uornera [Sociological creativity W.L. Warner] // Diskussija. Zhurnal nauchnyh publikacij. 2012. N 9 (27). P. 102–105 (in Russian).
- Nikolaev V.G.* Iz rabot Uornera po social'noj antropologii i sociologii [From Warner's Works on Social Anthropology and Sociology] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija. Referativnyj zhurnal. 1999. N 1. P. 122–169 (in Russian).
- Nikolaev V.G.* Uorner, ego zhiznennyj put' i kniga "Zhivye i mertvyje" [Warner, his life and the book "The Living and the Dead"] // Zhivye i mertvyje. M.; SPb., 2000. P. 607–658 (in Russian).
- Samner U.G.* Protekcionizm, ili teorija proishozhdenija bogatstva ot neproizvoditel'nogo truda [Protectionism, or the theory of the origin of wealth from unproductive labor]. M., 2006 (in Russian).
- Sorokin P.A.* Social'naja mobil'nost' [Social mobility]. M., 2008 (in Russian).
- Small A.W.* General sociology. Chicago, 1905.
- Sumner W.G.* Folkways. Boston, 1906.
- Sumner W.G.* What social classes owe to each other. N.Y., 1920.
- Uord L.* Psihicheskie faktory civilizacii [Mental factors of civilization]. SPb., 1897 (in Russian).
- Uorner U.L.* Social'nyj klass i social'naja struktura [Social class and social structure] // Rubezh: Al'manah social'nyh issledovanij. 1997. N 10–11. P. 42–57 (in Russian).
- Uorner U.* Zhivye i mertvyje [The living and the dead]. M.; SPb., 2000 (in Russian).
- Warner W.L.* Black civilization. N.Y., 1937.
- Warner W.L.* American life: dream and reality. Chicago, 1962.
- Warner W.L.* Yankee city. Yale, 1975.
- Warner W.L., Abeggen J.* Occupational mobility in American business and industry, 1928–1952. Minneapolis, 1955.
- Warner W.L., Meeker M., Eells K.* Social class in America: a manual of procedure for the measurement of social status. Chicago, 1949.
- Warner W.L., Low J.O.* The social system of the modern factory. The strike: a social analysis. New Haven; L.; Oxford, 1947.
- Warner W.L., Lunt P.S.* The social life of a modern community. New Haven; L.; Oxford, 1941.

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-137-165

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДИНАСТИЯХ

И.В. Кузнецова, канд. эконом. наук, доц. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Ленинские горы, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматривается проблема передачи бизнеса старшим поколением предпринимателей младшим членам семьи.

Воспроизводство предпринимательских династий выступает важным фактором, стабилизирующим национальную экономику. Семейный бизнес отличается более высокой эффективностью предпринимательской деятельности. Нельзя утверждать, что воспроизводство предпринимательских династий представляет собой распространенную социальную практику. В последние десятилетия паттерн “Один бизнес, три поколения” сменяется паттерном “Одно поколение, три бизнеса”. Участие родителей в бизнесе является приоритетным фактором выбора детьми предпринимательства в качестве направления профессиональной деятельности. Родительское предпринимательство в несколько раз увеличивает вероятность включения детей в сферу бизнеса. Семейные традиции и опыт ведения бизнеса позволяют с меньшими издержками передать молодым преемникам социальный капитал, транслировать и перенимать неформальный деловой опыт и бизнес-связи. Межпоколенная преемственность обеспечивается формированием и трансляцией семейной культуры бизнес-династии с особыми ценностно-идентификационными смыслами, в том числе особым профессиональным этосом представителей семейного бизнеса.

Бизнес-династия может реализовываться как семейная компания. В такой компании тесно переплетаются деловые и семейные отношения. Важнейшим фактором эффективного функционирования семейного бизнеса являются межличностные отношения. Именно внутрисемейные конфликты чаще всего выступают причиной крушения семейного бизнеса.

Роль старшего поколения в бизнес-династиях состоит не только в передаче собственности и властных полномочий младшим ее членам, но и в обеспечении преемственности предпринимательского дела, осуществлении наставнической функции, передаче молодым семейных предпринимательских традиций и ценностей.

Наиболее серьезными угрозами для семейного бизнеса в России являются: сложная макроэкономическая ситуация, соблюдение требований отечественного законодательства, конкуренция на внутреннем рынке, необходимость осуществления инноваций ради сохранения конкурентной устойчивости бизнеса.

Ключевые слова: старшее поколение, семейный бизнес, бизнес-династия, преемственность поколений, наставничество.

* Кузнецова Ирина Валерьевна, e-mail: irenehrupferd@yandex.ru

INSTITUTIONALIZATION OF MENTORING IN ENTREPRENEURIAL DYNASTIES

Kuznetsova Irina V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Management, Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, bldg. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: irenehrupferd@yandex.ru

The article deals with the transfer of business by senior generation to the younger members of the family.

The reproduction of entrepreneurial dynasties is an important factor stabilizing the national economy. The family business is distinguished by a higher efficiency of entrepreneurial activity. It cannot be argued that the reproduction of entrepreneurial dynasties is a widespread social practice. In recent decades, the pattern "One business, three generations" has been replaced by the pattern "One generation, three businesses". Parents' participation in business is a priority factor in children's choice of entrepreneurship as a direction of professional activity. Parental entrepreneurship increases the probability of including children in the business sphere several times. Family traditions and business experience make it possible to transfer social capital to young successors at a lower cost, to broadcast and adopt informal business experience and business connections. Inter-generational continuity is ensured by the formation and translation of the family culture of a business dynasty with special value-identification meanings, including a special professional ethos of family business representatives.

A business dynasty can be implemented as a family company. In such a company, business and family relationships are closely intertwined. Interpersonal relationships are the most important factor in the effective functioning of a family business. It is intra-family conflicts that most often cause the collapse of the family business.

The older generation of family business has not only to make over the property and power to the young, but also to ensure the continuity of the business, the implementation of mentoring, the transfer of family entrepreneurial traditions and values.

The most serious threats to family business in Russia are: the difficult macroeconomic situation, compliance with the requirements of domestic legislation, competition in the domestic market, the need to implement innovations in order to preserve the competitive stability of the business.

Key words: senior generation, family business, business dynasty, continuity of generations, mentoring.

Население России стареет, ничем не отличаясь в этом отношении от большинства развитых стран мира. Люди пожилого и пенсионного возраста составляют сегодня четверть населения страны. Многие российские постсоветские предприниматели сейчас решают вопрос, кому передать свое дело, как выбрать преемника.

Дореволюционное отечественное предпринимательство тяготело к семейному бизнесу. Хорошо известны династии Морозовых, Демидовых, Рябушинских и др. Справедливости ради нужно сказать, что и в те далекие годы не все семейные предприятия проходили

испытание временем. В своих мемуарах купец Павел Афанасьевич Бурыйшкин отмечал: “Трудно найти объяснение тому обстоятельству, что среди московского купечества было очень мало фамилий, которые насчитывали бы более ста лет существования, но это факт. Редко в каком деле было три или четыре поколения. Или выходили из дела, или сходили на нет”¹.

Передача бизнеса всегда составляла один из важнейших этапов жизненного цикла предпринимательского дела наряду с этапами создания и роста. Помимо проблемы поиска нового владельца и передачи руководства компанией этот период сопряжен с решением правовых и финансовых вопросов. В Руководстве Генерального директората по предпринимательству и промышленности Еврокомиссии отмечается: “Слишком много компаний закрылись и много работников потеряли свои рабочие места из-за недостаточного внимания к вопросу передачи бизнеса. Гораздо большее внимание в мире уделяется поощрению создания новых предприятий, но не менее важным является сохранение уже существующих рабочих мест”².

По статистике работающие компании сохраняют в среднем пять рабочих мест, тогда как новые предприятия создают в среднем два рабочих места. Кроме того, успешность уже существующих предприятий выше, чем у вновь созданных. По оценкам экспертов в ЕС каждый год 450 тыс. предприятий, обеспечивающих 2 млн рабочих мест, переходят к новым владельцам. Ежегодные потери от неэффективной передачи бизнеса составляют около 150 тыс. закрывшихся фирм, обеспечивавших 600 тыс. рабочих мест³.

Если преемниками бизнеса старшего поколения семьи становятся младшие ее члены, то можно говорить о начале формирования семейной династии в бизнесе. Воспроизводство предпринимательских династий согласно отечественным и зарубежным исследованиям выступает важным фактором, стабилизирующим национальную экономику. Семейный бизнес, насчитывающий несколько поколений преемников, отличается более высокой эффективностью предпринимательской деятельности. Семейная преемственность бизнеса вызывает более высокий уровень доверия к подобным компаниям со стороны партнеров и клиентов.

По оценкам специалистов, в конце XX в. в США и Канаде половина предпринимателей являлись представителями второго по-

¹ Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 98.

² Цит. по: Мурзина Ю.С., Тоньшева Л.Л. Мотивы собственников в передаче бизнеса преемникам // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10 (ч. 1). С. 1147.

³ Там же.

коления бизнес-династий⁴. В Европе 70–80% предприятий являются семейным бизнесом, их доля в ВВП колеблется от 20% до 70%, это обеспечивает занятость 40–50% населения в таких секторах как сельское хозяйство, производство, строительство, туризм и розничная торговля⁵. В Испании три предпринимательских компании из четырех являются семейными. Они создают до 3/5 валового национального продукта⁶.

Несмотря на эти цифры нельзя утверждать, что воспроизводство предпринимательских династий представляет собой распространенную социальную практику. В работах зарубежных авторов еще двадцать лет назад отмечалось, что паттерн “Один бизнес, три поколения” смещается в сторону паттерна “Одно поколение, три бизнеса”. Не редко семья открывает бизнес и продает его через некоторое время, чтобы перейти в другую сферу приложения капитала⁷. По оценкам специалистов лишь около 40% семейных компаний в мире управляются вторым поколением собственников, около 20% — третьим поколением и около 10% — четвертым поколением⁸.

Старшее поколение может либо передать своим детям собственный бизнес, делегировав им лидерские позиции в компании, либо помочь младшим членам семьи с открытием собственного бизнеса. В таком варианте члены семьи или небольшое число семей реализуют концепцию, позволяющую обеспечивать устойчивость и развитие их бизнеса на протяжении нескольких поколений.

Занятие предпринимательской деятельностью старшего поколения семьи не редко предопределяет выбор этой сферы занятости молодыми родственниками. Родительское предпринимательство увеличивает в несколько раз вероятность включения детей в сферу бизнес-деятельности.

Семья как основа бизнеса является самым старым социальным институтом. По экспертным оценкам в Российской Федерации насчитывается около 2 млн семейных компаний, учитывая, что одна

⁴ Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Династийность в малом бизнесе в современной России: стратегии и перспективы воспроизводства // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 44.

⁵ Мурзина Ю.С. Будущее семейного бизнеса в России: передача бизнеса преемникам // Лидерство и менеджмент. 2015. Т. 2. № 2. С. 145.

⁶ Волков Д.А., Ильин А.Б. Развитие семейного предпринимательства как синергии предпринимательских компетенций // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 3. С. 442.

⁷ См., например: Klein S.B. Family business in Germany: significance and structure // Family Business Review. 2000. N 13 (3). P. 163.

⁸ Dunn T., Holtz-Eakin D. Financial capital, human capital, and the transition to self-employment: evidence from intergenerational links // Journal of Labor Economics. 2000. N 18 (2). P. 282–305.

семья может иметь одновременно несколько разных совместных дел, в каждом из которых учредителем является один из членов семьи. В качестве примера подобных семейных бизнес коммуникаций можно привести банки “Московский капитал”, “Возрождение”, финансовая группа “Конверсбанк”, Промсвязьбанк, Мастер-банк, Бинбанк и др. Бинбанк входит в группу “БИН” вместе с компанией “Русснефть” и промышленно-финансовой компанией “БИН”, специализирующейся на недвижимости⁹.

Поколенческая преемственность в бизнесе (особенно в малом и среднем) опирается преимущественно на опыт работы (как правило, с низовых позиций) и наставничество со стороны старшего поколения. Распространенными в династийном воспроизводстве выступают стратегии социального и символического инвестирования. Участие родителей в бизнесе является приоритетным фактором выбора детьми предпринимательства в качестве профессионального поприща. Родительское предпринимательство увеличивает в несколько раз статистику включения детей в сферу бизнес-деятельности. Семейные традиции и опыт ведения бизнеса создают возможность передачи социального капитала с меньшими издержками, преимущество транслировать и перенимать неформальный деловой опыт и бизнес-связи. Межпоколенная преемственность обеспечивается формированием и трансляцией семейной культуры бизнес-династии с особыми ценностно-идентификационными смыслами, в том числе особым профессиональным этосом представителей семейного бизнеса¹⁰.

Устойчивость бизнеса, добровольность преемственности и опыт взаимодействия с институционализированными практиками семейного предпринимательства определяют степень позитивности профессиональной и династийной идентичности. Вместе с тем накопленного в формирующихся предпринимательских династиях ценностно-идентификационного ресурса может не хватить для воспроизводства из-за негативных трендов современного экономического развития России.

Бизнес-династия как семейный бизнес

Профессиональные династии традиционно понимаются как локализованные в социально-экономической структуре социальные группы, характеризующиеся кровнородственными отношениями, в

⁹ Волков Д.А., Ильин А.Б. Развитие семейного предпринимательства как синергии предпринимательских компетенций. С. 442.

¹⁰ Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Династийность в малом бизнесе в современной России... С. 43–44.

которых несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере. В рамках профессиональных династий происходит межпоколенческое воспроизводство социальных позиций¹¹.

Бизнес-династия может реализовываться как семейная компания. В такой компании деловые и семейные отношения тесно переплетаются и оказывают друг на друга значительное воздействие. В работах российских и зарубежных исследователей отмечается, что в основе эффективного взаимодействия членов семьи лежат:

- открытые и честные коммуникации;
- одинаковое восприятие ценностей семейного бизнеса (честность, кредитоспособность, лояльность, толерантность);
- единое видение перспектив развития семейного бизнеса и семьи;
- устранение дифференциации в ожиданиях членов семьи;
- идентификация ролей в семейном бизнесе для членов семьи (работодатель, сотрудник, владелец, управляющий, партнер);
- ответственность членов семьи за свои действия в пределах семьи и за выполнение определенных обязанностей в пределах бизнеса;
- демонстрируемые отношения к проблемам, поведению и восприятию членов семьи;
- баланс неофициального социального взаимодействия и бизнес-коммуникаций членов семьи;
- процесс принятия решений, подразумевающий сформированную позицию членов семьи относительно того, насколько лидеры могут единолично осуществлять принятие решений, какие решения нуждаются в утверждении большинством членов семьи;
- способы разрешения возникающих конфликтов, поиск компромисса;
- взаимное уважение в повседневных коммуникациях, выход из роли “снисходительного собеседника”;
- доверие как ключевой элемент¹².

Краеугольным камнем эффективного функционирования семейного бизнеса являются межличностные отношения, которые разрушают семейные компании чаще, чем изменение рыноч-

¹¹ Там же. С. 73.

¹² См., например: Волков Д.А. Семейный бизнес: владение, управление и семейные ценности // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13. № 13. С. 38–39.

ной конъюнктуры и технологий, смена экономических циклов и другие негативные факторы. В 2008 г. Осой Бьёрнберг и Нигелем Николсоном была предложена концепция “эмоционального владения” семейным бизнесом¹³, согласно которой семья может достичь более высоких результатов в управлении семейным бизнесом в долгосрочной перспективе посредством разработки эффективной стратегии управления и преемственности. Для семейных компаний характерно переплетение в бизнесе эмоциональных и деловых аспектов. Совмещение семейных и деловых ролей ведет к изменению системы коммуникаций в семейной компании, отношения в которой строятся на доверии и общих ценностях. Успех семейного бизнеса основан на общей системе ценностей, что упрощает взаимодействие и взаимопонимание топ-менеджмента компании. Эффективные семейные фирмы отличает сочетание финансовых и нефинансовых целей.

Согласно зарубежным исследованиям сформировавшиеся в семейном бизнесе ценности и, что не менее важно, степень их согласованности у старшего и младшего поколений собственников выступает значимым фактором, обуславливающим успешную преемственность при передаче бизнеса. Отличие семейного и несемейного бизнеса заключается именно в системе целей, ценностей и “общекультурном” влиянии семьи¹⁴.

Исследование частного и семейного российского бизнеса, проведенное РwС в 2018 г., отмечает наличие у семейных компаний прочной системы ценностей и четко сформулированной цели. В соответствии с результатами проведенного опроса, у 63% частных компаний в России есть четкое представление о своей системе ценностей и миссии (рис. 1).

Серьезная проблема, присущая в основном российскому семейному бизнесу, — его малая динамичность. Во главе успешных фирм обычно стоят сильные и неординарные лидеры, а остальные члены семейного совета чаще всего безоговорочно одобряют все их решения, пусть даже неверные. Такая замена корпоративной политики методом “сильной руки” лишает бизнес возможности развиваться.

Семейный бизнес подразумевает участие членов семьи во владении и управлении компанией, поддержание преемственности по-

¹³ Björnberg A., Nicholson N. The shape of things to come — emotional ownership and the next generation in the family firm // *Family Values and Value Creation. The Fostering Of Enduring Values Within Family-Owned Businesses*. L., 2008. P. 29–52.

¹⁴ Климов И., Юсуфов Р. Зона ответственности // *PBWM.RU*. 2015. № 3 (46). URL: Зона ответственности — *PBWM.RU* (дата обращения: 15.08.2021).

колений, обеспечение устойчивости развития, не отменяющей возможности внедрения инноваций.

Рис. 1. Система ценностей компании¹⁵

Исследование PwC “Частный и семейный бизнес в России” показало, что, по мнению владельцев частных компаний, следующее поколение членов семьи не должно просто наследовать созданное их предшественниками, но должно вносить свой вклад в развитие бизнеса, предлагать свои идеи, вкладывать энергию и силы для разработки новых, особенных, “молодых по духу” инновационных проектов, быть трудолюбивыми и также честно и ответственно относиться к делу, как это делает предыдущее поколение¹⁶.

В семейных компаниях зародилась корпоративная культура, которая формировалась здесь естественным путем, вырастая через родительское наставничество из ценностно-идентификационных смыслов и практик предпринимательской фамилии. Такая система ценностей является более жизнестойкой по сравнению с искусственно сформулированной и внедряемой в современных корпорациях.

Отечественные авторы выделяют следующие признаки династий: объединение общими интересами, высокий нравственный и психологический климат, взаимопомощь, профориентационная работа, условия для получения опыта, помощь в адаптации, посто-

¹⁵ Частный и семейный бизнес в России, 2018 // Международное исследование PwC. С. 12. URL: <https://www.pwc.ru/ru/assets/fbs-report.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).

¹⁶ Частный и семейный бизнес в России, 2018. С. 32.

яность рабочих мест и профессии, высокое качество труда, добросовестность, традиционные мероприятия (посвящение в профессию, поздравления и т.д.)¹⁷.

Для успешного воспроизводства семейного бизнеса реальная, а не формальная, вовлеченность членов семьи в бизнес играет первостепенную роль. Феномен бизнес-династии предполагает межпоколенную передачу семейной предпринимательской культуры. Для воспроизводства бизнес-династий используются несколько взаимосвязанных стратегий в: образовательные, социального инвестирования (установление и поддержание долгосрочных и кратковременных, непосредственно используемых и мобилизуемых социальных отношений), символического инвестирования (сохранение и увеличение капитала признания)¹⁸.

Особенности и перспективы воспроизводства семейного бизнеса в России трудно оценить и спрогнозировать из-за непродолжительности функционирования в стране рыночных отношений, отсутствия регулярного систематического учета и анализа развития семейного предпринимательства, достаточно высокой закрытости бизнес-сообщества. Согласно данным исследования РwС не более 5% частных российских компаний управляются вторым поколением собственников (рис. 2).

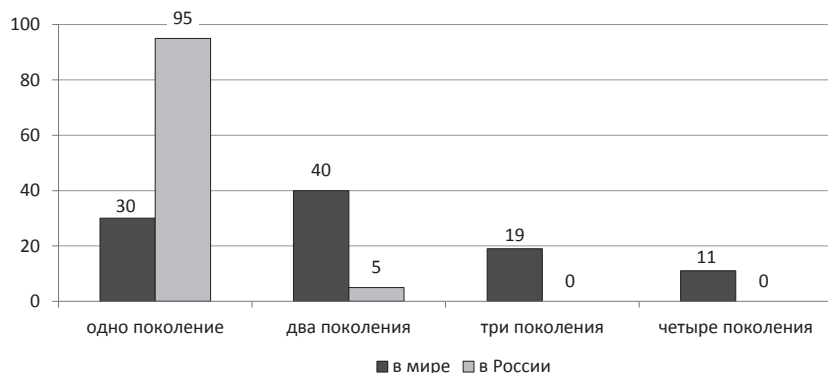

Рис. 2. Поколенческая структура семейных компаний в РФ¹⁹

¹⁷ См., например: Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2015. № 21. С. 100–101.

¹⁸ Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Династичность в малом бизнесе в современной России... С. 46–47.

¹⁹ См.: Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Профессиональные династии в бизнесе: специфика и потенциал развития // Мир России. 2020. № 29. С. 88.

Наиболее серьезными угрозами для семейного бизнеса участники исследования считают сложную макроэкономическую ситуацию в России. На втором месте сложности соблюдения требований отечественного законодательства, для сравнения в мире этот аспект занимает лишь шестое место. Третье место разделили конкуренция на внутреннем рынке и необходимость в инновациях для сохранения лидирующего положения компании в отрасли (рис. 3).

Рис. 3. Основные вызовы для компаний²⁰

Компания ЕУ совместно с Университетом Санкт-Галлена регулярно публикуют рейтинг 500 крупнейших семейных компаний мира (FB500). Рейтинг строится на основе Глобального индекса семейного бизнеса (Global Family Business Index). В табл. 1 приведены российские семейные компании, вошедшие в этот рейтинг.

Феномен профессиональной династии обеспечивает молодому поколению существенное преимущество на рынке, где важнейшими являются: сохранение, аккумуляция и трансфер профессиональных компетенций в рамках семьи; формирование и укрепление фамиль-

²⁰ Частный и семейный бизнес в России, 2018.

ного профессионального бренда; использование системы социально-профессиональных связей старших представителей династии в целях более эффективного, нередко внеконкурентного, продвижения младших²¹.

Таблица 1

Российские семейные компании в рейтинге FB500

Компания	Место в рейтинге		Выручка, млрд долл. США	Сектор	Семья владельцев
	2019	2017			
“Система”	138	151	12,34	инвестиции, телекоммуникации	Евтушенковы
НЛМК	176	196	10,06	металлургия	Лисины
“Русал”	179	181	9,97	металлургия	Дерипаска
“Северсталь”	220	251	7,85	металлургия	Мордашовы
Магнитогорский металлургический комбинат	225	274	7,56	металлургия	Рашниковы
“СтройГазМонтаж”	274	442	6,28	строительство	Ротенберги
СУЭК	300	374	5,69	угольная промышленность	Мельниченко
“Дикси Групп”	336	409	4,92	розничная торговля	Кесаевы и Кациевы
ПАО “Мечел”	372	431	4,48	металлургия	Зюзины
ТМК	383	–	4,39	металлургия	Пумпянские
“Т Плюс”	430	358	3,87	электроэнергия и теплоснабжение	Виксельберги
ОАО “ФосАгро”	489	–	3,16	потребительский сектор	Гурьевы

Источники: The 2019 EY and University of St Gallen Global Family Business Index. URL: <http://familybusinessindex.com/>; Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Профессиональные династии в бизнесе: специфика и потенциал развития // Мир России. 2020. № 29. С. 88.

Противоречивость феномена династийности

Династии высокостатусных и привилегированных профессионалов, к которым несомненно принадлежат и династии предприни-

²¹ Мостовая И.В., Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 6. С. 74.

мателей, демонстрируют преемственность профессиональной сферы старшего поколения со стороны молодого. Этот процесс может сопровождаться искусственным созданием препятствий для доступа к этим группам, чтобы сохранять и поддерживать их элитарность и исключительность²². В научной литературе существуют три подхода к рассмотрению профессиональной династии как социальной монополии: монополия, содействующая социальной мобильности членов своей семьи; монополия, затрудняющая социальную мобильность “не членов” семьи; “спасательный круг”, необходимый из-за отсутствия иных ресурсов социальной мобильности.

Исследование профессиональных карьер выпускников Высшей школы экономики, проведенного А.Э. Эфендиевым и Е.С. Балабановой²³ показало, что 25% выпускников, отцы которых были представителями бизнес- и государственной элиты, создали собственный бизнес. Из всех выпускников- “бизнесменов” 61% — это дети представителей бизнес- и государственной элиты, отцы 42% из них — владельцы крупного негосударственного предприятия, организации. В условиях отечественной институциональной бизнес-среды одним из немаловажных условий успешной предпринимательской деятельности выступает покровительство семьи.

И.В. Мостовая, О.Ю. Посухова и Л.В. Клименко предлагают «реинтерпретировать понятие “профессиональные династии” в терминах воспроизводства профессиональной монополии (существенного преимущества работника) на рынке, где важнейшими являются: 1) сохранение и накопление профессиональных компетенций; 2) передача профессионального опыта от поколения к поколению в рамках семьи; 3) формирование и укрепление фамильного профессионального бренда, когда высокие показатели профессионализма приписываются уже не персонам, а носителям фамилии; 4) использование системы социально-профессиональных связей старших представителей династии в целях более эффективного, нередко внеконкурентного продвижения младших»²⁴.

Бизнес-династия сохраняет устойчивое положение в профессионально-стратификационной структуре. Ее можно рассматривать в качестве монополии, ограничивающей доступ к престижным про-

²² Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2015. № 21. С. 102.

²³ Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С. Профессиональная карьера выпускников факультета менеджмента // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 105–108.

²⁴ Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С. Профессиональная карьера выпускников факультета менеджмента. С. 74.

фессиональным и социальным статусам. Исследования в Германии, Италии, Англии, США показывают наличие межпоколенного воспроизводства социально-профессиональных позиций и трудовой сегрегации²⁵.

Использование родственных профессиональных связей для обеспечения восходящей социальной мобильности и обогащения членов семьи проявляется в форме nepoтизма (семейственности, фаворитизма, кумовства, блата). Nepoтизм представляет собой служебное покровительство родственников, замещение должностей предпочтительно родственниками в нарушение общего и справедливого порядка, без учета знаний, способностей соискателя²⁶.

В рамках аналитического исследования “Частный и семейный бизнес в России” респонденты отвечали на вопрос об участии представителей следующего поколения семьи в деятельности компании. Ответы распределились следующим образом: 17% наследников занимают позицию высшего руководства, 13% входят в состав руководства, 10% входят в состав директоров (рис. 4)²⁷.

Рис. 4. Участие представителей следующего поколения семьи в деятельности компании, (%)

²⁵ Мостовая И.В., Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе. С. 73.

²⁶ См. подробно: Иванова Е.Ю. Семейственность (nepoтизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5. С. 42–50.

²⁷ Частный и семейный бизнес в России, 2018.

Бизнес-династии обладают двойственным потенциалом: с одной стороны, семейная монополия контроля над бизнесом может снижать эффективное управление капиталом (отсутствие или низкая конкуренция, фамелизм, семейные конфликты); с другой стороны, династийность сопряжена с трансфером человеческого капитала, ранним формированием профессиональной идентичности, поддержанием корпоративных стандартов, трансляцией семейной предпринимательской культуры следующему поколению.

Наставничество в бизнес-династиях

Сложным и опасным моментом для семейного бизнеса является процесс передачи лидерства от старшего поколения к младшему. Как уже отмечалось, одной из важнейших причин выбора предпринимательства как сферы профессиональной деятельности является родительское предпринимательство. Наличие родителя-бизнесмена увеличивает вероятность того, что ребенок окажется предпринимателем, в 1,3–3,0 раза. Предпринимательство родителей дает детям возможность приобретать неформальный деловой опыт, находясь в среде семейного бизнеса. Профессиональная династийность в семьях предпринимателей предоставляет молодым членам семейного клана следующие преимущества:

- трансляция общего человеческого капитала вследствие близости занятых предпринимательством родителей;
- формирование человеческого капитала в конкретной отрасли или фирме, в том числе включая доступ к бизнес-сети родителей;
- взаимообусловленность предпочтений между старшим и младшим поколениями, усиливающаяся ролевыми паттернами в семье²⁸.

Согласно данным исследования Центра управления благосостоянием и филантропии московской школы управления Сколково 70–80% состоятельных людей России обеспокоены проблемами преемственности. Из-за отсутствия сложившейся модели преемственности большинство российских собственников капитала подходят к этой проблеме, опираясь на тот опыт, который сами получили во времена своего советского детства и юности. Даже самые высокопоставленные советские родители в силу реальных того времени стремились обеспечить ребенка квартирой, автомобилем, некоторой суммой на сберкнижке, местом в пре-

²⁸ См.: Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Профессиональные династии в бизнесе: специфика и потенциал развития // Мир России. 2020. № 29. С. 85.

стижном вузе, и ограниченным содействием при последующем трудоустройстве²⁹.

Такой подход к преемственности ориентирован не предполагает влечения молодого поколения в бизнес, а фокусируется на финансировании их качественного образования и обеспечении им “стартового капитала” — квартиры, машины, “подъемных” и т.п. “На этом владелец капитала, как правило, считает свою миссию выполненной, а переход активов по наследству доверяет, в лучшем случае, завещанию (а временами обходится и без него)”³⁰. А, следовательно, не предполагает наставнической роли предпринимателей старшего поколения.

Не каждый предприниматель готов смириться с мыслью о том, что бразды правления когда-то придется передать. Боязнь, что преемник наделает ошибок и загубит созданную титаническими усилиями бизнес-империю, отодвигает мысли о передаче управления на задний план. “Патриархи” семейного бизнеса зачастую не склонны делиться властью и информацией с членами семьи, а если и вовлекают детей в бизнес, то на незначительные должности. Тогда как последние могут претендовать на более значимые роли.

Рис. 5. Право управления и (или) собственности передается представителям следующего поколения семьи, (%)

²⁹ Второе поколение российских владельцев капитала: недостаток информации и опасения за свое будущее. Центр управления благосостоянием и филантропии московской школы управления Сколково. 2018. URL: https://files.skolkovo.ru/Research/unlimited/SKOLKOVO_WTC_Second_Generation_2018_Rus.pdf (дата обращения: 20.08.2021).

³⁰ Там же. С. 3.

Передать руководящую роль в компании представителям следующего поколения семьи, планируют руководители 36% компаний в России, что несколько ниже среднего показателя в мире (57%). При этом руководители и (или) владельцы одной трети компаний вообще затруднились ответить на вопрос о планах компании по этому вопросу (рис. 5)³¹.

Многие предприниматели отдают предпочтение в наследовании семейного бизнеса своим детям без учета их способностей, возможностей и специальной подготовки. А ведь передачу дел надо готовить заблаговременно и тщательно выбирать преемника, так как от него зависят дальнейшее процветание и успех бизнеса, в который уже было вложено столько сил и труда. Если в семье отсутствует доверие, отношения построены на диктатуре ее главы, возникают серьезные проблемы, которые могут привести к краху предприятия.

К сожалению, нередко семьи создают бизнес, который потом сами же и губят, ибо может наступить такой момент, когда интересы семьи и бизнеса будут противоречить друг другу. Разные члены семьи могут быть одарены разными способностями к предпринимательской деятельности. Зачастую получается, что бизнес держится на одном члене семейного клана, а остальные или пассивно выполняют свои обязанности или даже препятствуют его развитию, принимая необоснованные решения. Случается, что владелец фирмы назначает на ответственный пост члена своей семьи, который не особенно разбирается в тонкостях дела, зато пользуется у него наибольшим доверием. Родственник, которому доверяется такая работа, должен быть готов выполнять ее профессионально, обладать нужным практическим опытом. Если между участниками семейного бизнеса нет взаимопонимания, то в фирме разыгрываются семейные драмы с обвинениями в непослушании, узурпации, предательстве, амбициозности, алчности, черной неблагодарности и пр.

Под наставничеством понимают добровольное, безвозмездное взаимодействие опытного состоявшегося предпринимателя с начинающим или менее опытным предпринимателем на индивидуальной основе, предполагающее передачу навыков, знаний и опыта наставника и осуществляемое с целью развития бизнеса наставляемого. Наставничество помогает начинающему предпринимателю преодолеть психологический барьер неуверенности в себе.

Родительское наставничество может сыграть решающую роль при выборе детьми предпринимательской стези. Когда дело пере-

³¹ Частный и семейный бизнес в России, 2018.

дается от родителя к детям, автоматически решаются проблемы обучения и трудоустройства детей.

Наставничество родителей-предпринимателей происходит в частности посредством вовлечения детей в управление семейным бизнесом. При этом наблюдаются гендерные и возрастные различия по степени вовлеченности наследников. Так наиболее активно привлекают к участию в делах бизнеса наследников мужчин старше 25 лет, т.е. уже получивших высшее образование. Исключение составляет участие в благотворительной деятельности семьи, сюда активно привлекают и девушек, в частности моложе 24 лет (рис. 6)³².

Рис. 6. План обеспечения преемственности, (%)

На основании критерия передачи бизнеса следующему поколению российские исследователи выделяют четыре типа собственников-основателей бизнеса: “основатели династий”, 33%, работают в семейном бизнесе и хотят его передать по наследству; “мечтатели”, 31%, в бизнесе родственники отсутствуют, но его хотели бы передать; “одиночки в бизнесе”, 19%, в бизнесе родственники отсутствуют, и передавать его не предполагается; “последнее звено”, 17%, в бизнесе родственники присутствуют, но передавать его не предполагается³³.

Несмотря на отсутствие в России опыта преемственности бизнеса согласно приведенным выше данным треть опрошенных российских бизнесменов предполагает передать бизнес по наслед-

³² Второе поколение российских владельцев капитала: недостаток информации и опасения за свое будущее... С. 9.

³³ См.: Мурзина Ю.С., Позняков В.П. Основатели бизнес-династий в России признают значимое влияние семейных отношений на бизнес. С. 1228; Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Профессиональные династии в бизнесе: специфика и потенциал развития. С. 91.

ству, но лишь половина из них могут быть отнесены к основателям династии, так как именно в их компаниях уже задействованы младшие члены семьи. 36% руководителей-собственников крупных российских компаний указали, что планируют передать управление своим бизнесом представителям следующего поколения семьи (57% в мире)³⁴.

Исследование показало, что решающую роль при построении бизнес династии играют качественные характеристики отношений в кругу семьи. Успешная преемственность в семейном предпринимательстве возможна в случае предварительного планирования процесса передачи управления, понимания членами семьи основных принципов и правил преемственности, формирования у наследников необходимого образовательного уровня и практического опыта деятельности.

Среди значительной части владельцев капиталов до сих пор не сформировалось четкое понимание модели преемственности бизнеса и во многих семьях отсутствует системный подход к вопросам передачи капитала. Родители не всегда правильно представляют себе, в чем состоит роль и задача бизнес-наставника. Разработанный в виде документа план обеспечения преемственности бизнеса есть лишь у 7% частных российских компаний, что ниже среднемирового показателя³⁵.

Семейное наставничество оказывает сильное влияние на выбор молодым поколением семьи предпринимательской деятельности в качестве своего профессионального поприща. Родители путем непосредственной передачи знаний и умений способствуют формированию представлений о будущей профессии и, впоследствии, используя свой социальный и финансовый капитал помогают детям в начале их бизнес-карьеры. Профессиональная преемственность с наследниками обеспечивается в 91% случаев на основе родительского воспитания, в 50% — наставничества³⁶.

Успех предприятия во многом зависит от понимания руководителем бизнес-процессов, нюансов и тонкостей своего дела. И, как показывает практика, обучиться и понять их гораздо проще, если человек с детства наблюдает и помогает родителям в их работе. Как

³⁴ См.: Мурзина Ю.С., Позняков В.П. Основатели бизнес-династий в России признают значимое влияние семейных отношений на бизнес. С. 1228; Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Профессиональные династии в бизнесе: специфика и потенциал развития. С. 91.

³⁵ Частный и семейный бизнес в России, 2018.

³⁶ Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Династийность в малом бизнесе в современной России: стратегии и перспективы воспроизводства. С. 51.

правило, получается, что за время взросления тот, кто впоследствии возглавит семейное предприятие, успевает пройти все ступени семейного бизнеса: от “подмастерья” до помощника руководителя.

Подготовка преемника семейного бизнеса занимает не один год, ее невозможно провести спонтанно. В клинике “ГрандМед” заняты и отцы-основатели компании, и дети. Со слов сооснователя клиники Вадима Брагилева, профориентацией сына — и как хирурга, и как будущего управляющего бизнесом — семья занималась последние 10–15 лет. Вовлекали в медицину со школьной семьи, отправляли на практику в самые сложные хирургические отделения. В результате Брагилев младший продолжает работать в семейном бизнесе³⁷.

Недавно владелец “Северстали” Алексей Мордашов решил передать часть бизнеса сыновьям, 19-летнему Кириллу и 18-летнему Никите. Они получают 65% компании Nordgold. Алексей Мордашов передал “Ведомостям”, что основная цель — преемственность, вхождение Кириллы и Никиты в курс дела, получение ими знаний и опыта в управлении бизнесом. Сам он по-прежнему будет вовлечен в бизнес и выступит наставником для сыновей³⁸.

Такой сценарий преемственности через вовлечение в семейный бизнес является классическим, но не единственно возможным. Дети могут продолжить предпринимательскую династию, начав свой собственный бизнес, не связанный с семейными активами. В этом случае речь идет о семейном наставничестве, передаче старшими членами семьи младшим предпринимательских компетенций, поддержке начинающих бизнесменов на ранних этапах развития их бизнеса.

Заключение

Сравнительно недолгий период развития рыночных отношений в нашей стране обуславливает тот факт, что бизнес-династии находятся у нас в стадии становления. Роль старшего поколения предпринимателей в бизнес-династиях состоит не только в передаче собственности и властных полномочий младшим ее членам, но в обеспечении преемственности предпринимательского дела, осуществлении наставнической функции, передаче молодым семейных предпринимательских традиций и ценностей.

³⁷ Отцы и дети: как российский бизнес решает проблему преемственности // РБК. Клуб Winner. URL: https://winner.club/business_heritage (дата обращения: 20.12.2021).

³⁸ Как основатели передают бизнес детям в России // Исследование Ward Howell Talent Equity Institute и Центр семейного бизнеса при бизнес-школе INSEAD. 2019. URL: <https://wardhowell.com/media/kak-osnovateli-peredayut-biznes-detyam-v-rossii> (дата обращения: 20.12.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков Д.А. Семейный бизнес: владение, управление и семейные ценности // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13. № 13. С. 38–44.

Волков Д.А., Ильин А.Б. Развитие семейного предпринимательства как синергии предпринимательских компетенций // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 3. С. 439–450.

Второе поколение российских владельцев капитала: недостаток информации и опасения за свое будущее // Центр управления благосостоянием и филантропии московской школы управления Сколково. 2018. URL: https://files.skolkovo.ru/Research/unlimited/SKOLKOVO_WTC_Second_Generation_2018_Rus.pdf (дата обращения: 20.12.2021).

Иванова Е.Ю. Семейственность (непотизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5. С. 42–50.

Как основатели передают бизнес детям в России // Исследование Ward Howell Talent Equity Institute и Центра семейного бизнеса при бизнес-школе INSEAD. 2019. URL: <https://wardhowell.com/media/kak-osnovateli-peredayut-biznes-detyam-v-rossii> (дата обращения: 20.12.2021).

Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Профессиональные династии в бизнесе: специфика и потенциал развития // Мир России. 2020. № 29. С. 80–102.

Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Династичность в малом бизнесе в современной России: стратегии и перспективы воспроизводства // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 43–60.

Климов И., Юсуфов Р. Зона ответственности // PBWM.RU. 2015. № 3 (46). URL: <https://pbwm.ru/articles/zona-otvetstvennosti> (дата обращения: 20.12.2021).

Мостовая И.В., Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 6. С. 70–82.

Мурзина Ю.С. Будущее семейного бизнеса в России: передача бизнеса преемникам // Лидерство и менеджмент. 2015. Т. 2. № 2. С. 141–158.

Мурзина Ю.С., Позняков В.П. Основатели бизнес-династий в России признают значимое влияние семейных отношений на бизнес // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 7. С. 1215–1232.

Мурзина Ю.С., Тоньшева Л.Л. Мотивы собственников в передаче бизнеса преемникам // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10 (ч. 1). С. 1147–1155.

Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2015. № 21. С. 100–103.

Частный и семейный бизнес в России, 2018 // Международное исследование PwC. URL: <https://www.pwc.ru/ru/assets/fbs-report.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).

Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С. Профессиональная карьера выпускников факультета менеджмента // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 105–108.

REFERENCES

Björnberg A., Nicholson N. The shape of things to come — emotional ownership and the next generation in the family firm // Family Values and Value Creation. The Fostering Of Enduring Values Within Family-Owned Businesses. L., 2008. P. 29–52.

Chastnyj i semejnyj biznes v Rossii, 2018 [Private and family business in Russia, 2018] // Mezhdunarodnoe issledovanie PwC. URL: <https://www.pwc.ru/ru/assets/fbs-report.pdf> (accessed: 20.12.2021) (in Russian).

Dunn T., Holtz-Eakin D. Financial capital, human capital, and the transition to self-employment: evidence from intergenerational links // Journal of Labor Economics. 2000. N 18 (2). P. 282–305.

Ivanova E.Ju. Semejstvennost' (nepotizm) kak destruktivnaja forma professional'nyh dinastij: gosudarstvennaja politika i obshhestvennoe mnenie [Nepotism as a destructive form of professional dynasties: state policy and public opinion] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2020. N 5. S. 42–50 (in Russian).

Jefendiev A.G., Balabanova E.S. Professional'naja kar'era vypusknikov fakul'teta menedzhmenta [Professional career of graduates of the Faculty of Management] // Sociologicheskie issledovanija. 2010. N 2. S. 105–108 (in Russian).

Kak osnovateli peredajut biznes detjam v Rossii [How founders transfer business to children in Russia] // Issledovanie Ward Howell Talent Equity Institute i Centra semejnogo biznesa pri biznes-shkole INSEAD. 2019. URL: <https://wardhowell.com/media/kak-osnovateli-peredayut-biznes-detyam-v-rossii> (accessed: 20.12.2021) (in Russian).

Klein S.B. Family business in Germany: significance and structure // Family Business Review. 2000. N 13 (3). P. 157–181.

Klimenko L.V., Posuhova O.Ju. Dinastijnost' v malom biznese v sovremennoj Rossii: strategii i perspektivy vosproizvodstva [Dynasty in small business in modern Russia: strategies and prospects of reproduction] // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2021. T. 9. N 1. S. 43–60 (in Russian).

Klimenko L.V., Posuhova O.Ju. Professional'nye dinastii v biznese: specifika i potencial razvitiya [Professional dynasties in business: specifics and development potential] // Mir Rossii. 2020. N 29. S. 80–102 (in Russian).

Klimov I., Jusufov R. Zona otvetstvennosti [Area of responsibility] // PBWM. RU. 2015. N 3 (46). URL: <https://pbwm.ru/articles/zona-otvetstvennosti> (accessed: 20.12.2021) (in Russian).

Mostovaja I.V., Klimenko L.V., Posuhova O.Ju. Metodologicheskie aspekty issledovanija professional'nyh dinastij v rossijskom obshhestve [Methodological aspects of the study of professional dynasties in Russian society] // Gumanitarnij Juga Rossii. 2019. T. 8. N 6. S. 70–82 (in Russian).

Murzina Ju.S. Budushhee semejnogo biznesa v Rossii: peredacha biznesa preemnikam [The future of family business in Russia: transfer of business to successors] // Liderstvo i menedzhment. 2015. T. 2. N 2. S. 141–158 (in Russian).

Murzina Ju.S., Poznjakov V.P. Osnovateli biznes-dinastij v Rossii priznajut znachimoe vlijanie semejnyh otnoshenij na biznes [The founders of business dynasties in Russia recognize the significant impact of family relationships on business] // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2017. T. 18. N 7. S. 1215–1232 (in Russian).

Murzina Ju.S., Tonyшева L.L. Motivy sobstvennikov v peredache biznesa preemnikam [The motives of owners in the transfer of business to successors] // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2015. N 10 (part 1). S. 1147–1155 (in Russian).

Posuhova O.Ju. Professional'naja dinastija kak rezul'tat semejnyh strategij: inercija ili preemstvennost'? [Professional dynasty as a result of family strategies: inertia or continuity?] // Vlast'. 2015. N 21. S. 100–103 (in Russian).

Volkov D.A. Semejnyj biznes: vladenie, upravlenie i semejnye cennosti [Family Business: ownership, management and family values] // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2012. T. 13. N 13. S. 38–44 (in Russian).

Volkov D.A., Il'in A.B. Razvitie semejnogo predprinimatel'stva kak sinergii predprinimatel'skih kompetencij [The development of family entrepreneurship as a synergy of entrepreneurial competencies] // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2017. T. 18. N 3. S. 439–450 (in Russian).

Vtoroe pokolenie rossijskich vladel'cev kapitala: nedostatok informacii i opaseniya za svoe budushhee [The second generation of Russian owners of capital: information scarcity and fears for their future] // Centr upravleniya blagosostojaniem i filantropii moskovskoj shkoly upravleniya Skolkovo. 2018. URL: https://files.skolkovo.ru/Research/unlimited/SKOLKOVO_WTC_Second_Generation_2018_Rus.pdf (accessed: 20.12.2021) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-166-191

ИДЕОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ: КРИЗИС СОЦИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Т.В. Семина, докт. социол. наук, старший научный сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой медицинского права, социологии и философии ФГБУ “НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева” Минздрава России, начальник юридического отдела ФГБУ “НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева” Минздрава России, Ленинский просп., д. 8, корп. 7, г. Москва, Российская Федерация, 119049*

А.А. Тыртышный, канд. психологич. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, зам. проректора по научной работе АНО ВО “Российский новый университет”, доцент кафедры медицинского права, социологии и философии НЦССХ им. А.Н. Бакулева, Ленинский просп., д. 8, корп. 7, г. Москва, Российская Федерация, 119049**

В.В. Прядкин, зав. лабораторией правовых исследований АНО ВО “Российский новый университет”, ул. Радио, д. 22, г. Москва, Российская Федерация, 105005***

В статье рассмотрены подходы к переосмыслению идеологии здоровьесбережения в условиях пандемии COVID–19. Исследуется трансформация представлений о роли государства в охране здоровья, анализируются сложившиеся социальные практики в сфере охраны здоровья в период пандемии. Анализируются историко-социологические, идеолого-правовые, коммуникативно-технологические, социально-психологические, правосознательно-поведенческие аспекты реализации стратегий по борьбе с последствиями пандемии. Рассматривается вопрос о переходе от пандемического к эндемическому статусу борьбы с корона-вирусной инфекцией COVID–19 и различные аспекты такого перехода. На основе учета опыта ряда зарубежных стран и регионов России по борьбе с пандемией сделаны выводы о необходимости социальной солидарности посредством достижения нормативного консенсуса в выборе стратегии и тактики такой борьбы на уровне личности, общества и государства. Отмечена универсальность ценности права на жизнь и охрану здоровья в период пандемии.

Ключевые слова: пандемия COVID–19, кризис, идеология здоровьесбережения, правосознание, правомерное поведение, охрана здоровья, эндемия, инфодемия, социальные практики, государство, общество, ценности, меры, стратегии здоровьесбережения, государственная власть, медицина, паника, права человека.

* Семина Татьяна Васильевна, e-mail: stv.semina1911@yandex.ru

** Тыртышный Алексей Александрович, e-mail: atyrt@mail.ru

*** Прядкин Вячеслав Владимирович, e-mail: 7998212005@yandex.ru

IDEOLOGY OF HEALTH CARE: THE CRISIS OF SOCIAL AND LEGAL VALUES OF THE WORLD COMMUNITY DURING THE PANDEMIC

Semina Tatiana V., Doctor of Sociology, Senior Researcher at the Department of Modern Sociology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Medical Law, Sociology and Philosophy of the A.N. Bakulev, NCSSH Head of the Legal Department of the A.N. Bakulev NCSSH, Leninsky prospekt, 8, bldg. 7, Moscow, Russian Federation, 119049, e-mail: stv.semينا1911@yandex.ru

Tyrtyschny Alexey A., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Deputy Vice-Rector for Scientific Work, ANO VO "Russian New University", Associate Professor of the Department of Medical Law, Sociology and Philosophy of the A.N. Bakulev NCSSH, Leninsky prospekt, 8, bldg. 7, Moscow, Russian Federation, 119049, e-mail: atyrt@mail.ru

Pryadkin Vyacheslav V., Head of the Legal Research Laboratory, ANO VO "Russian New University", st. Radio, 22, Moscow, Russian Federation, 105005, e-mail: 7998212005@yandex.ru

The article discusses approaches to rethinking the ideology of health care in the context of the COVID-19 pandemic. The transformation of ideas about the role of the state in health protection is investigated, the existing social practices in the field of health protection during the pandemic are analyzed. Historical-sociological, ideological-legal, communicative-technological, socio-psychological, legal-conscious-behavioral aspects of the implementation of strategies to combat the consequences of the pandemic are analyzed. The issue of the transition from pandemic to endemic status of the fight against COVID-19 coronavirus infection and various aspects of such a transition are being considered. Based on the experience of a number of foreign countries and regions of Russia in combating the pandemic, conclusions are drawn about the need for social solidarity by achieving a normative consensus in choosing strategies and tactics for such a struggle at the level of the individual, society and the state. The universality of the value of the right to life and health protection during the pandemic was noted.

Key words: COVID-19 pandemic, crisis, ideology of health care, legal awareness, lawful behavior, health protection, endemic, infodemia, social practices, state, society, values, measures, strategies of health care, state power, medicine, panic, human rights.

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции сохранение здоровья населения планеты стало приоритетной задачей общемирового значения. Пандемия COVID-19 способствовала высокой психической травматизации населения, показала слабые места систем здравоохранения по всему миру, ускорив при этом развитие инновационных подходов в медицине. Фармацевтические компании и небольшие биотехнологические стартапы запустили десятки клинических испытаний, направленных на поиск решений

для борьбы с коронавирусом. Некоторые из этих разработок повлияют на то, какой будет медицина будущего¹.

В сложившихся чрезвычайных условиях современный мир столкнулся с новым вызовом — необходимостью поиска системных ответов на беспрецедентные последствия для населения планеты, вызванные пандемией COVID-19. Поставив все страны мира перед выбором — либо отстраниться от решения возникающих проблем, и тем самым быть неэффективными, либо, напротив, пытаться действовать достаточно жесткими, экстраординарными средствами, а зачастую непопулярными мерами в авральном режиме.

В период пандемии изменились идеи о главенствующей ценности здоровья, трансформировались представления о роли государства в охране здоровья, а также повседневные социальные практики заботы о нем и какие уроки могут и должны быть вынесены из этого периода — эти вопросы и стали центральной темой настоящей статьи.

За всю свою историю человечество переживает далеко не первую эпидемию и пандемию вирусного заболевания. Так в истории человечества известны несколько эпидемий чумы, которые унесли миллионы жизней, и оставили глубокий след в истории всего человечества. Заболевание чумой в древние века означало верную смерть. Заболевший неминуемо умирал через несколько дней, поэтому ужас эпидемий чумы затмевал ужас всех войн². Наиболее масштабными не только по охвату зараженных территорий, но и по продолжительности во времени (не одно десятилетие) являются три пандемии. “Юстинианова чума” — это первая исторически известная пандемия чумы, названная по имени византийского императора Юстиниана I. Началась в Египте, выкосила почти все страны Средиземноморья и продолжалась около 60 лет. В разгар эпидемии в 542 г. только в Константинополе ежедневно умирали тысячи человек. Всего погибло около 100 миллионов человек, Византия потеряла примерно половину населения. Вторая пандемия — “Черная смерть” — зародилась в Азии и в 1346–1348 гг. бушевала в Европе, где ее жертвами стали 25 миллионов человек. Третья пандемия чумы, началась в 1855 г. в китайской провинции Юньнань³. Вирус за несколько десятилетий распространился на все обитаемые континенты. Только в Китае и Индии общее число умерших составило более 12 миллионов человек.

¹ РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6152cc769a794789079a2d40> (дата обращения: 11.03.2022).

² Даниэл М. Тайные тропы носителей смерти. М., 1990. С. 52. ISBN 5-01-002041-6

³ Там же.

Также древнейшим вирусом является брюшной тиф, а одной из первых исторически известных эпидемий брюшного тифа была Афинская чума (430 г. до н.э.)⁴, описанная историком Фукидидом, во время которой умер каждый четвертый житель города-государства. Тогда порождением паники в обществе послужили бессилие врачей перед болезнью и высокая смертность. Афинский историк описывает то, как люди умирали в одиночестве, без помощи, так как здоровые боялись оказывать им помощь из-за страха заразиться. В обществе воцарилось беззаконие и погоня за чувственными наслаждениями⁵.

Опыт решения человечеством подобных проблем в мировой истории показывает, что в период пандемии не допустима ситуация, при которой идет «война всех против всех»⁶ и чтобы ограничить разрушительные проявления человеческой природы в ситуациях стихийного кризиса и неопределенности необходимо государство с его арсеналом ограничивающих мер. Как описывают в своей книге М. Хардт и А. Негри «Империя»: «...основная цель государства — обеспечение безопасности подданных, избавление их от нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, взаимного страха и противоборства и, наконец, направление их действий к общей пользе»⁷.

Во всех странах мира, особенно в наиболее пострадавших от вспышек пандемии COVID-19, государственная власть выполняет сдерживающее принудительную функцию вплоть до уголовной ответственности за нарушение режима чрезвычайной ситуации, в том числе режима самоизоляции⁸. Ограничение круга общения, а значит и источников и цепочек распространения болезни, являлось основной и практически единственной мерой, вплоть до момента разработки вакцины, направленной на сдерживание роста распространения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Опыт борьбы с распространением коронавирусной инфекцией Российской Федерации не является исключением: сначала государственной властью использовались методы коммуникативно-превентивного характера, призывающие людей к социальной

⁴ Papagrigrakis M.J., Yapijakis C., Synodinos P.N., Baziotopoulou-Valavani E. DNA examination of ancient dental pulp incriminates typhoid fever as a probable cause of the Plague of Athens // International Journal of Infectious Diseases. 2006. Vol. 10. N 3. P. 206–214. doi:10.1016/j.ijid.2005.09.001. PMID 16412683.

⁵ Фукидид. История. Л.; 1981. С. 51, 53.

⁶ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М., 1991.

⁷ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

⁸ Багреева Е.Г., Мантарова А.И. Криминологический анализ и тенденции преступности в период и после пандемии в Российской Федерации и Республике Болгария // Вестник Московского областного университета. 2020. № 3. С. 93.

ответственности. С использованием масс-медиа велась активная разъяснительная работа. Однако, столкнувшись с проблемой острой фазы деформации правосознания в условиях резкого перехода к принудительно-ограничительным мерам, государство вынуждено было разработать и ввести комплекс мер реагирования по компетенции всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной⁹.

Необходимо отметить на данном этапе времени Россия вошла в тройку стран, которые лучше всего справились с пандемией коронавируса по данным опроса общественного мнения. Об этом сообщает ТАСС со ссылкой на данные опубликованного исследования, которое провел испанский Королевский институт Эльcano. В опросе, который был проведен в период с 27 января по 1 февраля 2021 г., участвовали около 4,4 тысячи человек из 11 стран. Среди них граждане Германии, Великобритании, Франции, Италии, Испании, Португалии, Нидерландов, США, Китая, Индии и Южной Кореи. Участникам предложили оценить по шкале от 0 до 10 эффективность действий правительств шести стран, которые были ими приняты в борьбе с пандемией коронавирусной инфекции. Согласно результатам, первое место заняла Германия (6,5 балла), второе досталось Испании (5,9), третье — России (5,5). Кроме того, четвертую позицию разделили Китай и Великобритания, которые получили одинаковые оценки (5,4 балла). Соединенные Штаты были удостоены самой низкой оценки — 4,2 балла¹⁰.

Пандемия COVID-19 наносит сокрушительные удары не только по экономике, культурной и спортивной жизни, главное — она наносит удары по психике самых широких масс граждан, деформирует правосознание населения. Пандемия обостряет страх за свою жизнь, членов своей семьи. Современные специалисты всерьез обеспокоены не только медицинскими аспектами пандемии, но и последствиями от побочных действий в информационно-коммуникативной сфере и в сфере повседневного поведения, так называемых “сопутствующих эффектов”, а в частности — паники населения¹¹.

⁹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). N 1. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28856/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁰ URL: <https://www.m24.ru/news/medicina/22042021/162441> (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹ Абабкова М.Ю., Леонтьева В.Л., Покровская Н.Н. Развитие нейрокоммуникационных и когнитивных технологий для сжатия социального пространства в моменты кризисной изоляции // Вестник Евразийской науки. 2020. № 4. URL: <https://esj.today/PDF/38ECVN420.pdf>; Семенов В.Е., Черноиванова А.С. Идеологические

Одним из деструктивных проявлений влияния пандемии на здоровье населения стало массовое проявление синдрома, который Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 6 октября 2021 г. официально определила как понятие постковидный синдром COVID-19¹² “Общие признаки такого состояния заключаются в повышенной утомляемости, нехватке дыхания, когнитивном расстройстве и некоторых других симптомах, которые также оказывают влияние на повседневное функционирование”, — отметили в ВОЗ¹³. Необходимо отметить, что ВОЗ сделала эти выводы на основе всестороннего анализа проявлений этого болезненного состояния большой выборки обследуемых, а общее описание постковидного синдрома и методики его исследования занимает 27 страниц.

Мировой опыт развития большинства государств показывает, что их успешное развитие невозможно в отсутствие собственной идеологии. Совокупность идеалов и символов, основных принципов внутренней и внешней политики, по своей сути составляют основу государственной идеологии, вне зависимости от политического строя. И вопросы здоровьесбережения одни из основополагающих в данном процессе. Как отмечает исследователь В.А. Пономаренко: “Здоровье как политический фактор представляет собой сплав потребности каждого человека с конституционным интересом государства: сделать свой народ нравственно и физически здоровым, счастливым и достойным в цивилизованном мире”¹⁴. Тем более это становится актуальным в условиях развития процессов глобализации. Сам термин “здоровьесбережение” возник сравнительно недавно, в связи с чем, на данном этапе времени ему дается несколько формулировок. Так, автор статьи “Здоровьесберегающее поведение” Т.С. Андрианова дает определение “здоровьесбережению” с точки зрения реализации государственной политики как систему мер, “направленных на улучшение здоровья людей различных возрастных групп”¹⁵. Но есть и другая интерпретация, в соответствии с которой

рефлексии в России в условия пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46644272_90853555.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

¹² URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/345824/WHO-2019-nCoV-Post-COVID-19-condition-Clinical-case-definition-2021.1-eng.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

¹³ URL: <https://rg.ru/2021/10/07/voz-opublikovala-oficialnoe-opredelenie-postkovidnogo-sindroma.html> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁴ Пономаренко В.А. Здоровьесбережение как ответ на вызов времени // Мир психологии. 2010. № 2. С. 185.

¹⁵ Андрианова Т.С. Здоровьесберегающее поведение // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2017. № 7. С. 248.

“здоровьесбережение”, это: “...система действий, направленных на улучшение собственного здоровья и (или) здоровья социального окружения. Оно является индивидуальным проявлением отношения человека к своему здоровью, соответствующей ценностной ориентацией индивида в соответствии с тем местом, которым он отводит своему здоровью в системе ценностей и ценностных ориентаций”¹⁶. По нашему мнению, обе формулировки имеют место быть, взаимодополняя друг друга. Как государство не может существовать без индивида, так и индивид не способен полноценно существовать без поддержки государства, особенно остро такая дихотомия проявляется в период необходимости разработки и принятия чрезвычайных мер для преодоления пандемии COVID–19.

Опыт последних лет в условиях пандемии наглядно показал, что мировому сообществу нужны общие взгляды на жизнь и мир сквозь призму здоровьесберегающих ценностей, ради которых можно и нужно жертвовать эгоистическими интересами ради процветания как отдельных стран, так и всего человечества. А пандемия COVID–19 заставила все мировое сообщество пересмотреть свои взгляды к происходящим процессам глобализации. Пандемия разрушила все тактические и стратегические планы, деформировала нормальное функционирование экономики, приостановила финансирование сферы образования и развитие социальной политики, вынудила бросить все современные ресурсы на напряженную борьбу невидимым врагом¹⁷. Закрытие границ между государствами, запреты на международные поездки, экспортные ограничения вынудили участников международных отношений пересмотреть свои позиции и начать вырабатывать новые подходы к мировому разделению труда, к глобальным инвестиционным процессам и т.д.

Все это свидетельствует о неизбежном преобразовании процесса международной интеграции в более органичную версию и с необходимостью требует осмысления новой идеологии постпандемического мира.

Являясь отражением правовой реальности во всех сферах жизни общества, правосознание играет ключевую роль в правовом регулировании общественной жизни в целом и сферы здравоохранения в частности. Мы являемся свидетелями того, как в условиях панде-

¹⁶ Андрианов С.В., Арстангалиева З.Ж., Чернышкова Е.В. Здоровьесбережение пожилых людей как проблема социологии медицины (обзор) // Саратовский научно-медицинский журнал. 2014. Т. 10. № 4. С. 672.

¹⁷ Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID–19. Монография. М., 2020.

мии правовая реальность сильно изменилась, причём не в благоприятную сторону. Деформация общественного и индивидуального правосознания под влиянием тяжелых проявлений продолжающейся пандемии COVID-19 является реальной угрозой разрушения общественных ценностей. Опасность деформации правосознания заключается в усилении крайних проявлений как правового нигилизма (преимущественно со стороны широких масс населения), так и правового идеализма (преимущественно со стороны органов публичной власти). Проявления правового нигилизма, выражающиеся в отрицании и сопротивлении правовым установлениям и мерам, характерным для режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации, представляют серьезную угрозу стабильному развитию государства в условиях пандемии. Но не менее опасны и проявления правового идеализма со стороны ряда государственных органов и общественных организаций, проявляющихся в стремлении к абсолютизации мер принуждения, разбалансировки достигнутых условий социального партнерства и солидарности под предлогом неотвратимости и абсолютной оправданности мер, принимаемых органами исполнительной власти, сужение поля для конструктивной критики и рассмотрения альтернативных вариантов принимаемых решений, смещение баланса принятия решений из профессиональной медицинской сферы в пользу политико-экономических структур и другие. Действуя вместе эти крайние проявления правосознания ведут к экстремизации мер управленческого воздействия и усилению негативных тенденций в реакции общества на принимаемые меры, что проявляется в десолидаризации государственно-общественных связей, снижении уровня гарантий прав человека и закладывает основу для проявления деструктивных социальных проявлений.

Массовая агрессия, паника, острое стрессовое и посттравматическое стрессовое расстройство, другие нарушения психоэмоционального состояния и поведенческих реакций социума — все это характеризует пандемию и дает все основания отнести ее к числу социальных катастроф. Сила данных реакций человеческой психики в первую очередь связана с информационным воздействием. В связи с чем СМИ играют ключевую роль в формировании правосознания населения и напрямую оказывают влияние на процесс формирования уровня правового нигилизма по непризнанию ограничительных мер, связанных с применением законодательства о режимах повышенной готовности и чрезвычайном положении, а также и иных мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Благодаря научно-техническому прогрессу в нашу жизнь вошли высокие технологии и электронные средства коммуникации. Так наряду с традиционными СМИ главенствующую позицию в информатизации населения занимает интернет. COVID-19 — это первая пандемия в истории интернета и соцсетей и этот факт еще только предстоит осмыслить современным исследователям. Мы являемся свидетелями зарождения информационной пандемии — инфодемии. По мере того, как нарастает распространение коронавирусной инфекции во всем мире, нарастает истерия в мировых СМИ, достигая чудовищных размеров. Переизбыток, равно как и недостаток информации, касающейся новой коронавирусной инфекции, часть которой является ложной, представляет потенциальную опасность. Поскольку во всей это лавине непроверенной информации теряются важные сообщения. А легенды и домыслы о коронавирусе распространяются быстрее, чем сам патоген. Исследователи отмечают, что так называемые пандемии неизвестной этиологии и природы (сущности), как например COVID-19, ведет к параллельной основной эпидемии психозепидемии¹⁸.

Медиа-эксперты по всему миру отмечают, что пандемия коронавируса создала благодатную почву для фейковых новостей (от англ. *fake* — “подделка”, “что-либо ложное, недостоверное, сфальсифицированное, выдаваемое за действительное, с целью ввести в заблуждение”), домыслов и манипуляций в СМИ. Иногда страх перед непонятной инфекцией буквально парализует людей, вынуждая верить любому сообщению о ее происхождении, качествах, свойствах, методах и способах борьбы с ней¹⁹.

Вот мнение на данный счет главного медицинского психолога Минздрава России, декана факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова Юрия Зинченко: “В ситуации, когда интернет и СМИ являются практически единственным источником информации и по сути шансом для обретения хоть какой-то определенности в настоящем и будущем, человеку свойственно поддаваться панике и цепляться за каждую информацию, которая придает ему опреде-

¹⁸ Познанский К.Э. Мировоззрение, биология и медицина — их взаимосвязь // Педагогика и психология в медицине: проблемы, инновации, достижения. Сб. тр. I Междунар. науч. конгресса. М., 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47190361> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁹ Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // *Colloquium-journal*. 2020. № 8. С. 78–79; Малинецкий Г.Г., Кульба В.В., Ахромеева Т.С., Торопыгина С.А., Посашков С.А. Как не оказаться в XVI веке. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47533922_13085458.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

ленности и понимания, что происходит и что будет дальше”²⁰. Действительно, в связи с введением режима самоизоляции, Интернет, прочно вошел в нашу жизнь, являясь главным или даже единственным источником информации для абсолютного большинства населения. В данной связи Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) бьет тревогу, признавая на официальном уровне, что в мире, помимо пандемии коронавируса, свирепствует инфодемия. “Инфодемия, возникшая на волне COVID-19, приняла такие масштабы, что пора принимать координированные ответные меры”²¹, — призывают участники первой глобальной конференции ВОЗ по инфодемиологии. Такой “информационный шум” крайне затрудняет поиск достоверных фактов в тот момент, когда мы больше всего в них нуждаемся. А в критической ситуации, такой как пандемия, от этого может зависеть жизнь огромного количества людей. Следует признать, что инфодемию невозможно остановить, ей можно лишь противодействовать. По нашему мнению, наиболее действенной мерой по борьбе с инфодемией в период пандемии коронавирусной инфекции, наряду с выявлением и опровержением недостоверной, неточной или даже ложной информации, является просветительская и разъяснительная работа с населением. Которая включала бы в себя проведение мероприятий, имеющих исключительно научное обоснование и пояснение как со стороны государственных деятелей, правоведов, организаторов здравоохранения, так и врачей-специалистов. Необходимо отметить, что с инфодемией человечество сталкивалось и ранее, но защиты, своего рода коллективного иммунитета, не выработало. Впервые этот термин появился в 2003 г., во время эпидемии вируса атипичной пневмонии SARS-CoV. С этого момента и далее на общество была обрушена целая лавина различных сведений: точных, не совсем точных и совсем не точных. Из самых ярких проявлений инфодемии в смысле фантазийности и не обоснованности вспоминаются выдумки в период эпидемии Эболы о том, что это вышедшие из-под контроля полевые испытания биологического оружия, а виновниками вспышки вируса Зика являлись генномодифицированные комары-мутанты.

Одним из негативных последствий инфодемии является навешивание ярлыков на отдельные группы людей и целые народы.

²⁰ URL: https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/14052020/156676?utm_source=CopуBuф (дата обращения: 11.03.2022).

²¹ 1-я конференция ВОЗ по инфодемиологии // Сайт Всемирной организации здравоохранения. 2020. 30 июня — 16 июля. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2020/06/30/default-calendar/1st-who-infodemiology-conference> (дата обращения: 11.03.2022).

Ярким примером такой стигматизации в данном случае является обвинение Китая как “поставщика новых инфекций”. Так человечество к настоящему времени пережило уже три мутации коронавируса. Первый — SARS-CoV — или как его еще называют — атипичная пневмония, первый случай которого был зарегистрирован в ноябре 2002 г. в южном Китае, второй — HCoV-NKU1, впервые был обнаружен в январе 2004 г. у одного человека в Гонконге и SARS-CoV-2 впервые выявлен в декабре 2019 г. в Ухане.

Все эти разновидности коронавирусной инфекции в СМИ связывали с птичьими рынками Китая, обосновывая это тем, что там животные, например летучие мыши, могут находиться в тесном контакте и обмениваться вирусами друг с другом, а потом заражать людей. Во всех масс-медиа правительство Китая обвиняли в сокрытии реального числа зараженных и попытках утаить зарождение эпидемии. Перед лицом глобальной угрозы миру следовало бы объединиться, но вместо этого мир еще сильнее раскололся. Данную ситуацию прекрасно характеризует высказывание директора по исследованиям Европейского совета по международным делам (ECFR) Джереми Шапира, являющегося признанным специалистом по трансатлантическим отношениям и стратегическим вопросам: “Эпидемии проявляют худшее, что есть в человеческой природе... природные катастрофы, финансовые кризисы, даже войны — заставляют нас объединяться как сообщество. Они создают общее для всех чувство миссии, дух окопного братства, ощущение, что невзгоды можно преодолеть вместе. Пандемии, наоборот, разделяют. Они изолируют нас, заставляя бояться собственных соседей”²².

Важным и не до конца исследованным эффектом инфодемии стало то, что появилась новая социальная поведенческая стратегия среди населения, так называемые “ковид-диссиденты”, те, кто отрицают существование коронавируса, категорически отказываются принимать на веру информацию из официальных медицинских источников, при этом всецело доверяют сведениям псевдоспециалистов, разного толка блогерам. Самые активные представители диссидентского движения демонстративно отказываются соблюдать меры безопасности, скандалят, посещают общественные места без масок, при этом подобное противостояние властям снимают на видео, выкладывая в соцсети, тем самым пропагандируя, что нет никакой опасности заразиться или заразить других. Другим проявлением

²² Шапиро Дж. Трансатлантические отношения и коронавирус // Россия в глобальной политике. 2020.23.03. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/transatlantica-i-koronavirus/> (дата обращения: 11.03.2022).

поведенческой стратегии в условиях нарастания инфодемии является анти-ваксерство — как отрицание пользы и необходимости делать прививки от коронавируса. Представители такой стратегии объединяются в социальные группы, которые выдвигают правовые, экономические и политические требования. Новой поведенческой стратегией стало проявление ковид-энтузиазма, проявляющееся в стремлении любыми средствами добиться быстрой и всеобъемлющей победы над пандемией. Это наглядно заметно в действиях как властей, например в Австрии заявили о сокращении при вакцинации межпрививочного периода с 6 до 4 месяцев, в Израиле дополнили список требований к прибывающим наличием справок о количестве антител, что считается не релевантным для борьбы с распространением коронавируса, например в Германии. Такую же стратегию демонстрирует и население, например, массовое следование быстро меняющемуся мейнстриму — в некоторых странах европейского континента вводят дополнительные ограничения по социальному дистанцированию, ношению масок, необходимости самоизоляции и наличия ковид-паспортов (Франция, Германия) и одновременно снимают такие же ограничения в Великобритании и всеобщее стремление к достижению коллективного иммунитета, представление о котором как панацее от пандемии разбивается о волны новых штаммов. Все это свидетельствует о том, что распространение ложной, не выверенной и недоказательной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, несет в себе угрозу общественной безопасности. По мнению экспертов²³, люди не вакцинируются, имея для этого все возможности. Это своеобразная плата за невежество, развал образования, недоверие к науке и технологиям. Другая причина — недоверие к власти — раз она советует прививаться, то многие думают, что делать это не следует. По данным сотрудников Института психологии, уровень доверия граждан к правительствам составляет в Китае — 77%, в Италии — 48, в США — 45, в России — 27%²⁴.

Повышение уровня ценности понятия здоровья и составляющих здорового образа жизни должны стать фундаментом новой идеологии здоровьесберегающих ценностей. Основными направлениями которой представляются развитие потенциала общественного здоровья как меры здоровья людей, накопленного обществом, и его резервов. Развитие приоритетности здоровья как наиболее ценност-

²³ URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47533922_13085458.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

²⁴ *Малинецкий Г.Г.* Риски, эпидемии и образ будущего // Человек. 2020. Т. 31. № 4. С. 57–82.

но-значимой сферы жизни. А также, формирования ответственного отношения как к собственному здоровью, так и семьи в целом. По мнению К.Э. Познанского “вопрос заключается в следующем: какие ценности положены в основание данной эпохи. Ценности могут усиливать интенсивность жизни или ослаблять ее”²⁵.

Необходимо отметить, что в июле 2020 г. были приняты поправки к Конституции РФ, институционально закрепляющие отнесение охраны здоровья к ключевым публичным интересам и распространяющим компетенцию публичной власти на все ее уровни, включая местное самоуправление. Так, например, статья 72 дополнена пунктом “ж) координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью”²⁶. Реалии пандемии COVID–19 состоят в том, что устойчивая тенденция превышения смертности над рождаемостью стала одним из ключевых социально-демографических факторов современной жизни России. Так, по данным Росстата численность населения России по итогам 2021 г. снизилась со 146,2 млн до 145,5 млн человек. По оценке ведомства естественная убыль населения в 2021 г., по предварительным данным, достигла 1,04 млн человек²⁷. Необходимо учесть, что это печальный рекорд за всю новейшую историю России и меры, предпринимаемые государством по правовым, экономическим и социальным гарантиям координации системы охраны здоровья не только актуальны, но и требуют решительных действий по исправлению ситуации.

Главная цель ограничительных мер — это защита, здоровьесбережение и сохранение человеческих жизней, защищая права одного человека, нельзя нарушать права других лиц, и ставить под угрозу заражения опасным жизненно-угрожающим вирусом большого количества людей. Пандемия стала своеобразной лакмусовой бумагой выявившей риски, связанные с чрезмерной зависимостью от глобализации производственных процессов, товарообменов, услуг, капиталов и пр. Как подчеркивает О.Ю. Яценко, “мы имеем дело с первым серьезным глобальным вызовом человечеству в XXI веке.

²⁵ URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47190361> (дата обращения: 11.03.2022).

²⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347677/ (дата обращения: 11.03.2022).

²⁷ URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f3bbaa9a794767f04fdaa7> (дата обращения: 11.03.2022).

И этот вызов имеет свою специфику не только как угроза здоровью людей, но влечет трудно прогнозируемые последствия для общества катастрофического характера”²⁸. Исследователи отмечают необходимость достижения нормативного консенсуса для преодоления тектонических разломов в социальной сфере. По мнению профессора Оксфордского университета Чао Ван именно “безопасность человека и взаимозависимость человечества представляют собой нормативный консенсус и стратегию преодоления пандемии COVID-19”²⁹.

Следует отметить, что по прошествии уже двух лет жизни в условиях пандемии COVID-19, можно утверждать, что влияние пандемии на общество включает в себя несколько аспектов, и затронуло абсолютно все сферы жизни. По мнению М.Ю. Абабковой, В.Л. Леонтьевой, Н.Н. Покровской, переосмысление активности в период пандемии в физическом и виртуальном пространстве отражает социальное структурирование и переоценку социальных процессов. Практически все традиционные социальные институты, унаследованные от предков и выраженные в накопленной веками коллективной мудрости, потребовали нового осмысления и новых коммуникационных инструментов для семьи, образования, здравоохранения, идеологии, религии, науки и культуры³⁰.

В условиях, когда человечество в очередной раз вынуждено было признать, что человеческая жизнь есть абсолютная ценность в системе социальных ценностей, высший смысл и самоцель, стали очевидными отрицательные тенденции в международной взаимозависимости государств. Вопросы здоровьесбережения встали на первый план. Все прочие процессы: экономические, производственные, в том числе и политические, выстраиваются в порядке приоритетности вопросов сохранения здоровья населения как отдельно взятых стран, так и всего мира.

Выводы

Проведенный анализ влияния различных факторов пандемии COVID-19 на мировой порядок, сообщество и население стран мира

²⁸ Яценко О.Ю. Пандемия как глобальный вызов: социально-экономический и правовой тезаурус // Образование и право. 2020. № 4. С. 503.

²⁹ Chao Wang. To cope with a new coronavirus pandemic: how life may be changed forever // *Chinese Journal of International Law*. 2020. June. Vol. 19. Iss. 2. P. 221–228. URL: <https://academic.oup.com/chinesejil/article/19/2/221/5893654> (accessed: 11.03.2022).

³⁰ Абабкова М.Ю., Леонтьева В.Л., Покровская Н.Н. Развитие нейрокоммуникационных и когнитивных технологий для сжатия социального пространства в моменты кризисной изоляции // Вестник Евразийской науки // *The Eurasian Scientific Journal*. 2020. Т. 12. № 4. URL: <https://esj.today>

можно сделать вывод о том, что решающее значение на эффективность борьбы с разными эпидемиями и последствиями пандемии оказывает преобладающая в общественном сознании идеология, отражающая роль здоровья и его сбережения в систем ценностей. Наиболее деятельным проявлением такой идеологии может стать, так называемый, нормативный консенсус, т.е. массовое доверительное отношение большинства населения к политическим, правовым, медицинским, экономическим и информационно-технологическим мерам, предпринимаемым политическим руководством. Идеология здоровьесберегающих ценностей должна в себя включать в первую очередь идеологическое воспитание молодежи. Воспитание само по себе — это процесс прививания человеку определенной системы ценностей, идей, приоритетов, которая завершается формированием личности. Таким образом, закономерной является необходимость развития мобилизации молодежи в интересах не только личного здоровья, но и здоровья нации в целом.

Идеология здоровьесберегающих ценностей должна разрабатываться на основе научных знаний. В данной связи возникает острая потребность в проведении масштабных социологических исследований, как наиболее эффективного метода оценки происходящих изменений в обществе в условиях различных эпидемий. Данные исследования позволят провести анализ ценностей, характеризующих степень ответственности за свое здоровье, членов семьи и окружающих, в том числе за принимаемые меры при ощущении нездоровья.

Таким образом, преобразования, происходящие в современном обществе, кардинально влияют на жизнедеятельность населения планеты. Процесс формирования новой международной идеологии здоровьесбережения в современных условиях видится как необходимый элемент дальнейшего благополучия развития международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1-я конференция ВОЗ по инфодемиологии // Сайт Всемирной организации здравоохранения. 2020. 30 июня — 16 июля. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2020/06/30/default-calendar/1st-who-infodemiology-conference>

Абабкова М.Ю., Леонтьева В.Л., Покровская Н.Н. Развитие нейрокоммуникационных и когнитивных технологий для сжатия социального пространства в моменты кризисной изоляции // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12. № 4. URL: <https://esj.today/PDF/38ECVN420.pdf>

Андрианов С.В., Арстангалиева З.Ж., Чернышкова Е.В. Здоровьесбережение пожилых людей как проблема социологии медицины (обзор) // Саратовский научно-медицинский журнал. 2014. Т. 10. № 4.

- Андреанова Т.С. Здоровьесберегающее поведение // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2017. № 7.
- Багреева Е.Г., Мантарова А.И. Криминологический анализ и тенденции преступности в период и после пандемии в Российской Федерации и Республике Болгария // Вестник Московского областного университета. 2020. № 3.
- Белая книга по национальной обороне Китая в новую эпоху. URL: <https://rg.ru/2020/06/09/kitaj-podelilsia-opytom-borby-s-covid-19-v-beloj-knige.html>
- Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
- Гафиагулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19. Монография. М., 2020.
- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М., 1991.
- Даниэл М. Тайные тропы носителей смерти. М., 1990. ISBN 5-01-002041-6
- Касьянов В.В., Гафиагулина Н.Х., Самыгин С.И. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. 2020. № 2. С. 51–63.
- Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347677/ (дата обращения: 11.03.2022).
- Малинецкий Г.Г. Риски, эпидемии и образ будущего // Человек. 2020. Т. 31. № 4. С. 57–82.
- Малинецкий Г.Г., Кульба В.В., Ахромеева Т.С., Торопыгина С.А., Посашков С.А. Как не оказаться в XVI веке. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47533922_13085458.pdf
- Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28856/>
- Познанский К.Э. Мировоззрение, биология и медицина — их взаимосвязь // Педагогика и психология в медицине: проблемы, инновации, достижения. Сб. тр. I Междунар. науч. конгресса. М., 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47190361>
- Пономаренко В.А. Здоровьесбережение как ответ на вызов времени // Мир психологии. 2010. № 2.
- Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 4 февраля 2022 года № 4 «О внесении изменений в санитарно-эпидемиологические правила СП 3.1.3597-20 “Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”, утвержденные постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 22.05.2020 № 15».
- Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. 2020. № 8.
- Семенков В.Е., Черноиванова А.С. Идеологические рефлексии в России в условия пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46644272_90853555.pdf
- Филипповская Т.В. Социализация экономики в условиях взаимовлияния экономической теории и социальных наук // Journal of New Economy. 2014. Т. 56. № 6. С. 22–27.

Фукидид. История. Л., 1981.

Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

Шаниро Дж. Трансатлантические отношения и коронавирус // Россия в глобальной политике. 2020. 23.03. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/transatlantica-i-koronavirus/>

Яценко О.Ю. Пандемия как глобальный вызов: социально-экономический и правовой тезаурус // Образование и право. 2020. № 4.

REFERENCES

1-ya konferenciya VOZ po infodemiologii [1st WHO Conference on Infodemiology] // Sajt Vsemirnoj organi-zacii zdravoohraneniya. 2020. 30 iyunya — 16 iyulya. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/events/detail/2020/06/30/default-calendar/1st-who-infodemiology-conference> (in Russian).

Ababkova M.Yu., Leont'eva V.L., Pokrovskaya N.N. Razvitie nejrokomunikacionnyh i kognitivnyh tekhnologij dlya szhatiya social'nogo prostranstva v momenty krizisnoj izolyacii [Development of neurocommunication and cognitive technologies for the compression of social space in moments of crisis isolation] // Vestnik Evrazijskoj nauki. 2020. T. 12. N 4. URL: <https://esj.today/PDF/38ECVN420.pdf> (in Russian).

Andrianov S.V., Arstangalieva Z.Zh., Chernyshkova E.V. Zdorov'esberezhenie pozhilyh lyudej kak problema sociologii mediciny (obzor) [Health saving of elderly people as a problem of sociology of medicine (review)] // Saratovskij nauchno-medicinskij zhurnal. 2014. T. 10. N 4 (in Russian).

Andrianova T.S. Zdorov'esberegayushchee povedenie [Health-saving behavior] // Obrazovanie i nauka bez granic: social'no-gumanitarnye nauki. 2017. N 7 (in Russian).

Bagreeva E.G., Mantarova A.I. Kriminologicheskij analiz i tendencii prestupnosti v period i posle pandemii v Rossijskoj Federacii i Respublike Bolgariya [Criminological analysis and crime trends during and after the pandemic in the Russian Federation and the Republic of Bulgaria] // Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. 2020. N 3 (in Russian).

Belaya kniga po nacional'noj oborone Kitaya v novuyu epohu [White Paper on China's National Defense in the New Era]. URL: <https://rg.ru/2020/06/09/kitaj-podelilsia-opytom-borby-s-covid-19-v-beloj-knige.html> (in Russian).

Chao Wang. To cope with a new coronavirus pandemic: how life may be changed forever // Chinese Journal of International Law. 2020. June. Vol. 19. Iss. 2. P. 221–228. URL: <https://academic.oup.com/chinesejil/article/19/2/221/5893654>

Daniel M. Tajnye tropy nositelej smerti [Secret paths of death bearers]. M., 1990. ISBN 5-01-002041-6 (in Russian).

Filippovskaya T.V. Socializaciya ekonomiki v usloviyah vzaimovliya-niya ekonomicheskoy teorii i social'nyh nauk [Socialization of the economy in the context of mutual influence of economic theory and social sciences] // Journal of New Economy. 2014. T. 56. N 6. S. 22–27 (in Russian).

Fukidid. Istoriya [Story]. L., 1981 (in Russian).

Gafiatulina N.H., Kas'yanov V.V., Samygin P.S., Samygin S.I. Rossijskoe obshchestvo v usloviyah samoizolyacii. Social'nye efekty i posledstviya pandemii COVID–19. Monografiya [Russian society in conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic. Monograph]. M., 2020 (in Russian).

Gobbs T. Leviathan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state] // Gobbs T. Sochineniya: V 2-h t. T. 2. M., 1991 (in Russian).

Hardt M., Negri A. Imperiya [Empire]. M., 2004 (in Russian).

<https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/345824/WHO-2019-nCoV-Post-COVID-19-condition-Clinical-case-definition-2021.1-eng.pdf> (in Russian).

<https://news.rambler.ru/gadgets/48230161-penzentsy-poprosili-otmenit-qr-kody-i-masochnyy-rezhim/> (in Russian).

<https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f3bbaa9a794767f04fdaa7> (in Russian).

<https://rg.ru/2021/10/07/voz-opublikovala-oficialnoe-opredelenie-postkovidnogo-sindroma.html> (in Russian).

<https://rg.ru/2022/03/02/reg-dfo/v-magadanskoj-oblasti-otmenili-vse-ogranicheniia-po-covid-19.html> (in Russian).

<https://ria.ru/20220303/qr-kod-1776270484.html> (in Russian).

<https://russian.rt.com/russia/news/971351-chuvashiya-otmena-qr> (in Russian).

https://saratov.aif.ru/health/v_saratovskoy-oblasti_ne_budut_otmenyat_masochnyy_rezhim (in Russian).

<https://tass.ru/obschestvo/13452493> (in Russian).

<https://tass.ru/obschestvo/13694483> (in Russian).

<https://trends.rbc.ru/trends/industry/6152cc769a794789079a2d40> (in Russian).

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347677/ (in Russian).

https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47533922_13085458.pdf (in Russian).

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47190361> (in Russian).

https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/14052020/156676?utm_source=CopyBuf (in Russian).

<https://www.m24.ru/news/medicina/22042021/162441> (in Russian).

Kašyanov V.V., Gafiatulina N.H., Samygin S.I. Osobennosti i problemy social'nogo povedeniya v usloviyah rezhima samoizolyacii rossijskogo naseleniya [Features and problems of social behavior in the conditions of the regime of self-isolation of the Russian population] // Gumanitarij Yuga Rossii. 2020. N 2. S. 51–63 (in Russian).

Konstituciya RF, prinyataya vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda [The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347677/ (data obrashcheniya: 11.03.2022) (in Russian).

Malineckij G.G. Riski, epidemii i obraz budushchego [Risks, epidemics and the image of the future] // Chelovek. 2020. T. 31. N 4. S. 57–82 (in Russian).

Malineckij G.G., Kul'ba V.V., Ahromeeva T.S., Toropygina S.A., Po-sashkov S.A. Kak ne okazat'sya v XVI veke [How not to be in the XVI century]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47533922_13085458.pdf (in Russian).

Obzor po otdeľnym voprosam sudebnoj praktiki, svyazannym s primeneniem zakonodatel'stva i mer po protivodejstviyu rasprostraneniyu na territorii Rossijskoj Federacii novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19) [An overview of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation]. URL: <https://www.vsrf.ru/files/28856/> (in Russian).

Papagrigorakis M.J., Yapijakis C., Synodinos P.N., Baziotopoulou-Valavani E. DNA examination of ancient dental pulp incriminates typhoid fever as a probable

cause of the Plague of Athens // International Journal of Infectious Diseases. 2006. Vol. 10. N 3. P. 206–214. doi:10.1016/j.ijid.2005.09.001. PMID 16412683

Poznanskij K.E. Mirovozzrenie, biologiya i medicina — ih vzaimo-svyaz' // Pedagogika i psihologiya v medicine: problemy, innovacii, dosti-zheniya. Sb. tr. I Mezhdunar. nauch. kongressa [Worldview, biology and medicine — their relationship // Pedagogy and psychology in medicine: problems, innovations, achievements. Sat. tr. I Intern. scientific congress]. M., 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47190361> (in Russian).

Ponomarenko V.A. Zdorov'esberezhenie kak otvet na vyzov vremeni [Health saving as a response to the challenge of time] // Mir psihologii. 2010. N 2 (in Russian).

Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha Rossijskoj Federacii ot 4 fevralya 2022 goda N 4 «O vnesenii izmenenij v sanitarno-epidemiologicheskie pravila SP 3.1.3597-20 "Profilaktika novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19)", utverzhdennye postanovleniem Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha Rossijskoj Federacii ot 22.05.2020 № 15» [Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of February 4, 2022 No. 4 "On Amendments to the Sanitary and Epidemiological Rules SP 3.1.3597-20 "Prevention of a Novel Coronavirus Infection (COVID-19)" approved by the Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 05/22/2020 N 15] (in Russian).

Sadykov D.I., Ahmet'yanova N.A. Rasprostranenie fejkovyh novostej vo vremya pandemii COVID-19 [Spread of fake news during the COVID-19 pandemic] // Colloquium-journal. 2020. N 8 (in Russian).

Semenkov V.E., Chernoiivanova A.S. Ideologicheskie refleksii v Ros-sii v usloviya pandemii koronavirusnoj infekcii (COVID-19) [Ideological reflections in Russia in the context of the coronavirus infection (COVID-19) pandemic]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46644272_90853555.pdf (in Russian).

Shapiro Dzh. Transatlanticheskie otnosheniya i koronavirus [Transatlantic Relations and Coronavirus] // Rossiya v global'noj politike. 2020. 23.03. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/transatlantica-i-koronavirus/> (in Russian).

Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka, prinyataya General'noj Assambleej OON 10 dekabrya 1948 goda [Universal Declaration of Human Rights, adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (in Russian).

Yacenko O.Yu. Pandemiya kak global'nyj vyzov: social'no-ekonomicheskij i pravovoj tezaurus [Pandemic as a global challenge: socio-economic and legal thesaurus] // Obrazovanie i pravo. 2020. N 4 (in Russian).

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-192-237

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИИ В РОССИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД ЕЕ ИСТОРИИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей социологического анализа религии в России в имперский период ее истории. Отечественная социологическая традиция изучения религии как социокультурного феномена и социального института, сложившаяся в этот период, имеет свой неповторимый и своеобразный облик. Она к настоящему моменту только начинает возрождаться в постсоветской России, и резко отличается от той традиции, которая имела место на Западе. В этом контексте обращение к трудам классиков русской религиозной, социально-политической мысли, к сожалению, незаслуженно забытых, является очень перспективным направлением современных социологических исследований.

При изучении данной проблемы автор делает акцент на исследовании работ представителей трех идеологических направлений русской религиозной и социально-политической мысли: консерватизма, либерализма и социализма, а также особенностях исторического развития российского общества и государства и тех событиях, которые оказали знаковое влияние на становление и развитие научного осмысления религии в России. К таким особенностям, автор, в частности, относит формирование «антисистемы» (системной целостности людей, негативно относящихся к своей Родине, ненавидящих свою собственную нацию, ее ценности и культуру, историю, традиционные религиозные, политические и социальные системы) в среде русской интеллигенции, бюрократии и части элиты русского общества, под определенным влиянием западничества, как следствие духовного раскола XVIII в., произошедшего в образованных слоях и элите русского общества.

При изучении особенностей осмысления религиозной проблематики представителем русского консерватизма автор статьи анализирует воззрения Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Ф.М. Достоевского, М.Н. Каткова, К.П. По-

* Продолжение. Начало см. в № 3, 4 за 2021 г., № 1 за 2022 г.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

бедоносцева, Л.А. Тихомирова. Он отмечает тот факт, что осмысление данной проблематики осуществлялось этими авторами со “славянофильских”, традиционалистских (почвеннических и охранительных) позиций, в контексте осмысления особенностей и своеобразия пути развития России, как центра восточно-христианской (православной) культуры, а также империи-правопреемницы православной Византии — защитницы Православия, Православной церкви и веры, православных народов, ценностей и культуры христианства, “удерживающей” мир от наступления зла и прихода власти антихриста.

Ключевые слова: религия, антисистема, консерватизм, славянофильство, неославянофильство, церковь, секты, византизм.

FEATURES OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF RELIGION IN RUSSIA DURING THE IMPERIAL PERIOD OF ITS HISTORY (CONTINUED)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

The article deals with the features of sociological analysis of religion in Russia during the imperial period of its history. The national sociological tradition of studying religion as a socio-cultural phenomenon and a social institution, which was developed during this period, had its own unique and peculiar appearance and was just begun to revive again in post-Soviet Russia, contrasts with the tradition that took place in the West. In this context, the appeal to unfortunately undeservedly forgotten works of classics of Russian religious and socio-political thought is very promising area of modern sociological research.

When studying this problem, the author emphasizes the study of the works of representatives of three ideological areas of Russian religious and socio-political thought: conservatism, liberalism and socialism, as well as the peculiarities of the historical development of Russian society and the state and those events that had a significant impact on the formation and development of scientific understanding of religion in Russia. Among such features, the author, in particular, refers to the formation of an “antisystem” (systemic integrity of people who take a dim view of their homeland, hate their own nation, its values and culture, history, traditional religious, political and social systems) among the Russian intelligentsia, bureaucracy and part of the elite of Russian society, under a certain influence of Westernism, as a consequence of the spiritual schism of the 18th century, which occurred in the educated strata and elite of Russian society.

When studying the features of understanding religious issues by representatives of Russian conservatism, the author of the article analyzes the views of N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontiev, F.M. Dostoevsky, M.N. Katkov, K.P. Pobedonostsev, L.A. Tikhomirov. He notes the fact that judgment of this perspective was carried out by these authors from “Slavophile”, traditionalist (pochvennichesky and guarding) positions, in the context of judgment of features and an originality of a way of development of Russia as the center of east Christian (orthodox) culture and also empires successors of orthodox Byzantium — defenders Pravoslaviya, Orthodox church and belief, the orthodox people, values and

the culture of Christianity “keeping” the world from approach of the evil and arrival of the power of Antichrist.

Key words: religion, antisystem, conservatism, Slavophilism, neo-Slavophilism, church, sects, byzantism.

При изучении воззрений представителей консервативного лагеря русской социально-политической мысли имперского периода отечественной истории, занимающихся осмыслением религиозной проблематики, следует отметить, что это осмысление осуществлялось этими авторами со “славянофильских” (неославянофильских) и традиционалистских (почвеннических и охранительных позиций), в чем-то перекликаясь с положениями официальной имперской идеологии. И это неудивительно, поскольку консерватизм (термин производный от лат. *conservare* — “сохранять”) представляет собой идейно-политические течения, идеологию, ориентацию и политические движения, направленные на защиту традиционных устоев жизнедеятельности общества; стабильность и устойчивость его религиозных, культурных, национальных, общественно-политических и государственных систем; сохранение традиционных ценностей (моральных обычаев, нравственных норм) и порядков¹.

Формирование традиционалистского направления консервативной идеологии в России, как и в Западной Европе, началось в конце XVIII — начале XIX в. Оно являлось естественной реакцией на кровавые события Великой Французской Революции, духовный кризис западноевропейской культуры, рационализм и антирелигиозную составляющую философии эпохи Просвещения, формирование идеологий прогрессизма, либерализма и социализма, а также на такие российские реалии, в том числе и на декабрьский мятеж 1825 г. и формирование антисистемы в среде русской интеллигенции, бюрократии и части элиты русского общества². Критически оценивая рационализм “просветителей” по поводу безграничных возможностей совершенствования и развития человеческого разума и человеческого рода, консерваторы-традиционалисты, являясь в большей части людьми религиозными, всячески подчёркивали несовершенство и греховность человеческой природы, естественное неравенство людей, значимость традиционного образа жизни и

¹ См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 319–320.

² См., подробнее: Елишев С.О. Молодежная политика религиозных сект и новобразований в российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 104–118; Он же. Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 247–250; Он же. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017. С. 67–78.

развития, а также религиозных и социально-политических систем. Естественно, они также критически относились и к пришедшим в Россию с секулярного Запада социалистическим и либеральным концепциям, а также к “западничеству”, воспринимая их, как непосредственные угрозы национальной, духовной, цивилизационной идентичности и безопасности России.

Русские консервативные мыслители, как и славянофилы, считали, что Россия имеет свой собственный, своеобразный, неповторимый облик и путь развития, в сохранении которого они усматривали дальнейший залог благополучия и процветания России. В их представлениях Россия воспринималась как центр восточно-христианской (православной) культуры и цивилизации, а также империя-правопреемница православной Византии, в функцию которой входила защита Православия, Православной церкви и веры, православных народов, ценностей и культуры христианства, “удерживание” мира от скатывания к злу с последующим приходом и наступлением власти антихриста.

В этом контексте, исторической миссией русского народа — державообразующего имперского народа, являлось не только сохранение своего национального своеобразия, неповторимого облика, пути развития и жизненного уклада, но, прежде всего, сохранение истинной православной веры, а также несение тяжкого, но почетного бремени созидания империи — Третьего Рима и Нового Израиля. Именно следование данному своему предназначению и делало русский народ, по мнению русских консерваторов, народом богоизбранным³ и народом-“богоносцем” в терминологии Ф.М. Достоевского⁴ и, в свою очередь, вызывало ненависть со стороны представителей антисистемы из социалистического и радикального либерального лагеря, а также критику со стороны других последователей “западничества”.

При этом, как уже было ранее отмечено, воззрения русских консерваторов в определенной степени перекликались, но не в полной мере дублировали официальную имперскую идеологию. Русские консервативные мыслители достаточно критично относились к наблюдаемым ими российским реалиям и формулировали предложения как по коррекции формулировок или модернизации содержания официальной имперской идеологии и политики, так и по разработке на базе прежней имперской идеологии новой стратегии

³ См., подробнее: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 480.

⁴ См., подробнее: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Бесы: Роман в 3 ч. Л., 1974. С. 196.

национального развития, получившие с лёгкой руки Ф.М. Достоевского, собирательное наименование “Русской идеи”.

Дискуссия по поводу национальной идеи России, Русской идеи стала одной из центральных в русском социально-политическом и религиозном дискурсе того времени, и прежде всего в консервативном лагере. Но несмотря на разницу в понимании формулировки и сущности Русской идеи, имевшей место между консервативными мыслителями, Россия, по мнению консерваторов, имела свой собственный полностью противоположный путь и цель развития, чем секулярная западно-европейская культура, поэтапно отходящая в своем развитии от основ христианского мировосприятия и жизнедеятельности и настроенная в целом весьма агрессивно по отношению к России и Православию. Сохранение своей цивилизационной, духовной и культурной идентичности, соборности, общинности и коллективизма в противовес секуляризму, материализму, безбожию, крайнему индивидуализму западноевропейцев, — вот одна из самых важных стратегических задач, стоящих, по мнению этих мыслителей, перед Россией (хотя не все из них, в отличие от славянофилов, негативно оценивали деятельность Петра I). Решить эту задачу можно было, всемерно поддерживая Православие, Православную Церковь, традиционные устои жизнедеятельности русского общества и государства, консолидируя все здоровые силы общества, добиваясь обретения внутреннего национального единства, преодолевая духовный кризис и раскол внутри российского общества между народом и частью его элиты.

Следует также отметить, что несмотря на попытки противников консерватизма дискредитировать его, представить, как синоним негативного отношения к идее развития, любым нововведениям и изменениям, подобного рода утверждения совершенно не соответствуют действительности. Будучи на страже традиционного социального порядка, консервативные мыслители, тем не менее, не отрицали огульно все новое и эволюционный путь развития. В первую очередь, они негативно относились к революционным преобразованиям и радикальным реформам, сопряженным с насильственной ломкой традиционных устоявшихся систем или слепым навязыванием зарубежных образцов и стандартов без учета традиций и национальной специфики. Консерватизм в целом и отличается критическим отношением к нововведениям, не способствующим сохранению и укреплению традиционных ценностей, строя и устоев.

В этом контексте, становится неудивительным интерес консервативных мыслителей к религиозной проблематике, поскольку

именно религия, на их взгляд, является тем духовным стержнем и основой, вокруг которых формируются национальная культура, традиции и образ жизни народа, общество, государственность, цивилизация.

Несомненной заслугой представителей русского консерватизма, и прежде всего *Николая Яковлевича Данилевского*, как одного из видных представителей неославянофильства и родоначальника цивилизационного подхода к процессу общественно-исторического развития, являлась разработка в рамках данного подхода первой полномасштабной теории цикличного развития человеческих обществ (теории культурно-исторических типов) с теоретическим обоснованием определяющей роли России в восточно-христианской великой культуре (цивилизации).

В своей фундаментальной работе “Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому” Н.Я. Данилевский критиковал привнесенную в российскую науку с Запада европоцентристскую, линейную и прогрессистскую периодизацию процесса исторического развития (с разбивкой по периодам развития по цепочке “Древний мир — Средневековье — Новое время — Новейшее время”). Он отрицал “единое, поступательное” развитие человеческого рода по прогрессивной линии, где за идеал брался исключительно западноевропейский путь развития. Обращаясь к проблематике общественно-исторического и политического развития, Н.Я. Данилевский предлагал рассматривать всемирный исторический процесс, как процесс рождения, развития, расцвета и угасания культурно-исторических типов, “так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного одним словом, исторического развития”⁵.

Культурно-исторические типы, они же “самобытные цивилизации”⁶, в его представлении, являют собой более обширные понятия, “нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает”⁷.

В своем развитии любой культурно-исторический тип (великая культура), состоящий из группы народов, проходит ряд состояний: от состояния этнографического (этап формирования нации и национального идеала) — к состоянию государственному; от го-

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 85.

⁶ См.: Там же. С. 88.

⁷ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 129.

сударственного состояния — к цивилизации (характеризующейся высокой степенью развития духовной и материальной культуры); от цивилизации — к апатии (апатии самодовольства или апатии отчаяния)⁸.

В историческом развитии человечества Н.Я. Данилевский выделил 10 культурно-исторических типов полностью или частично исчерпавших возможность своего исторического развития. Это: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилонско-финикийский; халдейский, или древнесемитический; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) новосемитический, или арабийский; 10) германо-романский, или европейский. Дополнительно им были отмечены “два американских типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития”⁹. Также он говорил о большом будущем “славянского” культурно-исторического типа, наиболее полно выраженного в русском народе. Помимо народностей (наций) в составе того или иного культурно-исторического типа или неудачно пытавшихся создать свой собственный культурно-исторический тип, существует большое количество народностей, не выполняющих ни положительной, ни отрицательной роли в истории, существующих лишь этнографически.

Каждый культурно-исторический тип, по мнению Н.Я. Данилевского, по своей природе самобытный и неповторимый, исторически самопроявляет себя в четырех формах деятельности: 1) деятельности религиозной; 2) деятельности культурной (теоретически — научной, эстетически-художественной; технически-промышленной); 3) деятельности политической; 4) деятельности общественно-экономической¹⁰. Религиозная деятельность, на взгляд Н.Я. Данилевского, “объемлющая собой отношения человека к Богу, — понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной, то есть, выражаясь более общими терминами: народное мировоззрение не как теоретическое, более или менее гадательное знание, во всяком случае, доступное только немногим, — а как твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека”¹¹.

В зависимости от проявления себя в этих видах деятельности, Н.Я. Данилевский условно разбивает выделенные им культурно-

⁸ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 92–106.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ См.: Там же. С. 471–472.

¹¹ Там же. С. 471.

исторические типы на несколько групп. Первую группу составляют *египетский, китайский, ассирийско-вавилонно-финикийский; халдейский, или древнесемитический; индийский и иранский* культурно-исторические типы. Н.Я. Данилевский именует их “первичными, или аутохтонными”, так как они полноценно не проявили себя ни в одной из обозначенных форм деятельности: “все было в них еще в смешении; религия, политика, культура, общественно-экономическая организация еще не выделились в особые категории деятельности”¹².

Вторую группу составляют *еврейский, греческий и римский* культурно-исторические типы, каждый из которых добился больших успехов в развитии одной из выделенных форм деятельности. Еврейский — в религиозной деятельности; греческий — в культурной деятельности; римский — в политической деятельности¹³.

К третьей группе относится *германо-романский, или европейский* культурно-исторический тип, который имел все предпосылки активно проявить себя во всех формах деятельности, но в силу ряда внутренних особенностей своего исторического развития, добившийся больших успехов только в политической и преимущественно научной и промышленной сферах культурной формы деятельности¹⁴.

К четвертой группе относится только “начинающий жить” *славянский* культурно-исторический тип, где основная роль принадлежит России и русскому народу. Славянский культурно-исторический тип представляет собой единственный культурно-исторический тип, который полно сочетает в себе все четыре формы деятельности¹⁵. В силу “молодости” и уникальности сочетания этих форм деятельности славянский культурно-исторический тип — ждет большое будущее.

При изучении особенностей развития славянского культурно-исторического типа, Н.Я. Данилевский особое внимание уделяет осмыслению роли и значения религии в процессе его развития. По его мнению, религия является своеобразным фундаментом, она “составляла самое существенное, господствующее (почти исключительно) содержание древней русской жизни, и в настоящее время в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей; и поистине нельзя не удивляться невежеству и дер-

¹² См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 472.

¹³ См.: Там же. С. 477.

¹⁴ См.: Там же. С. 478–479.

¹⁵ См.: Там же. С. 508.

зости тех, которые могли утверждать (в угоду своим фантазиям) религиозный индифферентизм русского народа. Со стороны объективной, фактической, русскому и большинству прочих славянских народов достался исторический жребий быть вместе с греками главными хранителями живого предания религиозной истины — православия и, таким образом, быть продолжателями великого дела, выпавшего на долю Израиля и Византии, — быть народами богоизбранными”¹⁶.

Таким образом, на взгляд Н.Я. Данилевского, историческая миссия богоизбранного русского народа, а также других православных богоизбранных народов славянского культурно-исторического типа состоит прежде всего в “охранительно-консервативной”¹⁷ религиозной деятельности, направленной на сохранение православия, как “живого предания религиозной истины”¹⁸ и последующей ее “передачи в неприкосновенной чистоте другим народам и грядущим поколениям”¹⁹.

Характер такого рода охранительной деятельности обусловлен как самим значением религии, которая представляет собой или “действительное откровение, или, по крайней мере, почитается таковым верующими”²⁰, так и целью религии — “быть твердой, незыблемой основой практической нравственности, сущность которой состоит не в ином чем, как в самоотверженности, в самопожертвовании, возможных лишь при полной достоверности тех начал, во имя которых они требуются”²¹.

В том случае, если религия представляет собой действительное “Откровение”, то последующее ее развитие, по мнению Н.Я. Данилевского, “может состоять в раскрытии истин, изначально в ней содержащихся, точнейшим их формулированием по поводу особого обращения внимания на ту или другую сторону, ту или другую часть религиозного учения в известное время”²². В этом контексте, отмечал Н.Я. Данилевский, например, “неправославный взгляд на церковь лишает само Откровение его достоверности и незыблемости в глазах придерживающихся его и тем разрушает в умах медленным, но неизбежным ходом логического развития самую сущность христианства, а без христианства нет и истинной цивилизации, то есть нет спасе-

¹⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 480.

¹⁷ См.: Там же. С. 481.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

ния и в мирском смысле этого слова”²³. Когда же “религия теряет свой откровенный характер, она обращается, смотря по взгляду на достоинство ее догматическо-нравственного содержания, — или в философскую систему, или в грубый предрассудок”²⁴.

При сравнении особенностей развития романо-германского и славянского культурно-исторических типов и осмыслении исторической роли церкви в процессе их жизнедеятельности, Н.Я. Данилевский отмечает существенные различия “между просветительными началами, исповедуемыми русским и большинством славянских народов, и теми, на которых основывается европейская цивилизация”²⁵. После отделения Западной церкви от Вселенской Православной Церкви, по ходу своего последующего развития, западная цивилизация “вследствие вольного и невольного искажения правильного понятия о церкви”²⁶, шаг за шагом отходила от основ христианского мировосприятия и жизнедеятельности, все более и более погружаясь в запущенный ею же самой процесс секуляризации. В результате в своем развитии цивилизация Запада поэтапно вступила в непримиримое противоречие “теоретического и практического, с обеими западными формами христианства, которые, однако же, как протестантская, так и католическая Европа отождествляет с самим христианством и потому тщится заменить его рационализмом, более или менее радикальным, в области убеждения, а в области практической старается устранить противоречие разрывом между государством и церковью, то есть между телом и духом; другими словами, хочет излечить болезнь смертью”²⁷. Сам же рационализм, имеющий различные формы проявления, начиная от деизма до преобладающего нигилизма, трансформируется из философского убеждения в своеобразную веру — веру “по преимуществу атеистическую, а следовательно, и с утилитарной точки зрения лишенную всякого этического значения”²⁸.

Как следствие этого, подчеркивал Н.Я. Данилевский, критикуя рационалистические, материалистические и позитивистские воззрения, получившие большое распространение в Западном мире и привнесённые оттуда в Россию, религия стала восприниматься в соответствии с ними, всего лишь как “суеверие, приличное векам мрака и невежества, не только лишнее в века просвещения и

²³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 218–219.

²⁴ Там же. С. 481.

²⁵ Там же. С. 217.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Там же. С. 217.

прогресса, но составляющее даже положительное препятствие для дальнейшего развития и преуспеяния”²⁹. По этой причине она потеряла на Западе “большую часть своего значения, так сказать, потеряла свой общественный характер, перестала быть *res publica*, удалившись вглубь внутренней семейной жизни”³⁰, и отошла, потеряв свое первенствующее значение, на задний план, стушевавшись “перед прочими интересами дня, волнующими европейское общество”³¹.

Совсем иные начала, начала духовно-религиозного характера, лежат в основе существования российского общества и славянского культурно-исторического типа. Православие, Православная вера и Православная церковь являются духовным стержнем, основой жизнедеятельности славянского культурно-исторического типа, России, русского народа и его государственности, как и их исторической судьбой и спасением³². Одаренные жаждою религиозной истины, русские и иные славянские народы являются по факту ее хранителями, что “доказывается как положительною, так и отрицательною стороною религиозной жизни России и Славянства”³³.

Н.Я. Данилевский отмечает “особый характер принятия христианства Россией, не путем подчинения высшей по культуре христианской народности, не путем политического преобладания над такую народностью, не путем деятельной религиозной пропаганды, а путем внутреннего недовольства, неудовлетворения язычеством и свободного искания истины”³⁴. В силу чего, в отличие от западно-европейцев, сам характер русских и славян, по его мнению, чуждый насилию и исполненный мягкости, почтительности и покорности, “имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом. С другой стороны, религиозные уклонения, болезни русского народа — раскол старообрядства и секты — указывают: первый — на настойчивую охранительность, не допускающую ни малейших перемен в самой внешности, в оболочке святыни; вторые же, особенно духоборство, — на способность к религиозно-философскому мышлению”³⁵.

Сохранение своих духовных и религиозных основ и устоев, поддержка православной веры и церкви, являлись первоочередными

²⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 129.

³⁰ Там же. С. 185.

³¹ Там же.

³² См.: Там же. С. 218.

³³ Там же. С. 482.

³⁴ Там же. С. 480.

³⁵ Там же. С. 480.

задачами стоящими перед российским обществом и государством, что в условиях распространения в России западничества (или “европейничанья”, как его именовал Н.Я. Данилевский) было особенно актуально. Россия, по Н.Я. Данилевскому, должна противодействовать проникновению, тлетворному влиянию, духовной и культурной экспансии Запада во внутреннюю жизнь российского общества, а также помочь обрести политическую независимость славянским православным народам с целью создания Славянского союза государств для укрепления политического единства славянского культурно-исторического типа и успешного противодействия постоянной враждебной и русофобской политики стран Запада.

Идеи Н.Я. Данилевского еще при его жизни были взяты на вооружение другим выдающимся русским консервативным мыслителем и публицистом — *Константином Николаевичем Леонтьевым*. В своих многочисленных статьях он, как и Н.Я. Данилевский, подвергал критике однолинейную схему общественного прогресса и его критерии, выстраивая свою собственную оригинальную концепцию трехстадийного циклического развития человеческих сообществ и культурно-исторических типов.

В соответствии с его историко-философской концепцией, все уровни онтологической системы, начиная с физического уровня и кончая метафизикой и религией, проходят в своем развитии три стадии-периода: 1) период “первичной простоты”; 2) период “цветущей сложности” 3) период “вторичного упрощения”.

Первая стадия (стадия “первичной простоты”) знаменует собой: “постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенную индивидуализацию, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой — от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений”³⁶.

Вторая стадия (стадия “цветущей сложности”) означает постепенный переход “от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством”³⁷.

³⁶ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 69.

³⁷ Там же.

Третья стадия (стадия “вторичного смесительного упрощения”) характеризуется “упрощением составных частей, уменьшением числа признаков, ослаблением единства, силы и вместе с тем смешением. Все постепенно понижается, мешается, сливается, а потом уже распадается и гибнет, переходя в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее”³⁸.

“При дальнейшем размышлении, — пишет К.Н. Леонтьев, — мы видим, что этот триединый процесс, свойственен не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, и всему существующему в пространстве и времени. Может быть, он свойственен и небесным телам, и истории развития их минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религии и, наконец, *в жизни племён, государственных организмов и целых культурных миров*”³⁹.

К.Н. Леонтьев разграничивает и отделяет понятие “развитие” и западноевропейское понимание “прогресса”, возвращая нас к античной трактовке данного термина. “Социальная наука едва родилась, а люди, пренебрегая опытом веков и примерами ими же теперь столь уважаемой природы, не хотят видеть, что между эгалитарно-либеральным поступательным движением и идеей развития нет ничего логически родственного, даже более: *эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития*. При последнем внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающие стремления. Прогресс же, борющейся против всякого деспотизма — сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т.п., *есть не что иное, как процесс разложения, процесс того вторичного упрощения целого и смешения составных частей, <...> процесс сглаживания морфологических очертаний, процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т.е. деспотически) свойственны общественному телу*”⁴⁰.

По мнению К.Н. Леонтьева, любое общество представляет собой единство восьми составляющих его “реальных сил” (социальных элементов), “действительных, несокрушимых потребностей человечества”⁴¹, совместно существующих “повсеместно и вечно”⁴².

³⁸ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 72.

³⁹ Там же. С. 73.

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ См.: Там же. С. 75.

⁴² См.: Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Избранное. С. 154.

“Реальные силы — это очень просто. Во всех государствах с самого начала исторической жизни и до сих пор оказались неизбежными некоторые социальные элементы, которые разнородными взаимодействиями своими, борьбой и соглашением, властью и подчинением определяют характер истории того или другого народа. Элементы эти, или вечные и вездесущие реальные силы, следующие: религия или Церковь с ее представителями; государь с войском и чиновниками; различные общины (города, села и т.п.); землевладение; подвижной капитал; труд и масса его представителей; наука с ее деятелями и учреждениями; искусство с его представителями. Вот они — эти главные реальные силы обществ”⁴³.

Особую роль среди этих реальных сил общества играет религия, о чем многие интеллектуалы почти забыли “в погоне за миражом прогресса”⁴⁴. На взгляд К.Н. Леонтьева, «религия в общественной жизни подобна сердцу в организме животном. Это *primum vivens, ultimum moriens* нации. Пока религия жива, все еще можно изменить и все спасти, ибо у нее на все есть ответы и на все утешения. А где нет утешений, там есть кара и принуждение, оправданные не притворными фразами “горькой необходимости” и т.п., а правом Божественным, вполне согласным с законами вещественной природы, ненавидящей равенство!»⁴⁵.

Религия придает смысл существования народу и обществу, являясь по факту цементирующим их духовным стержнем и “существенной основной чертой культурного обособления”⁴⁶. “Религия, преобладающая в каком-нибудь народе, — вот краеугольный камень охранения прочного и действительного. Когда веришь, тогда знаешь, во имя чего стесняешься и для чего (быть может, и с невольным ропотом нередко, но без гордого и явного протеста) переносишь лишения и страдания”⁴⁷.

И даже многие те, как подчеркивал К.Н. Леонтьев, кто “в глубине сердец своих в догматы своей народной религии не веруют, учению ее в своей личной жизни строго не следуют, гордятся все-таки ею как национальным знаменем, находят полезным поддерживать ее и для государственной дисциплины, и для национальной свое-

⁴³ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. С. 152–153.

⁴⁴ Леонтьев К.Н. Религия — краеугольный камень охранения // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010. С. 334.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 821.

⁴⁷ Леонтьев К.Н. Религия — краеугольный камень охранения. С. 328.

образности, и вдобавок еще нередко *любят* всей душой ее *формы*, обряды и т.д., потому что выросли на них и сроднились с ними”⁴⁸.

В то же время, в современном Западном мире, вступившем в своем развитии в стадию “вторичного смесительного упрощения”, религия играет лишь “второстепенную и служебную роль”⁴⁹, будучи почти везде “в презрении или открыто гонима”⁵⁰.

Каждый культурно-исторический тип, нация, общество и государство, по К.Н. Леонтьеву, имеют свою самобытную и неповторимую форму. Форма — есть “выражение идеи, заключенной в материи (содержании)”; “деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться”⁵¹. Развитие обозначенных субъектов ведет к неповторимости и усложнению их форм, их регресс и деградация — ведет к гибели: упрощению и потере своеобразия формы. Срок жизни государств и обществ хронологически ограничен: “Наибольшая долговечность государственных организмов, это 1000 или много 1200 с небольшим лет”⁵².

При этом, “развитие государства сопровождается постоянно выяснением, обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей общностью с окружающим”⁵³. “Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частности, от начала до конца”⁵⁴. Отказ от самобытности формы государства, общества, нации влечет за собой их гибель.

Западноевропейские государства и общества, да и в целом весь западноевропейский культурно-исторический тип вступили в своем развитии в стадию “вторичного смесительного упрощения”. “После цветущей и сложной эпохи, как только начинается процесс вторичного упрощения и смешения контуров, т.е. большее однообразие областей, смешение сословий, подвижность и шаткость властей, принижение религии, сходство воспитания и т.п., как только деспотизм формологического процесса слабеет, так, в смысле государственного блага, все прогрессисты становятся не правы в теории, хотя и торжествуют на практике. Они не правы в теории, ибо, думая исправлять, они разрушают; они торжествуют на практике; ибо идут легко по

⁴⁸ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского. С. 821.

⁴⁹ Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 791.

⁵⁰ Там же. С. 789.

⁵¹ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 75.

⁵² Там же. С. 84.

⁵³ Там же. С. 75.

⁵⁴ Там же. С. 80.

течению, стремятся по наклонной плоскости. Они торжествуют, они имеют огромный успех. Все охранители и друзья реакции правы, напротив, в теории, когда начнётся процесс вторичного упрости-тельного смещения, ибо они хотят лечить и укреплять организм. Не их вина, что они не надолго торжествуют; не их вина, что нация не имеет уже выносить дисциплину отвлеченной государственной идеи, скрытой в недрах ее!”⁵⁵.

Прогресс в его западноевропейском понимании (эгалитарный прогресс) ведет к упрощению и усреднению социальных форм жизнедеятельности. “Приемы — эгалитарного прогресса — сложны, цель груба, проста по мысли, по идеалу, по влиянию и т.п. — Цель всего — средний человек; буржуа спокойный среди миллионов таких же средних людей, тоже покойных”⁵⁶. Данный усредненный идеал, поднятый на щит либеральными западноевропейскими мыслителями, знаменующий собой торжество буржуазных порядков, в корне неприемлем для России, “славянского” культурно-исторического типа. Следствием его появления явилось и активное вхождение в жизнь западноевропейских и российского обществ, материализма, нигилизма, идеологий анархизма, коммунизма, социализма, либерализма, также базирующихся на этих постулатах. Такому прогрессу на российской почве всячески стоит противодействовать, ибо это может привести к революционным потрясениям.

Будущее России К.Н. Леонтьев связывает с охранительной тенденцией по сбережению своего религиозного, государственного, национального, культурного своеобразия и неповторимости. Это своеобразие фиксируется им в концепции “византизма”. В соответствии с ней, Россия и русский народ являются восприимчивыми и наследниками Византийской империи: по имперской форме государства, имперской идее и самодержавной форме правления; по религии — православному христианству (“с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов”⁵⁷); по праву — развитию особой национальной системы права, по культуре, нравственным, философским и художественным идеям⁵⁸. В этом контексте, как подчеркивал К.Н. Леонтьев, предназначение и миссия России (“по избранию Божию или (если угодно) по историческим сочетаниям”⁵⁹) состоит в том, чтобы стать главной, силь-

⁵⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 82–83.

⁵⁶ Там же. С. 95.

⁵⁷ Там же. С. 19.

⁵⁸ См.: Там же.

⁵⁹ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. С. 373.

ной и твердой “опорой Православию на всем земном шаре”⁶⁰. А для этого необходима консолидация всех здоровых сил общества с целью укрепления позиций России, как внешнего, так и внутреннего характера, защиты православной веры, Церкви от различного рода деструктивных и антисистемных проявлений, а также преодоления духовного кризиса, в котором оказалось русское общество и его интеллигенция, элита. Оформление антисистемного мировоззрения у части русской элиты и интеллигенции закономерно привело к тому, что они стали слишком либеральны и антинациональны, а ведь “народ *рано или поздно* везде идет за интеллигенцией”⁶¹, — констатировал исследователь.

Как отмечал К.Н. Леонтьев, “Если же сила России полезна для Церкви, то для верующего члена той же Церкви (хотя бы и временно, положим) должно быть если не дорого, то хоть сносно все то, что хотя бы косвенно и невольно охраняет Россию, все, что кладет препоны совокупности основных русских зол, именно: либерализму, безбожию, утилитарному мировоззрению, ложно понятому реализму воспитания и обучения... и т.д.”⁶².

По мнению К.Н. Леонтьева, следование принципу “византизма” является залогом успешного национального развития России. “Византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; <...> он есть сильнейшая анти-теза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства”⁶³. И в этом смысле он полная противоположность западноевропейской концепции эгалитарного прогресса. Изменение принципу “византизма” приведет к гибели России.

Следует также отметить, что продолжая разрабатывать идею Н.Я. Данилевского о создании Славянского Союза государств, К.Н. Леонтьев, в отличие от Н.Я. Данилевского не придерживается панславистских позиций. Он предлагает отвергнуть принцип объединения славянских народов на основании племенного принципа и, взять за основу объединения в Союз — принцип византизма (принадлежности к православию).

Федор Михайлович Достоевский, известный русский писатель, публицист и консервативный мыслитель в своем “Дневнике писателя”, в ряде статей и в своих литературных произведениях также

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. С. 373.

⁶² Там же. С. 375.

⁶³ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 19.

обращался к изучению религиозной проблематики. Он оказал значительное влияние на последующее развитие русской религиозной и социально-политической мысли.

Как один из видных представителей “почвенничества” — консервативного направления русской философской, религиозной и социально-политической мысли (родственного славянофильству, но и усматривавшего «определенный смысл <...> в некоторых идеях “западников”»⁶⁴, например в использовании достижений западной научной и технической мысли), Ф.М. Достоевский, констатировал наличие духовного кризиса в котором оказалось русское общество и, прежде всего, его элита и интеллигенция, занимающиеся низкопоклонством и коленопреклонением перед Западом, оторванные от своего народа и не знающие его. Описывая мировосприятие российской элиты и образованных слоев общества, Ф.М. Достоевский писал о том, что «мы, то есть все цивилизованные по-европейски русские, оторвались от почвы, чутье русское потеряли до того, что не верим в собственные русские силы, не верим в свои особенности, падаем ниц, как рабы, перед петровской Голландией, смеемся над словом “народные начала”, считаем его ретроградством, мистицизмом»⁶⁵.

С целью исправления данной ситуации мыслитель призывал элиту и интеллигенцию «вернуться к “своей почве”, к русским национальным началам»⁶⁶, к своим традиционным и духовным корням, “стать русскими во-первых и прежде всего”⁶⁷, т.е. “перестать презирать народ свой”⁶⁸. Подвергая критике, пришедшие к нам с Запада либеральные и социалистические идеи, распространение в элите и образованных слоях русского общества “западничества”, материализма, нигилизма, антисистемного мировоззрения и мировосприятия, революционных настроений, Ф.М. Достоевский говорил о необходимости возврата, воссоединения русского образованного общества и элиты со своим народом, своей “почвой”, возвращению к своим духовным и спасительным корням и истокам, т.е. к православию — традиционной для России и русского народа единственной спасительной вере.

⁶⁴ См.: *Перевезенцев С.В.* Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. М., 2018. С. 266.

⁶⁵ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 20. Статьи и заметки. 1862–1865. Л., 1980. С. 99.

⁶⁶ См.: *Перевезенцев С.В.* Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. С. 266.

⁶⁷ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя: В 2 т. Т. 2. М., 2011. С. 28.

⁶⁸ Там же.

В своих произведениях, затрагивающих в разной степени религиозную проблематику, Ф.М. Достоевский проводил мысль о том, что без религии, без веры в Бога, “без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо”⁶⁹. Религиозную веру не может заменить абстрактная “любовь к человечеству”, о которой говорят материалисты, атеисты, нигилисты, социалисты и либералы. По его мнению, «любовь к человечеству даже совсем невыносима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой. Те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, “любовью к человечеству”, те, говорю я, поднимают руки на самих же себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству»⁷⁰.

Следует отметить то, что несомненной заслугой Ф.М. Достоевского, в контексте осмысления национально-религиозной проблематики, является постановка им вопроса о “Русской идее” — национальном русском народном идеале, который должен быть положен в основу идеологии, новой стратегии последующего успешного национального развития и всей жизнедеятельности России. Как писал Ф.М. Достоевский: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле *лишь одна* и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которыми может быть жив человек, *лишь из нее одной вытекают*»⁷¹.

Высшей идеей русской нации, русского народа, на его взгляд, являются Православие и “Православное дело”, которое не может быть сведено исключительно к обрядовой церковности и религиозному фанатизму, как это хотят представить русофобы и ненавистники России и православия⁷². «Народ русский, — писал Ф.М. Достоевский, — в огромном большинстве своем — православен и живет идеей православия в полноте, хотя и не понимает эту идею ответчиво и научно. В *сущности* в народе нашем кроме этой “идеи” и нет никакой, и все из нее одной и исходит, по крайней мере, народ наш так хочет, всем сердцем своим и глубоким убеждением своим. Он именно хочет, чтоб все, что есть у него и что дают ему, из этой *лишь одной идеи и исходило*»⁷³.

⁶⁹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 598.

⁷⁰ Там же. С. 600–601.

⁷¹ Там же. С. 599.

⁷² См.: Там же. С. 479.

⁷³ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 2. С. 501–502.

Судьба России в народном понимании неотделима от судьбы “восточного христианства, то есть православия”⁷⁴, в чем именно и состоит “прогресс человеческий и всечеловечение человеческое, так именно понимаемое русским народом, ведущим все от Христа, воплощающим все будущее свое во Христе и во Христовой истине и не могущим и представить себя без Христа”⁷⁵. “В судьбах настоящих и в судьбах будущих православного христианства, — подчеркивал Ф.М. Достоевский, — в том заключена вся идея народа русского, в том его служение Христу и жажда подвига за Христа. Жажда эта истинная, великая и непереставаемая в народе нашем с древнейших времен, непрестанная, может быть, никогда, — и это чрезвычайно важный факт в характеристике народа нашего и государства нашего”⁷⁶.

По мнению Ф.М. Достоевского, «кроме исторической и текущей необходимости, русский человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может. Он всю землю свою, всю общность, всю Россию назвал христианством, “крестьянством”. Вникните в православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, — по крайней мере, это главное. В Европе давно уже и по праву смотрят на клерикализм и церковность с опасением: там они, особенно в иных местах, мешают течению живой жизни, всякому преуспеванию жизни, и, уж конечно, мешают самой религии. Но похоже ли наше тихое, смиренное православие на предрассудочный, мрачный, заговорный, пронырливый и жестокий клерикализм Европы? Как же может оно не быть близким народу? Народные стремления создаются всем народом, а не сочиняются в редакциях журналов: “Надо иль не надо”, а будет так, как есть в самом деле»⁷⁷.

В полемике со своими оппонентами — представителями анти-системы, социалистического и либерального лагеря, Ф.М. Достоевский, упрекал их в том, что они не проявляют объективности в оценке религиозного фактора, роли православия и Православной церкви в жизни русского общества и народа. Он отмечал, что его оппоненты принципиально, исходя из идеологических и пропагандистских целей, не хотят признавать идею православия, живущую в

⁷⁴ См.: Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. С. 614.

⁷⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. С. 480.

⁷⁶ Там же. С. 614.

⁷⁷ Там же. С. 510.

русском народе, указывают на греховные стороны народной жизни, “на предрассудки, на индифферентность будто бы народа к религии, а иные даже воображают, что русский народ просто-напросто атеист”⁷⁸. На взгляд Ф.М. Достоевского, противники православия и традиционных устоев жизнедеятельности русского народа не принимают и не воспринимают факт наличия у русского народа «высшей единительно-“церковной” идеи»⁷⁹, а также “неустанной жажды в народе русском, всегда в нем присущей, великого, всеобщего, все-народного, всебратского единения во имя Христово”⁸⁰.

Всенародная и Вселенская Православная Церковь является тем общественным идеалом к которому стремится русский народ. Именно в ней он обретет свое спасение, а в будущем принесет его и всему человечеству, при условии сохранения “самобытности нашего развития”⁸¹. Размышляя о миссии русского народа, народа-богоносца, Ф.М. Достоевский подчеркивал, что “главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот Божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои”⁸².

Для того чтобы реализовать данный посыл на практике, Ф.М. Достоевский считал необходимым преодолеть все нестроения и обрести единство внутри общества, сохраняя свои цивилизационную идентичность, традиционные устои жизнедеятельности и своеобразие пути развития. Только достигнув этого, можно претендовать на то, чтобы воплотить в жизнь Русскую идею и, тем самым спасти человечество.

При этом следует отметить, что впервые о “Русской идее” Ф.М. Достоевский упомянул в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 год», где он анализировал трагические последствия реформы Петра I (вызвавшие разъединение российской элиты и образованных слоев общества, увлеченных “западничеством”, с народом), которую русский народ не принял, так как “формы жизни, оставленные ему преобразованием, не согласовались ни с его духом, ни с его стремлениями, были ему не по мерке, не впору”⁸³. В своей

⁷⁸ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 2. С. 501.

⁷⁹ Там же. С. 502.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ См.: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 29. Кн. 1. Письма. 1869–1874. Л., 1986. С. 260.

⁸² Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. С. 109.

⁸³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 18. Статьи и заметки. 1845–1861. Л., 1978. С. 36.

статье Ф.М. Достоевский, отмечая, имеющиеся на его взгляд, положительные моменты в петровских преобразованиях (расширивших кругозор и то, “что через нее мы осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов”⁸⁴), призывал преодолеть данное разъединение, говорил о необходимости осуществить “примирение последователей реформы Петра с народным началом”⁸⁵, т.е. примирить “цивилизацию с народным началом”⁸⁶. “Обе стороны должны наконец понять друг друга, должны разъяснить все недоумения, которых накопилось между ними такое невероятное множество, и потом согласно и стройно общими силами двинуться в новый широкий и славный путь”⁸⁷.

Именно в этом аспекте, он впервые упомянул о Русской идее: “Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности”⁸⁸.

В другом своём произведении “Ряд статей о русской литературе” Ф.М. Достоевский писал о то, что “русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества. Характер русского народа до того не похож на характеры всех современных европейских народов, что европейцы до сих пор не понимают его и понимают в нем все наоборот”⁸⁹. На его взгляд в русском национальном характере, а соответственно и русском человеке есть способность “со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности. Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов; тотчас же соглашается, примиряет их в своей идее, находит им место в своем умозаключении и нередко открывает точку соединения и примирения в со-

⁸⁴ Там же. С. 36–37.

⁸⁵ См.: Там же. С. 37.

⁸⁶ См.: Там же.

⁸⁷ См.: Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. С. 54.

вершенно противоположных, сопернических идеях двух различных европейских наций, — в идеях, которые сами собою, у себя дома, еще до сих пор, к несчастью, не находят способа примириться между собою, а может быть, и никогда не примирятся. В то же самое время в русском человеке видна самая полная способность самой здоровой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствие всякого самовозвышения, вредящего свободе действия. Разумеется, мы говорим про русского человека вообще, собирательно, в смысле всей нации”⁹⁰.

В “Дневнике писателя” Ф.М. Достоевский в продолжение затронутой им темы обращается к анализу спора славянофилов и западников об исторической судьбе России и роли православия. При этом, он высказывает свои симпатии к славянофильским убеждениям, хотя и именует себя “не вполне славянофилом”⁹¹, что особенно заметно в контексте осмысления им деятельности Петра I. Отвергая весьма идеологизированную точку зрения “западников” на славянофильство, он констатировал, что “для весьма многих, чуть не для большинства даже самих славянофилов, славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим”⁹². Однако для самого Ф.М. Достоевского, “славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово”⁹³, “которое тот когда-либо слышал, и что это слово именно будет заветом общечеловеческого единения”⁹⁴.

Мыслитель подчеркивал, что несмотря на имеющиеся разногласия славянофилов и западников, их объединяет мысль о всемирном общечеловеческом единении, что на его взгляд и составляет суть русской национальной идеи⁹⁵.

В отличие от различных национальных идей европейских народов, Русская национальная идея исходит из глубины души русского народа, основываясь на соборном, духовно-нравственном, религиозном, терпимом и братском началах ему традиционно и

⁹⁰ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. С. 55.

⁹¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 2. С. 236.

⁹² Там же. С. 236.

⁹³ Там же. С. 236.

⁹⁴ Там же. С. 25.

⁹⁵ См.: Там же.

изначально присущих, чего нет у западноевропейцев, с их крайним индивидуализмом, секуляризмом, католицизмом, социально-экономическими и политическими представлениями и нетерпимостью. При анализе конфессиональной политики в Российской империи, он справедливо отмечал:

«Да и кто гнал у нас когда инородцев за их веру и даже за их иные “вероисповедные чувства” или даже просто за чувства, хотя бы и в самом широком смысле слова? Напротив, на этот счет у нас почти всегда бывало даже и очень слабенько, совсем, например, не так, как в иных просвещеннейших государствах Европы. Что же до вероисповедных чувств, то у нас и раскольников-то уж теперь почти никто не гонит, а не то что инородцев, и если было в последнее время несколько редких, совсем единичных, случаев преследования штундистов, то эти случаи тотчас же и резко осуждались всей нашей прессой. Кстати, уж не согласиться ли нам с иными германскими газетами, обвинявшими нас и обвиняющими даже теперь в том, что мы терзаем и преследуем наших остзейских немцев — за их веру и чувства!...»⁹⁶.

Ф.М. Достоевский неоднократно подчеркивал высокую духовную нравственность русского народа, критиковал католицизм, именуя его устами героя романа “Идиот” “верой нехристианской”, “даже хуже самого атеизма”⁹⁷ — полным антиподом православия с его гуманными началами, отсутствующими в католицизме. Как писал Ф.М. Достоевский в “Дневнике писателя”: “...если наш народ просвещен уже давно, приняв в свою суть Христа и его учение, то вместе с ним, с Христом, уж конечно, принял и *истинное* просвещение. При таком основном запасе просвещения науки Запада, конечно, обратятся для него лишь в истинное благодеяние. Христос не померкнет от них у нас, как на Западе, где, впрочем, не от наук он померк, как утверждают либералы же, а еще прежде наук, когда сама церковь западная исказила образ Христов, преобразившись из церкви в Римское государство и воплотив его вновь в виде папства. Да, на Западе воистину уже нет христианства и церкви, хотя и много еще есть христиан, да и никогда не исчезнут. Католичество воистину уже не христианство и переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое (а не вековое) нравоучение”⁹⁸.

⁹⁶ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. С. 509.

⁹⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 8. Идиот. Л., 1973. С. 450.

⁹⁸ См.: Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 2. С. 453.

Поэтому в будущем, по мнению Ф.М. Достоевского, “настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, — единение любви, *гарантированное* уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов”⁹⁹.

Для того, чтобы все его пожелания были реализованы на практике, Ф.М. Достоевский, помимо обретения национального единства и преодоления раскола между элитой, интеллигенцией и народом, предлагает приложить все усилия для того, чтобы защитить, оградить православие, православную церковь и нравственность от нападков различных антихристианских, антисистемных и деструктивных сил, бесов во всех проявлениях. И в этом охранительном призыве, он, безусловно, солидарен со всеми представителями русского консервативного лагеря.

Михаил Никифорович Катков, известный консервативный мыслитель и публицист, в своих многочисленных статьях также затрагивал различные аспекты религиозной проблематики. М.Н. Катков был одним из видных защитников официальной имперской идеологии, стержнем которой являлась Уваровская формула-триада “Православие. Самодержавие. Народность”. На страницах возглавляемых им изданий, М.Н. Катков выступал апологетом имперской самодержавной формы правления, православной веры и Православной церкви, традиционных ценностей и устоев жизнедеятельности русского общества, русского народа, затрагивал вопросы веротерпимости и свободы совести, церковно-конфессиональных отношений и внутренней жизни православной церкви, ситуацию со старообрядчеством, католицизмом и сектантством, проблему распространения нигилизма, материализма, антисистемного мировоззрения и мировосприятия.

При осмыслении вопросов, связанных со свободой совести и веротерпимостью, М.Н. Катков отмечал, что одной из основных задач цивилизованного государства является обеспечение “наибольшей законной свободы личности”¹⁰⁰. Соответственно, все физические лица — поданные и граждане государства “имеют право

⁹⁹ Достоевский Ф.М. *Дневник писателя*. В 2 т. Т. 2. С. 28–29.

¹⁰⁰ См.: Катков М.Н. В России есть национальная церковь // Катков М.Н. *Идеология охранительства*. М., 2009. С. 411.

на доброжелательство государственной власти и покровительство законов, и чем менее полагается между лицами разницы, чем более обеспечивается свобода каждого, тем лучше”¹⁰¹. Если же речь идет о юридических лицах — учреждениях, то правительство, в соответствии с законами логики и здравого смысла “может здравомысленно поддерживать, развивать и усиливать только свои национальные, а не чужие учреждения”¹⁰². Иными словами, заботясь о своих национальных учреждениях, государство “ни в каком случае не несет на себе обязанности давать силу и власть всяким другим религиозным учреждениям, не имеющим национального значения”¹⁰³.

В своей полемике с представителями либерального лагеря, высказывающимися исключительно о правах тех или иных субъектов общественной жизнедеятельности, но при этом часто забывающих об имеющихся у этих субъектов одновременно обязательствах в отношении близких, окружающих, государства, Церкви, народа, М.Н. Катков говорил о необходимости сохранения здравого смысла и недопустимости доведения ситуации до абсурда, смешения понятий.

“Предоставлять свободу и давать власть, — подчеркивал М.Н. Катков, — две разные вещи, которые между собой сталкиваются. Цивилизованное государство предоставляет лицам свободу совести и допускает в своих пределах разные свободно существующие религиозные общества. Но совсем иное дело — давать этим обществам власть, делать их существование обязательным. Это значило бы нарушать свободу лиц, и притом не в пользу государства, а в ущерб и подрыв ему. Стеснение личной свободы допускается здравомысленно лишь в делах какой-либо государственной необходимости, но здравый смысл отступит в смущении при виде действий вынуждения, совершаемых правительством во вред своему государству”¹⁰⁴.

На взгляд М.Н. Каткова: “Свобода, как религиозная, так и всякая другая, не значит давать оружие нашему врагу; свобода не значит отказываться от власти в пользу чужого деспотизма. Религиозная свобода не значит простирать терпимость до того, чтобы водворять у себя чужую нетерпимость”¹⁰⁵.

¹⁰¹ Катков М.Н. В России есть национальная церковь. С. 411.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 413.

¹⁰⁴ Там же. С. 411–412.

¹⁰⁵ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе (Римско-католическое исповедание) // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 446.

По принципиальному мнению М.Н. Каткова, “вопрос о религиозной свободе совести” не должен ставиться, “как вопрос расширения прав той или другой иноверческой секты”¹⁰⁶, а также предоставления поблажек “властолюбивым притязаниям чуждой Церкви, которая захотела бы пользоваться у нас правами господствующей Церкви, и даже большими”¹⁰⁷. В частности, М.Н. Катков иллюстрирует последнее свое утверждение соответствующим примером: “Мы не можем желать, чтобы в России был допущен папский нунций, который в качестве представителя чуждой власти стоял бы посредником между русской короной и ее католическими подданными. Этого мы не можем желать, но это вовсе не относится к религиозной свободе, хотя этого требует от нас его святейшество папа во имя религиозной свободы”¹⁰⁸.

И это все при том, подчеркивал М.Н. Катков, что в России “католикам нет ни малейшего стеснения; они имеют свою Церковь, свою иерархию и духовенство их во многих отношениях чуть ли не лучше поставлено, чем духовенство господствующей у нас Церкви. Католические подданные русской державы ничем не унижены пред православными, они могут быть и военачальниками, и градоначальниками. Стало быть, ни папа, ни католические подданные русской державы не имеют права жаловаться на нетерпимость к ним русского закона”¹⁰⁹. “Как католическая, так и другие признанные христианские Церкви пользуются у нас всеми правами и льготами, каких только могут они разумно желать”¹¹⁰.

Поэтому в вопросах осуществления вероисповедной политики, российское правительство должно руководствоваться, прежде всего, русскими национальными интересами и здравым смыслом. В силу этого, в частности, российское правительство отнюдь не должно в отношении инославных конфессий в России, “брать на себя обязанность блюсти <...> (их — *Прим. С.Е.*) чистоту, поддерживать господствующие в <...> (них — *Прим. С.Е.*) нормы, обеспечивать <...> (их — *Прим. С.Е.*) от внутренних ересей или принуждать принадлежащих к <...> (ним — *Прим. С.Е.*) людей строго покоряться <...> (их — *Прим. С.Е.*) чину”¹¹¹.

В этом контексте, М.Н. Катков высказывает достаточно большое количество претензий и замечаний к конфессиональной

¹⁰⁶ Там же. С. 447.

¹⁰⁷ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе... С. 446.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 446–447.

¹¹⁰ Там же. С. 447.

¹¹¹ Катков М.Н. В России есть национальная церковь. С. 413.

политике имперского правительства, которая “не была вполне национальной”¹¹² в деле защиты интересов и чаяний русского народа. “Образовавшаяся у нас система, — пишет мыслитель, — заключалась в том, чтобы правительственными мерами разобщать и, так сказать, казировать разнородные элементы, вошедшие в состав русского государства, развивать каждый из них правительственными способами не только по племенам, но и по религии. Мы распространяем магометанство между Киргизами, которые не хотят быть магометанами, мы воссоздаем, укрепляем и возводим в силу остатки ламаинства между бурятами, мы берем на себя обязанность блюсти дисциплину и чистоту всех сект и вероисповеданий. Известно также, что мы приобрели бессознательную склонность давать не только особое положение инородческим элементам, но и сообщать им преимущества над русской народностью и тем развивать в них не только стремление к отдельности, но и чувство гордости своею отдельностью; мы приобрели инстинктивную склонность унижать свою народность”¹¹³.

В результате чего, например, отмечает М.Н. Катков, “Ничего не может быть прискорбнее для христианского чувства и унижительнее для нашей цивилизации, как сведения, к сожалению, несомненно приходящие с нашего Востока, из бывшего царства Казанского, где христианство встречается с магометанством. Целые населения, спокойно зачисленные в графу христианских, оказываются весьма ревностными магометанами, и пред мечетью храм христианский поникает в бесилии. Магометанство посреди христианского народа возносится над христианством как сила нравственная и просветительная, и в то время как православные населения вокруг коснеют в невежестве, лишенные всякого нравственного воспитания, мечети становятся средоточием просвещения, и муллы усердно трудятся над образованием и нравственным возвышением паствы. Впервые, таким образом, доводится христианству видеть себя в положении слабейшего, имея за собой материальную силу”¹¹⁴.

Для исправления этих перегибов и недочетов при осуществлении своей конфессиональной политики российское государство должно приложить все усилия для защиты Русской Православной Церкви — национальной церкви русского народа. Как справедливо

¹¹² Катков М.Н. Ценность и однородность русского государства // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 77.

¹¹³ Катков М.Н. Ценность и однородность русского государства // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 77–78.

¹¹⁴ Катков М.Н. Гнет, тяготеющий над русской церковной жизнью // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 426.

писал М.Н. Катков о ее роли в истории России и русского народа: "...в России есть национальная Церковь. Русской следует называть нашу Церковь не потому, что она пользуется государственной привилегией, а потому, что она присутствовала при начале нашего исторического бытия, при рождении нашего государства. Как только можем мы запомнить себя, она уже светилась в нашей тьме и сопутствовала нам во всех превратностях исторической жизни. Она поддерживала и спасала нас; она проникала во все изгибы нашего существования и на все положила свое знамение. Все наши воспоминания связаны с ней, вся наша история исполнена ею"¹¹⁵. Констатируя тот факт, что "национальная Церковь в России есть Церковь Православная, и никакая иная не может быть русским национальным учреждением"¹¹⁶, М.Н. Катков, в то же время отмечал, что "из этого отнюдь не следует, чтобы люди, исповедующие веру, не признаваемую в качестве русской национальной, не могли быть русскими. Национальность в христианском мире есть дело светское и определяется не религией, а государством"¹¹⁷.

Союз Православной Церкви и государства является залогом успешного развития Российской империи, придает смысл ее существованию, легитимизирует самодержавную власть и правителя. Как подчеркивал М.Н. Катков: "Всякая власть от Бога, учит наша Церковь. Но Русскому Царю дано особое значение, отличающее его от других властителей мира. Он не только государь своей страны и вождь своего народа — он Богом поставленный блюститель и хранитель Православной Церкви, которая не знает над собой земного наместника Христа и отреклась от всякого действия, кроме духовного, предоставляя все заботы о своем земном благосостоянии и порядке освященному ею вождю великого православного народа. Русский царь есть более чем наследник своих предков: он наследник кесарей восточного Рима, строителей Церкви и ее Соборов, установивших самый Символ веры христианской. С падением Византии поднялась Москва и началось величие России. Вот где тайна той глубокой особенности, которую Россия отличается среди других народов мира"¹¹⁸.

В свою очередь российское государство, понимая важность и значение церкви для России и русского народа, должно, без каких-либо уступок кому-бы то ни было, защищать ее интересы, "охранять

¹¹⁵ Катков М.Н. В России есть национальная церковь. С. 412.

¹¹⁶ Там же. С. 414.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Катков М.Н. По поводу прибытия в Москву Государя и Государыни // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1882. М., 1898. С. 471.

честь, достоинство и величие нашей Церкви”¹¹⁹, “высоко держать знамя Церкви”¹²⁰, “ограждать ее, оберегать ее и от разбойника, и от татя, усиливать и улучшать положение ее служителей, чтоб они могли успешно и крепко пасти свою паству, не допускать совращения малолетних”¹²¹. А вот с этим, на взгляд М.Н. Каткова было множество проблем и недоработок, существенно ухудшающих духовное состояние русского народа.

По мнению М.Н. Каткова, церковь не должна превращаться в полицейское учреждение или бюрократический инструмент, иначе это скажется и уже во всю сказывается на ее внутренней и духовной жизни. Не приносит ей пользу и излишнее покровительство со стороны государства, так как “привилегия и опека только вредят ее чистоте, подавляют ее жизнь и подрывают ее внутреннюю силу. Только те заботы о ней хороши, которые клонятся к тому, чтобы в ней самой была жизнь и чтоб она по возможности обладала собственными средствами для поддержания своего достоинства и своих учреждений”¹²².

М.Н. Катков пишет, что к большому сожалению, значимая часть народа находится по отношению к церкви “в совершенно внешних к ней отношениях, чуждое всякого, хотя бы поверхностного разумения ее оснований, пребывая во тьме и коснея в грубейших суевериях”¹²³. Бюрократизация, формализм церковной и государственной жизни часто и закономерно приводят к той ситуации, когда “дело Церкви считается исполненным, если человек зачислен в метрике православным. Нет нужды, что многочисленные населения живут в полном отчуждении от Церкви, лишь бы только они оставались помеченными в графе православных и поддерживали внешнюю связь с ней, либо усердно откупались от нее, составляя статью дохода для надзирающих за их православием местных властей. Что в таком положении находились у нас дела, то ни для кого не тайна, и из этого положения они едва ли вышли и теперь. Дабы дела могли принять иной вид, надобно, чтоб изменились условия, в которых они находятся; надобно, чтобы Церковь оживилась и начала действовать в свойственном ей духе, а для этого надобно, чтобы система механизма дала место духовному началу свободы и жизни”¹²⁴.

¹¹⁹ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе... С. 453.

¹²⁰ Там же. С. 452.

¹²¹ Там же. С. 447.

¹²² Катков М.Н. В России есть национальная церковь. С. 413.

¹²³ Катков М.Н. Необходимость уничтожения касты в православном духовенстве // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 424.

¹²⁴ Там же.

В этом ключе среди насущных проблем внутрицерковной жизни он отмечает проблемы, связанные с необходимостью активизации приходской жизни на местах, предотвращения превращения духовенства в замкнутую касту с потомственным наследованием духовного звания и статуса, подготовкой кадров священнослужителей (поскольку очевидно, что “дух отрицания в соединении с умственной грубостью и невежеством зародился и развивается в воспитательных заведениях самого духовенства”¹²⁵), а также участия духовенства в народном просвещении и обучении.

М.Н. Катков достаточно большое количество своих работ посвятил изучению старообрядчества, а также осмыслению путей преодоления раскола в православии, которые он усматривал, прежде всего, в уравнивании единоверия с православием. По его глубокому убеждению, только “полным уравниванием единоверия с православием может быть нанесен решительный удар тому злу, которое живет в расколе и дает ему дух”¹²⁶. “Возвышение единоверия было бы, в сущности, ничем иным, как торжеством Церкви над расколом”¹²⁷.

Помимо этого, как и считал М.Н. Катков, правительство также может осуществлять и другие “самые плодотворным меры, внушаемые политической мудростью, меры, направленные к тому, чтоб облегчать сближение между раскольниками и православным обществом, то есть отыскивать и устранять все, что может этому сближению препятствовать. Вместо того, например, чтобы заводить специальные для раскольников школы, лучше устроить дело так, чтобы ничто не отпугивало их посылать своих детей в общие школы и чтобы там не заставляли детей их учиться тому, чему они еще не хотят учить”¹²⁸.

В то же время, как считал мыслитель, исследуя религиозную ситуацию в России, деятельность различных конфессий и сектантства, “государство не должно поощрять отпадений от Православной Церкви, — а поощрения могут быть не только прямые, но и косвенные, действующие издадека, и такими путями, которые, по-видимому, клонятся в противную сторону. Все, что ведет к ослаблению духа в Церкви, все, что роняет или унижает положение ее служителей, все, что умаляет ее участие в народном воспитании

¹²⁵ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе... С. 453.

¹²⁶ Катков М.Н. Причина происхождения Раскола и путь к его преодолению // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 445.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Катков М.Н. Веротерпимость, ее сущность и границы // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 439.

и образовании; а с другой стороны, всякого рода преимущества, нравственные или материальные, сознательно или бессознательно предоставляемые другим вероисповеданиям, — все это может очень сильно поощрять к отпадениям”¹²⁹. А значит — требует реакции от государства и здоровых сил общества, что становилось особенно актуальным в контексте распространения в России материалистических, антисистемных, нигилистских проявлений, которые М.Н. Катков справедливо именуется своего рода религией, — “религией нигилизма”¹³⁰, “религией отрицания”¹³¹, направленной прежде всего, на “православно-отрицательный” результат, принимаемый последователями такого рода религии, как псевдорелигиозный “догмат без всякого колебания и сомнения”¹³².

М.Н. Катков приводит исторические примеры религиозных культов, основанных на идее уничтожения и, сопоставляя их с проявлениями нигилистического антисистемного мировоззрения и мировосприятия, отмечает, что: “Приверженцы религиозных культов уничтожения имели свои вероучительные системы; у них были свои обетования. Маленький культ нашего нигилизма имеет также свое вероучение, свои догматы, и у него есть свои обетования. Учителя нигилизма находят в различных утопиях, с одной стороны, оправдание для своего культа, с другой — вспомогательное средство пропаганды. Но утопии имеют для них еще и другое, более существенное значение; утопии сами служат наилучшим орудием отрицания и разрушения”¹³³. На его взгляд, именно от такого рода деструктивной религии и практики должны совместными усилиями оградить Россию, Православную веру, Церковь, империю, русский и иные народы России совместные усилия всех здоровых сил общества.

Таким образом, подводя промежуточный итог в изучении особенностей осмысления религиозной проблематики представителями русского консерватизма (Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым, Ф.М. Достоевским, М.Н. Катковым), можно констатировать, что оно осуществлялось ими, как с “неославянофильских”, так и традиционалистских (почвеннических и охранительных) позиций. При этом, каждого из этих авторов характеризует собственный неповторимый

¹²⁹ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе... С. 452.

¹³⁰ См.: Катков М.Н. О нашем нигилизме. По поводу романа г. Тургенева // Катков М.Н. Идеология охранительства. С. 652.

¹³¹ См.: Там же. С. 654.

¹³² См.: Там же.

¹³³ Там же. С. 658.

подход к осмыслению данной проблематики, актуализирующий необходимость дальнейшего изучения богатого наследия русской религиозной и социально-политической мысли, и в значительной степени, консервативного направления, что и будет продолжено в дальнейшем.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.
Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 2. М., 2011.
Елишев С.О. Молодежная политика религиозных сект и новообразований в российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 104–118.
Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
Катков М.Н. По поводу прибытия в Москву Государя и Государыни // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1882. М., 1898.
Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009.
Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.
Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010.
Перевезенцев С.В. Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. М., 2018.
Река Времен. Книга истории и культуры: Альманах. В 5 кн. Кн. 1. М., 1995.
Смирнов М.Ю. Очерк истории российской социологии религии: Уч. пособ. СПб., 2008.

REFERENCES

- Danilevskij N.Ya.* Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. M., 1991 (in Russian).
Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]: V 30 t. L., 1972–1990 (in Russian).
Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya [Writer's Diary]: V 2 t. T. 2. M., 2011 (in Russian).
Elishev S.O. Molodezhnaya politika religioznykh sekt i novoobrazovaniy v rossijskoj Federatsii [Youth policy of religious sects and neoplasms in the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2013. N 4. S. 104–118 (in Russian).
Elishev S.O. O sushhnosti “sovremennykh revolyutsij” i gosudarstvennykh perevorotov [On the essence of “modern revolutions” and state coups]. M., 2017 (in Russian).
Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Politics. Basic concepts]. M., 2018 (in Russian).
Katkov M.N. Po povodu pribytiya v Moskvu Gosudarya i Gosudaryni [Concerning the arrival of the Sovereign and Empress in Moscow] // Sobranie peredovykh statej Moskovskikh vedomostej. 1882. M., 1898 (in Russian).

Katkov M.N. Ideologiya okhranitel'stva [The ideology of protection]. M., 2009 (in Russian).

Leont'ev K.N. Izbrannoe [Favorites]. M., 1993 (in Russian).

Leont'ev K.N. Slavyanofil'stvo i gryadushhie sud'by Rossii [Slavophilism and the future fate of Russia]. M., 2010 (in Russian).

Perevezentsev S.V. Russkaya istoriya: s drevnejshikh vremen do nachala XXI veka [Russian history: from ancient times to the beginning of the XXI century]. M., 2018 (in Russian).

Smirnov M.Yu. Ocherk istorii rossijskoj sotsiologii religii [Essay on the history of Russian sociology of religion]: Uch. posob. SPb., 2008 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-238-265

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ COVID-2019 В КИТАЕ

Ань Энъжуй, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье представлены результаты описательно-аналитического исследования научных работ китайских авторов, посвященных социальным последствиям COVID-2019 в Китае. Используя методы контент-анализа, классификации и систематизации, автор статьи выявил роль пандемии COVID-2019 в китайском обществе, определил основные направления исследования ее влияния в социологической науке. В результате исследования было выявлено, что социальное влияние пандемии COVID-2019 сводится к формированию общества рисков нового типа, изменениям в социальных сферах образования и здравоохранения, социально-психическом состоянии китайского общества, формированию новых социальных трендов в потреблении, обострению проблемы безработицы в стране, трансформации ценностей студенческой молодежи, а также увеличению разрыва в социальном благополучии сельских и городских территорий. Выявленные социальные последствия COVID-2019 являются основой для последующей разработки социальной политики по социально-экономическому восстановлению страны в постпандемический период.

Ключевые слова: пандемия, COVID-2019, социальные последствия, общество, Китай.

SOCIAL IMPACTS OF COVID-2019 IN CHINA

Annie Enrui, PhD student, Department of contemporary sociology, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky gory, 1/33, Moscow, Russian Federation, e-mail: enrui8585@gmail.com

The article presents the results of a descriptive and analytical study of scientific works by Chinese authors on the social consequences of COVID-2019 in China. Using the methods of content analysis, classification and systematization, the author of the article identified the role of the COVID-2019 pandemic in Chinese society, identified the main directions for studying its impact in sociological science. As a result of the study, it was revealed that the social impact of the COVID-2019 pandemic is reduced to the formation of a new type of risk society, changes in the social spheres of education and healthcare, the socio-psychological state of Chinese society, the formation of new social trends in consumption, the aggravation of the unemployment problem in the country,

* **Ань Энъжуй**, e-mail: enrui8585@gmail.com

the transformation values of student youth, as well as an increase in the gap in the social well-being of rural and urban areas. The identified social consequences of COVID-2019 serve as the basis for the subsequent development of a social policy for the socio-economic recovery of the country in the post-pandemic period.

Key words: *pandemic, COVID-2019, social consequences, society, China.*

1. Введение

Пандемия COVID-2019 берет свои истоки из китайского города Ухань, расположенного в провинции Хубэй, где в конце 2019 г. была обнаружена коронавирусная инфекция нового типа, за несколько месяцев распространившаяся по всему миру. Эпидемии и пандемии всегда играли важную роль в обществе и COVID-2019 не первый случай в истории человечества. Наряду с войной и голодом инфекционные заболевания были основной причиной смерти и инвалидности в развивающихся странах на протяжении всей истории человечества. В то же время пандемии вызывали не только общественные потрясения, но и способствовали социальному развитию разных сфер, включая здравоохранение, социальное обеспечение, образование и др. В связи с этим изучение социальных последствий COVID-2019 в Китае позволит выявить, как оценивают влияние пандемии на общество китайские ученые, поэтому оно представляет определенный научный интерес и является актуальным.

В крупнейшей базе научных статей и диссертаций Китая CNKI (Чжунго Чживан) по состоянию на 8 января 2022 г. было обнаружено 592 научные работы, посвященные изучению пандемии в рамках социологической науки. Среди них 272 статьи были опубликованы в 2020 г. и 318 статей — в 2021 г., что свидетельствует о растущем интересе китайских ученых к изучению влияния новой коронавирусной инфекции на общество. В рамках настоящего исследования мы подробно изучили результаты текущих исследований социальных последствий COVID-2019 в работах китайских ученых, на основе чего была сделана систематизация работ по исследуемым аспектам влияния пандемии на общество КНР и определены перспективы дальнейших исследований. Статья носит теоретико-аналитический характер, а результаты исследования, проведенного в ней, позволяют оценить степень изученности социальных последствий COVID-2019 в Китае и могут быть использованы учеными-социологами. Новизна статьи определяется тем, что автором было привлечено множество работ китайских исследователей, которые неизвестны российским социологам, анализ которых позволил сформировать определенную теоретическую ценность исследования.

2. Методология исследования

Методология исследования основывается на применении методов контент-анализа, абстрагирования, классификации и систематизации.

Выборка исследуемого материала составила 592 статьи и научные работы, которые были обнаружены по поисковому запросу “последствия пандемии” в базе *CNKI* с использованием инструмента расширенного поиска и установления фильтра “социологические науки”. Мы исключили из выборки четыре работы, которые были посвящены эпидемии 2003 г. и ее социальным последствиям, используя фильтр “исследования за период 2020–2021 гг.” Вошедшие в выборку статьи были изучены, описана ключевая идея каждой из них, кратко определено, как оценивает автор статьи влияние пандемии на общество Китая.

Полученные результаты были классифицированы и систематизированы автором настоящего исследования для того, чтобы достичь цели определения социальных последствий COVID-2019.

3. Результаты исследования

3.1. Формирование общества риска нового типа в условиях пандемии

В работах ряда авторов, которые в качестве основы исследования используют концептуальные положения теории общества риска, поднимается проблема формирования общества риска нового типа после развития пандемии в Китае и в мире¹.

Лю Чэнбинь, Хуан Нин в своей статье отмечают, что в этой теории основным риском выступал технологический, однако, современное общество сталкивается с риском пандемии, а также с рядом вторичных рисков. При этом в отличие от технологического риска данные риски значительно отличаются от технологических, поскольку распространение пандемии нельзя контролировать также эффективно, как возникновение сбоев технического характера. В Китае была использована политика закрытых городов и строгих карантинных мер для предотвращения риска распространения пан-

¹ Гун Вейбинь. Характеристики социальных рисков в современном Китае: на примере пандемии и борьбы с ней // Социологическое обозрение. 2020. № 8 (02). С. 21–27; Лю Чэнбинь, Хуан Нин. Новое измерение общества риска: теоретическая перспектива новой эпидемии коронарной пневмонии // Журнал социальных наук Цзилиньского университета. 2020. № 60 (06). С. 106–116; Вэнь Цзюнь. Перед лицом пандемии: общественное управление, профилактика и контроль эпидемий в обществе риска // Журнал педагогического университета Ханчжоу (издание по социальным наукам). 2020. № 42 (02). С. 3–11.

демии. Это потребовало остановки привычной социальной деятельности людей и внесло определенные изменения в общественный порядок.

Вэнь Цзюнь обнаруживает, что развитие знаний, правовой системы и технологий приносит все больше угроз для общества, заставляя людей впадать в состояние значительной неопределенности. Современность, ядром которой является процесс модернизации, подобна обоюдоострому мечу, который позволяет человеку стать самым большим фактором неопределенности — источником риска, технически контролируя неопределенности, определяющие его собственную судьбу.

Социальные последствия пандемии в этих работах определяют как формирование новых угроз и рисков для общества, ведущих к ряду коренных преобразований в нем, которые влияют на привычный социальных порядок.

3.2. Социальное влияние пандемии на процессы, происходящие в обществе (урбанизация, социальная мобильность)

В обществе пандемия привела к изменениям в социальных процессах, включающих процессы перемещения населения из одного населенного пункта в другой, а также из сельских территорий в города.

В статье Ян Чэнь, Вэнь Чэн и Сюй Сяоке² было определено, что последствием пандемии выступила трансформация социальной мобильности. При этом изменения мобильности различаются в зависимости от этнического района и на северо-востоке страны являются менее выраженными, чем в южных районах. Изменение социальной мобильности сводится к снижению потоков мигрирующего населения на дальние расстояния, увеличению активности перемещения в пределах провинций.

Ван Чжэн, Фань Хун³ провели причинно-следственный анализ развития COVID-19, сконцентрировав свое внимание на эмпирическом объекте — провинции Хубэй (примечание: очаг распространения пандемии г. Ухань является административным центром данной провинции). Исследователи рассматривают преимущественно

² Ян Чэнь, Вэнь Чэн, Сюй Сяоке. Влияние новой коронавирусной инфекции на мобильность населения в этнических районах // Университет электронных наук и технологий Китая. 2021. № 50 (06). С. 938–946.

³ Ван Чжэн, Фань Хун. Временной и пространственный кластерный анализ и социально-экономические факторы, влияющие на эпидемию COVID-19 в провинции Хубэй // Журнал Уханьского университета (Engineering Edition). 2021. № 54 (09). С. 866–873.

факторы, которые способствовали распространению пандемии, включая высокую мобильность населения, в том числе международную. Что касается непосредственного влияния пандемии на общество, здесь исследователи отмечают такие аспекты, как снижение интенсивности городских поездок (как следствие закрытия городов и ограничения транспортного движения). Развивая мысль авторов, можно отметить, что снижение транспортного потока в городах привело к сокращению объемов выбросов в атмосферу CO₂, а это оказало благоприятное воздействие на состояние воздуха и частично привело к улучшению условий окружающей среды.

3.3. Влияние пандемии на общество в аспекте социальной психологии

Профессор Китайского университета Жэньминь Ю Гуолян в интервью отметил, что пандемия привела к проблемам социальных эмоций, выражаемых в общественном взаимодействии людей⁴. Пандемия как крупный социальный жизненный кризис оказала сильное влияние на социальное настроение. На фоне роста стресса, вызванного учебой и работой, разрыва между богатыми и бедными, возросло количество социально-психических расстройств, в частности случаев депрессии.

Пандемия привела как к эмоциональным проблемам (депрессия, чувство тревоги), так и к социальным нарушениям, включающим снижение обучаемости и работоспособности, изменения в социальных отношениях. В результате исследования адаптации студентов к социальной среде постпандемического университетского кампуса Лю Цзин, Ван Мин, Сунь Циву⁵ делают вывод о снижении уровня воспринимаемой социальной поддержки.

В исследовании Се Дундун, Ян Инь, Чэн Линьцзин⁶ был проведен эмпирический анализ влияния карантинных мер домашней изоляции на социально-психическое состояние индивидов. Сделан вывод, что в условиях карантина происходит обострение проблем психического здоровья изолируемых.

⁴ Лу Цяньвэнь. Влияние пандемии на социальные эмоции: перспективы служб охраны психического здоровья: эксклюзивное интервью с Ю Гуоляном, профессором и научным руководителем Китайского университета Жэньминь // Общественные науки Хэйлунцзяна. 2020. № 5. С. 72–78.

⁵ Лю Цзин, Ван Мин, Сунь Циву. Факторы, влияющие на адаптацию студентов после возвращения в университет в постпандемическую эпоху // Китайский журнал клинической психологии. 2021. № 29 (06). С. 1337–1342.

⁶ Се Дундун, Ян Инь, Чэн Линьцзин. Влияние домашней изоляции и физических упражнений на психическое здоровье во время пандемии // Китайский журнал клинической психологии. 2021. № 29 (06). С. 1343–1347.

3.4. Исследования влияния пандемии на общество Китая в русле экономической социологии

Влияние на социальное потребление. Исследователи Китайской социологической академии в Пекине Ли Люин и Ву Цзятэн⁷ на основе эмпирического изучения домохозяйств и влияния на их потребительское поведение новой коронавирусной инфекции показали, что в условиях пандемии произошло снижение готовности жителей Китая к потреблению, что обусловлено снижением ожидаемого дохода, мотивом предупреждающего сбережения индивидов и формированием тенденции к рациональному потреблению.

Исследователи из Хубэйского экономического университета отмечают, что пандемия оказала влияние на модель и психологию потребления всех социальных слоев⁸. В их статье объектом эмпирического исследования влияния новой коронавирусной инфекции на модель поведения выступила социальная группа студентов Университета экономики Хубэй. Исследователи отмечают, что в особый период изоляция людей по всей стране в домашних условиях сделала невозможным полное удовлетворение некоторых потребностей, в разной степени изменилась и потребительская психология всех социальных слоев. Они полагают, что изучение потребительской психологии и вытекающего из нее потребительского поведения является весьма эффективным и уникальным каналом анализа ситуации общественного развития и направленности социального поведения индивидов. Студенты имеют собственную потребительскую психологию, отличную от других социальных групп, уделяя большее внимание получению удовольствия от покупок, новизне продуктов и формируя будущую потребительскую цивилизацию. В условиях пандемии ряд потребительских привычек студентов меняется, значительно увеличивается доля онлайн-покупок, в частности в сфере общественного питания, что формирует определенный тренд в развитии современного общества.

Влияние пандемии на проблему занятости и безработицы в китайском обществе. Сюй Мин и Чэнь Сицзе⁹, используя контент-анализ выступлений политических деятелей, делают вывод, что пандемия

⁷ Ли Люин, Ву Цзятэн. Влияние пандемии на потребительское поведение жителей и механизм его формирования // Экономика потребления. 2020. № 36 (03). С. 19–26.

⁸ Лю Пейтин, У Хао, Сюн Чжанлун, Цяо Цзивэй. Анализ психологии потребления студентов колледжей, выбирающих методы питания в условиях пандемии // Китайский рынок. 2021. № 35. С. 120–121.

⁹ Сюй Мин, Чэнь Сицзе. Исследование политики занятости молодежи под влиянием эпидемии коронавируса: на основе анализа текстов политических мер на уровне провинций // Население и экономика. 2020. № 1. С. 2–9.

оказала важное влияние на проблему занятости населения. Выявлено, что слово “занятость” в 2020–2021 гг. стало употребляться в отчетах о работе правительства чаще, чем в предыдущие годы.

Научные сотрудники Китайской академии труда и социального обеспечения Чжан Син и Тянь Дачжоу¹⁰ показали, что пандемия способствовала обострению социальной проблемы безработицы в китайском обществе.

Ван Пинцзе¹¹ в своей статье подробно рассматривает вопрос влияния пандемии на общество в трех измерениях: сфера услуг, обрабатывающая промышленность и жизнь отдельных людей. Обобщая выводы исследователя, можно отметить, что вне зависимости от сферы его трудовой деятельности каждый человек испытал на себе влияние пандемии, выразившееся в сокращении доходов, увольнениях, что привело к снижению благосостояния людей. Возникновение пандемии повлекло изменения в ценностях и социальных взглядах. Тем не менее, пандемия привела не только к отрицательным, но и к положительным последствиям, среди которых Ван Пинцзе выделяет повышение сплоченности людей, организационного потенциала на низовом уровне и способности правительства справляться с чрезвычайными ситуациями.

Исследователи из Фуданьского университета Шэнь Гобин, Сюй Юаньхань, Юань Чжэньюй¹² сделали вывод о том, что пандемия привела к неблагоприятному воздействию на безработицу в Китае. До вспышки новой коронавирусной инфекции общий уровень безработицы в Китае был стабильным, имея тенденцию к сокращению. Но в условиях распространения пандемии, произошел рост безработицы в мегаполисах и центральных городах страны.

В статье Ван Чжэнь¹³ показано, что социальные последствия пандемии COVID-2019 и эпидемии атипичной пневмонии SARS 2003 различаются по причине глубоких изменений в структуре и модели занятости. В последние годы сфера услуг стала основной сферой занятости, но характер высокой зависимости от концентрации и мобильности населения почти остановил ее работу в связи с пандемией. Кроме этого, структура городского занятого населения в Китае в по-

¹⁰ Чжан Син, Тянь Дачжоу. Влияние пандемии на социальное страхование и меры противодействия // Китайский труд. 2020. № 1. С. 39–48.

¹¹ Ван Пинцзе. Влияние эпидемии на общество и новые возможности для развития полиграфической отрасли // Менеджер по печати. 2020. № 2. С. 42–43.

¹² Шэнь Гобин, Сюй Юаньхань, Юань Чжэньюй. Анализ воздействия и механизма глобального распространения пандемии на занятость в Китае // Исследование экономических проблем. 2021. № 12. С. 1–12.

¹³ Ван Чжэнь. Защита занятости и социальное обеспечение в условиях пандемии // Экономика. 2020. № 3. С. 7–15.

следние 20 лет претерпела значительные изменения и ее основным компонентом стало мобильное сельское население трудящихся-мигрантов. В рамках этой “фрагментированной” институциональной структуры большое количество трудящихся-мигрантов, начавших работать в городах, не охвачены городской системой социального страхования, хотя они работают и живут в городских районах, и большое число трудящихся-мигрантов подвергается различным социальным воздействиям. Тем самым, новая пандемия выявила глубоко укоренившиеся проблемы в системах защиты занятости и социального обеспечения Китая и в долгосрочной перспективе эти вопросы определяют направления реформирования социальной политики.

3.5. Влияние пандемии на социальные сферы образования и здравоохранения в Китае

Влияние пандемии на сферу образования китайского общества было изучено в статье Чжан Тао и Ли Цзиньпин¹⁴, которые посвятили особое внимание вопросу трансформации роли онлайн-обучения на фоне распространения коронавирусной инфекции. Онлайн-обучение во время пандемии впервые достигло охвата всех дисциплин и всех академических этапов в общенациональном масштабе.

Группа исследователей из Северо-китайского электроэнергетического университета¹⁵ в своей статье сконцентрировала внимание на проблемах интернационализации образования в условиях пандемии, остановившись подробнее на проблеме студенческой мобильности. По их мнению, новая коронавирусная инфекция привела к тому, что обучение иностранных студентов в китайских вузах сталкивается с внешним воздействием волны антиглобализма и рядом внутренних проблем. Из-за закрытия границ въезд иностранных студентов в Китай был ограничен, многие студенты перешли на онлайн-обучение или выбрали отсрочку начала учебы. Отсутствие возможности обучаться в Китае снизило его привлекательность для иностранных студентов, что привело к замедлению процессов интернационализации высшего образования.

Одними из наиболее значимых последствий распространения пандемии выступили изменения в области социального здраво-

¹⁴ Чжан Тао, Ли Цзиньпин. Анализ факторов, влияющих на онлайн-обучение в колледжах и университетах на фоне эпидемии коронавируса // Образование в Хэйлунцзяне (теория и практика). 2021. № 12. С. 54–55.

¹⁵ Гоу Ши, Оуян Кайю, Чжао Чжиминь, Дун Юру, Фань Хундэ. Исследование политики образования и управления иностранных студентов в колледжах и университетах под влиянием пандемии // Руководство по экономическим исследованиям. 2021. № 35. С. 102–105.

охранения. Лю Чживэй¹⁶ отмечает, что новая эпидемия выявила низкий иммунитет китайцев и отсутствие знаний, осведомленности и методов повышения иммунитета, создав огромные проблемы для системы управления общественным здравоохранением и выявив недостатки в профилактике и борьбе с эпидемиями. Стремительное распространение COVID-2019 выступает свидетельством того, что существующий механизм раннего предупреждения возникающих инфекционных заболеваний действует неэффективно.

3.6. Влияние пандемии на трансформацию ценностей и качество жизни студенческой молодежи

Профессор Уханьского инженерного университета Чжан Цзе¹⁷ особое внимание сосредоточил на влиянии пандемии на социальную группу студентов высшей школы. В результате эмпирического исследования был сделан вывод, что влияние коронавирусной эпидемии отразилось на следующих аспектах жизни студенческой молодежи:

- улучшение осведомленности студентов о концепции здоровья и понимание важности социальной устойчивости как особого компонента здоровья человека;
- снижение уверенности студентов в уровне собственного здоровья (поскольку исследование проводилось в г. Ухань, в котором было выявлено свыше 50% случаев заражения от общенационального показателя, многие из респондентов были не уверены в том, что они здоровы и не заразились коронавирусом);
- поведение и отношение студентов до и после пандемии значительно изменились, сформировалось осознанное понимание необходимости здорового образа жизни (здоровое питание и постоянные физические упражнения).

Ван Цзин¹⁸ провела качественное исследование влияния пандемии на студентов университетов на основе серии глубинных интервью со студентами. Исследователь отмечает, что пандемия COVID-2019 стала новым общественным кризисом, который в свя-

¹⁶ Лю Чживэй. Профилактика эпидемий и борьба с ними, экономическое и социальное развитие: влияние и меры противодействия — обзор тематического доклада симпозиума // Исследование финансов и торговли. 2020. № 31 (04). С. 110.

¹⁷ Чжан Цзе, Ли Сай. Анализ эволюции и влияния пандемии на концепцию здоровья студентов колледжа: на примере Уханьского технологического университета // Журнал Уханьского текстильного университета. 2021. № 34 (06). С. 75–80.

¹⁸ Ван Цзин. Качественное исследование влияния пандемии на социальный менталитет студентов колледжей на ранней стадии // Журнал Северо-Китайского технологического университета. 2020. № 32 (06). С. 97–100.

зи с его высокой интенсивностью привлек внимание многих людей и это нашло проявление в социальной группе студенческий молодежи, которая находится на этапе развития и формирования системы индивидуальных ценностей и убеждений, определяющих всю последующую их жизнь. В результате эмпирического исследования было выявлено, что многие студенты обеспокоены развитием пандемии, они находятся в состоянии тревоги, а эта социальная эмоция связана с ориентацией личности на самозащиту, что проявляется в межличностном взаимодействии в обществе. В ходе развития пандемии происходило поэтапное формирование социального мышления. В этих условиях возросла потребность в определении основы поведения и в качестве такой основы выступил патриотизм, выражающийся в стремлении студентов к сплочению страны, активному сотрудничеству с обществом и государством, вера в высокий профессионализм медицинского персонала, которые помогут преодолеть все трудности, вызванные пандемией.

Хао Баоцян¹⁹ исследовал влияние пандемии на такой аспект жизни студентов, как трудоустройство. Сравнивая влияние Мирового финансового кризиса 2008 г. и пандемии на занятость, исследователь отмечает, что влияние второго фактора значительно выше, чем первого. Хао Баоцян обсуждает статус занятости студентов вузов в провинции Ляонин в условиях эпидемии и то, как создать систему занятости, которая бы отвечала потребностям общества в постпандемическую эпоху.

Изучая психическое здоровье социальной группы студентов, Чан Цзинхуэй и др.²⁰ пришли к выводу о существовании сильной зависимости между депрессией и тревогой у китайских студентов в условиях стресса, вызванного пандемией. Особенно остро данная проблема проявилась у студенток, а также респондентов сельских и пригородных колледжей. С возрастом способность к социальной адаптивности и психологической выносливости возрастает, что снижает степень тяжести депрессивных расстройств.

Ряд исследователей изучали влияние пандемии на социальную группу иностранных студентов, обучающихся в Китае²¹. В их рабо-

¹⁹ Хао Баоцян. Статус занятости и контрмеры студентов колледжей в провинции Ляонин под влиянием пандемии // Журнал Ляодунского университета (издание социальных наук). 2021. № 23 (06). С. 122–126.

²⁰ Чан Цзинхуэй, Юань Юйсинь, Ван Дун. Анализ состояния психического здоровья и влияющих факторов студентов колледжей в условиях эпидемии нового коронавируса // Журнал Южного медицинского университета. 2020. № 40 (02). С. 171–176.

²¹ Ван Синьжуэй, Чжан Хайцзюнь. Исследование влияния пандемии на образование студентов, обучающихся в Китае, и меры противодействия ей // Иссле-

тах отмечено, что пандемия вызвала изменения в образовательном процессе иностранных студентов.

3.7. Влияние пандемии на сельское общество

COVID-2019 — это коронавирусная инфекция нового типа, которая выступила причиной серьезной чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, обладая самым широким диапазоном инфекций, самой сложной профилактикой и контролем в Китае. Мероприятия, предпринимаемые в обществе для предотвращения и борьбы с эпидемией, включающие отсрочку возобновления производства, ограничение перемещения населения и транспорта и другие, неизбежно ведут к изменениям социального характера. Распространение мер по профилактике и борьбе с эпидемиями на сельские районы напрямую влияет на бесперебойное развитие производства и предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве и занятость сельских жителей, что, в свою очередь, отражается на их доходах²². Кроме этого, внезапное распространение COVID-2019 оказало определенное влияние на сельскохозяйственную безопасность Китая и возрождение сельских районов, став серьезной проблемой обеспечения гармонии и стабильности городского и сельского общества²³.

Исследователями Дэн Жуном, Ху Вэнем, У Дан, Чжан Минем²⁴ было изучено влияние пандемии на сельское общество. По их мнению, пандемия стала фактором изменений в сельскохозяйственном укладе, стабильности сельского общества и социальной политики. Во-первых, изменения в сельскохозяйственном укладе характеризуются тем, что рабочие-мигранты столкнулись с проблемой трудо-

дование управления образованием иностранных студентов. 2021. № 1. С. 42–49; Гоу Ши, Оуян Кайю, Чжао Чжиминь, Дун Юру, Фань Хундэ. Исследование политики образования и управления иностранных студентов в колледжах и университетах под влиянием пандемии // Руководство по экономическим исследованиям. 2021. № 35. С. 102–105.

²² Лу Цяньвэнь, Цуй Хунчжи, Лю Цзя. Влияние пандемии на доходы сельских жителей, причины и предложения по построению механизма устойчивого повышения доходов сельских жителей // Вопросы экономики сельского хозяйства. 2020. № 8. С. 12–23.

²³ Чжуан Линьчжэн, Чэнь Цзяби, Сюн Чуньвэнь. Сельскохозяйственная безопасность и возрождение сельских районов под влиянием пандемии: обзор 4-го Китайского сельскохозяйственного социологического форума // Журнал Китайского сельскохозяйственного университета (Social Science Edition). 2021. № 38 (01). С. 50–59.

²⁴ Дэн Жун, Ху Вэнь, У Дан, Чжан Минь. Исследование влияния скрытой безработицы среди рабочих-мигрантов на сельскую экономику и общество в пост-эпидемическую эпоху — пример эмпирического исследования в Чэнду // Журнал Сычуаньского административного института. 2021. № 4. С. 80–90.

устройства в городах, повлекшей рост занятия разрозненным сельским хозяйством. В этих условиях, процесс передачи сельских земель государству, служащий основой урбанизации в стране, столкнулся с новыми вызовами, а существующий сельский хозяйственных строй был нарушен. Во-вторых, невозможность получить доход в городе для сельских жителей привела к ухудшению их благосостояния, поскольку основные источники дохода для них были заблокированы. Это ведет к проблемам роста вредных привычек, увеличению преступности в селах, расширению масштабов азартных игр, тем самым создавая риск для комплексного управления и поддержания стабильности. В-третьих, пандемия оказала влияние на существующий порядок управления сельскими районами. На примере Чэнду, Дэн Жун и др.²⁵ отмечают, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе различные невидимые проблемы безработицы среди трудящихся-мигрантов нуждаются в срочном решении, поскольку они создают угрозу для нынешней относительно зрелой структуры и порядка социального управления в сельской местности.

4. Обсуждение результатов исследования

С начала распространения пандемии COVID-2019 совершенно очевидным было ее значимое влияние на общество и происходящие в нем процессы. Подходя к изучению данного влияния с разных позиций, будь то социальной психологии, экономической социологии или других разделов науки об обществе, ученые к настоящему времени представили ряд исследовательских результатов, обладающих высокой научной ценностью. В настоящем исследовании мы приняли попытку провести описательно-аналитическое исследование работ китайских авторов, посвященных изучению социальных последствий COVID-2019, в результате которого классифицировали и систематизировали представленные в научных работах аспекты влияния пандемии на китайское общество (табл.).

В результате систематизации направлений влияния пандемии на китайское общество было выявлено, что новая коронавирусная инфекция затронула многие социальные аспекты. Ее последствия отмечаются в целом в формировании общества риска нового типа, в котором источником риска выступает сам человек, что ведет к изменениям в социальном порядке. Пандемия способствовала трансформации ряда социальных процессов, включая социальную мобильность и перемещение населения внутри городов. Она привела

²⁵ Там же.

Социальные последствия пандемии в Китае

Направление влияния пандемии на общество	Последствия пандемии	Исследователи
Формирование общества риска нового типа	Изменения в социальном порядке	Гун Вейбинь (2020), Лю Чэн-бинь, Хуан Нин (2020), Вэнь Цзюнь (2020) и др.
Трансформация социальных процессов	Снижение социальной мобильности Снижение интенсивности городских поездок	Ян Чэн, Вэнь Чэн и Сюй Сюэ (2021), Ван Чжэн, Фань Хун (2021)
Изменения в социальной психике	Проблемы социальных эмоций Сложности в межличностном взаимодействии Рост социально-психических расстройств и депрессии Снижение обучаемости и работоспособности	Лу Цяньвэнь (2020), Лю Цзин, Ван Мин, Сунь Циву (2021), Се Дундун, Ян Инь, Чэн Линьцзин (2021)
Влияние на социальное потребление	Снижение готовности жителей Китая к потреблению как последствие снижения дохода Развитие мотива предупреждающего сбережения Формирование тенденции к рациональному потреблению Изменение в потребительских привычках Рост онлайн-покупок в сфере общественного питания	Ли Люин и Ву Цзятэн (2020), Лю Пейтин и др. (2021)
Влияние на занятость населения	Обострение проблемы безработицы Рост безработицы в мегаполисах и центральных городах Проблема занятости трудящихся-мигрантов в городах	Сюй Мин и Чэнь Сицзе (2020), Чжан Син и Тянь Дачжоу (2020), Ван Пинцзе (2020), Шэнь Тобин, Сюй Юаньхань, Юань Чжэньюй (2021)

Направление влияния пандемии на общество	Последствия пандемии	Исследователи
Влияние на образование	Трансформация роли онлайн-обучения Ограниченная интернационализация образования Изменения в образовательном процессе иностранных студентов	Гоу Ши и др. (2021), Чжан Тао и Ли Цзиньпин (2021)
Влияние на здравоохранение	Выявление проблемы низкого иммунитета у населения Пандемия выявила отсутствие знаний о профилактике эпидемий Выявила неэффективность действующего механизма раннего предупреждения возникающих инфекционных заболеваний	Лю Чживэй (2020)
Трансформация качества жизни и ценностей студенческой молодежи	Улучшение осведомленности студентов о концепции здоровья и понимание важности социальной устойчивости как особого компонента здоровья человека Снижение уверенности студентов в уровне собственного здоровья Формирование осознанного понимания необходимости здорового образа жизни Развитие патриотизма и формирование нового социального мышления Сложности в трудоустройстве студентов	Ван Цзин (2020), Чжан Цзе (2021), Хао Баоцян (2021), Чан Цзинхуэй и др. (2020)
Влияние пандемии на сельское общество	Проблема гармонии и стабильности сельского общества Изменения в сельскохозяйственном укладе Невозможность получить доход в городе для сельских жителей Влияние на существующий порядок управления сельскими районами	Лу Цяньвэнь, Цуй Хунчжи, Лю Цзя (2020), Дэн Жун, Ху Вэнь, У Дан, Чжан Мин (2021), Чжуан Линьчжэн, Чэнь Цзяби, Сюн Чуньвэнь (2021)

к изменениям в психике общества, к тому, что люди стали по-иному воспринимать контакты в межличностном общении, сохраняя определенный уровень чувства тревоги и самосохранения. Пандемия привела к изменениям в социальном потреблении, выразившимся в стремлении людей к более рациональному потреблению, что взаимосвязано со снижением уровня дохода населения, явившимся последствием роста безработицы в стране. Важные изменения произошли в сфере образования и здравоохранения. В частности, в здравоохранении пандемия позволила выявить проблемы низкого иммунитета у населения, а также отсутствие фундаментальных знаний о предупреждающих санитарно-эпидемиологических мероприятиях. В условиях распространения новой коронавирусной инфекции произошли изменения качества жизни и ценностей студенческой молодежи. Также важным социальным последствием пандемии выступило увеличение разрыва между сельскими и городскими территориями, обострение существующих проблем сельского населения.

5. Заключение

Таким образом, пандемия COVID-2019 привела к формированию общественного кризиса в Китае. Она вызвала ряд социальных последствий негативного характера, среди которых значительная часть позволила выявить острые проблемы в обществе, требующие незамедлительного решения для сохранения социальной стабильности и гармонии. Несмотря на то что социальные последствия пандемии носят преимущественно отрицательный характер, среди них есть и положительные. Так, снижение интенсивности транспортного движения в городах вызвало уменьшение выбросов углекислого газа в атмосферу, оказав благоприятное влияние на экологию городов. У молодежи сформировалось осознанное понимание необходимости здорового образа жизни, что в перспективе позволит повысить качество здоровья населения.

Результаты исследования статьи носят теоретический характер и могут быть использованы для проведения эмпирических исследований по каждому из выявленных социальных последствий пандемии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ван Пинцзе. Влияние эпидемии на общество и новые возможности для развития полиграфической отрасли // Менеджер по печати [王平杰 疫情对社会的影响及印刷业发展的新机遇 // 印刷经理]. 2020. № 2. С. 42–43 (на китайском).

Ван Синьжуэй, Чжан Хайцзюнь. Исследование влияния пандемии на образование студентов, обучающихся в Китае, и меры противодействия ей // Исследование управления образованием иностранными студентами [王新瑞, 张海军. 疫情对来华留学生教育影响及应对措施研究 // 国际学生教育管理研究]. 2021. № 1. С. 42–49 (на китайском).

Ван Цзин. Качественное исследование влияния пандемии на социальный менталитет студентов колледжей на ранней стадии // Журнал Северо-Китайского технологического университета [王庆. 新冠疫情对大学生早期社会心态影响的质性研究 // 华北理工大学学报]. 2020. № 32 (06). С. 97–100 (на китайском).

Ван Чжэн, Фань Хун. Временной и пространственный кластерный анализ и социально-экономические факторы, влияющие на эпидемию COVID-19 в провинции Хубэй // Журнал Уханьского университета (Engineering Edition) [王政, 范红, 湖北省COVID-19疫情的时空聚类分析及社会经济因素 // 武汉大学学报(工学版)]. 2021. № 54 (09). С. 866–873 (на китайском).

Ван Чжэнь. Защита занятости и социальное обеспечение в условиях пандемии // Экономика [王震. 新冠肺炎疫情下的就业保障与福利 // 经济学]. 2020. № 3. С. 7–15 (на китайском).

Вэнь Цзюнь. Перед лицом пандемии: общественное управление, профилактика и контроль эпидемий в обществе риска // Журнал педагогического университета Ханчжоу (издание по социальным наукам) [文军. 面对新冠肺炎: 风险社会中的公共行政、疫情防控 // 杭州师范大学学报(社会科学版)]. 2020. № 42 (02). С. 3–11 (на китайском).

Гоу Ши, Оуян Кайю, Чжао Чжиминь, Дун Юру, Фань Хундэ. Исследование политики образования и управления иностранными студентами в колледжах и университетах под влиянием пандемии // Руководство по экономическим исследованиям [欧阳开宇, 赵志敏, 苟实, 董玉茹, 范宏德. 疫情影响下高校外国留学生教育政策与管理研究 // 经济研究指南]. 2021. № 35. С. 102–105 (на китайском).

Гун Вейбинь. Характеристики социальных рисков в современном Китае: на примере пандемии и борьбы с ней // Социологическое обозрение [龚伟斌. 近代中国社会风险特征——以新型冠状病毒肺炎疫情及其控制为例 // 社会学评论]. 2020. № 8 (02). С. 21–27 (на китайском).

Дэн Жун, Ху Вэнь, У Дан, Чжан Минь. Исследование влияния скрытой безработицы среди рабочих-мигрантов на сельскую экономику и общество в постэпидемическую эпоху — пример эмпирического исследования в Чэнду // Журнал Сычуаньского административного института [邓荣, 胡文, 吴丹, 张敏. 后疫情时代农民工隐性失业对农村经济社会影响的研究是成都实证研究的一个例子 // 四川行政学院学报]. 2021. № 4. С. 80–90 (на китайском).

Ли Люин, Ву Цзятэн. Влияние пандемии на потребительское поведение жителей и механизм его формирования // Экономика потребления [李六英, 吴嘉腾. 新冠肺炎疫情对居民消费行为的影响及其形成机制 // 消费经济学]. 2020. № 36 (03). С. 19–26 (на китайском).

Лу Цяньвэнь, Цуй Хунчжи, Лю Цзя. Влияние пандемии на доходы сельских жителей, причины и предложения по построению механизма устойчивого повышения доходов сельских жителей // Вопросы экономики сельского хозяйства [卢倩文, 崔洪志, 刘佳. 新冠肺炎疫情对农村收入的影响、构建农村收入可持续提高机制的原因及建议 // 农业经济问题]. 2020. № 8. С. 12–23 (на китайском).

Лу Цяньвэнь. Влияние пандемии на социальные эмоции: перспективы служб охраны психического здоровья. Эксклюзивное интервью с Ю Гуоляном,

профессором и научным руководителем Китайского университета Жэньминь // Общественные науки Хэйлунцзяна [卢倩文. 新冠肺炎疫情对社会情绪的影响: 心理健康服务视角——专访中国人民大学教授、研究主管余国良]]. 黑龙江社会科学]. 2020. № 5. С. 72–78 (на китайском).

Лю Пейтин, У Хао, Сюн Чжанлун, Цяо Цзивэй. Анализ психологии потребления студентов колледжей, выбирающих методы питания в условиях пандемии // Китайский рынок [刘培亭, 吴昊, 熊章龙, 乔继伟. 疫情下大学生饮食方式选择消费心理分析 // 中国市场]. 2021. № 35. С. 120–121 (на китайском).

Лю Цзин, Ван Мин, Сунь Циву. Факторы, влияющие на адаптацию студентов после возвращения в университет в постпандемическую эпоху // Китайский журнал клинической психологии [刘静, 王明, 孙启武. 后疫情时代学生返校后适应的影响因素 // 中国临床心理学杂志]. 2021. № 29 (06). С. 1337–1342 (на китайском).

Лю Чжизэй. Профилактика эпидемий и борьба с ними, экономическое и социальное развитие: влияние и меры противодействия — обзор тематического доклада симпозиума // Исследование финансов и торговли [刘志伟. 疫情防控、经济社会发展: 影响与对策——研讨会专题论文综述 // 财贸研究]. 2020. № 31 (04) (на китайском).

Лю Чэнбинь, Хуан Нин. Новое измерение общества риска: теоретическая перспектива новой эпидемии коронарной пневмонии // Журнал социальных наук Цзилиньского университета [刘成斌, 黄宁. 风险社会的新维度: 新冠肺炎疫情的理论视角 // 吉林大学社会科学学报]. 2020. № 60 (06). С. 106–116 (на китайском).

Се Дундун, Ян Инь, Чэн Линьцзин. Влияние домашней изоляции и физических упражнений на психическое здоровье во время пандемии // Китайский журнал клинической психологии [谢东东, 杨颖, 程林静. 新冠疫情期间居家隔离和锻炼对心理健康的影响 // 中国临床心理学杂志]. 2021. № 29 (06). С. 1343–1347 (на китайском).

Суй Мин, Чэнь Сицзе. Исследование политики занятости молодежи под влиянием эпидемии коронавируса: на основе анализа текстов политических мер на уровне провинций // Население и экономика [徐明, 陈希杰. 受新冠肺炎疫情影响的青年就业政策研究: 基于省级政策文本分析 // 人口与经济]. 2020. № 1. С. 2–9 (на китайском).

Хао Баоцян. Статус занятости и контрмеры студентов колледжей в провинции Ляонин под влиянием пандемии // Журнал Ляодунского университета (издание социальных наук) [郝宝强. 受疫情影响辽宁省大学生就业现状及对策 // 辽东大学学报 (社会科学版)]. 2021. № 23 (06). С. 122–126 (на китайском).

Чан Цзинхуэй, Юань Юйсинь, Ван Дун. Анализ состояния психического здоровья и влияющих факторов студентов колледжей в условиях эпидемии нового коронавируса // Журнал Южного медицинского университета [常景辉, 袁雨欣, 王东. 新型冠状病毒肺炎环境下大学生心理健康状况及影响因素分析 // 南方医科大学学报]. 2020. № 40 (02). С. 171–176 (на китайском).

Чжан Син, Тянь Дачжоу. Влияние пандемии на социальное страхование и меры противодействия // Китайский труд [张兴, 田大洲. 新冠肺炎疫情对社会保险的影响及对策 // 中国劳工]. 2020. № 1. С. 39–48 (на китайском).

Чжан Тао, Ли Цзиньлин. Анализ факторов, влияющих на онлайн-обучение в колледжах и университетах на фоне эпидемии коронавируса // Образование в Хэйлунцзяне (теория и практика) [张涛, 李金玲. 新冠疫情下高校在线学习影响因素分析 // 黑龙江教育(理论与实践)]. 2021. № 12. С. 54–55 (на китайском).

Чжан Цзе, Ли Сай. Анализ эволюции и влияния пандемии на концепцию здоровья студентов колледжа: на примере Уханьского технологического университета // Журнал Уханьского текстильного университета [张杰, 李赛. 新冠疫情对大学生健康观念的影响及演变分析——以武汉理工大学为例 // 武汉纺织大学学报]. 2021. № 34 (06). С. 75–80 (на китайском).

Чжуан Линьчжэн, Чэнь Цзяби, Сюн Чуньвэнь. Сельскохозяйственная безопасность и возрождение сельских районов под влиянием пандемии: обзор 4-го Китайского сельскохозяйственного социологического форума // Журнал Китайского сельскохозяйственного университета (Social Science Edition) [庄林政, 陈家碧, 熊春文, 疫情影响的农业安全与乡村振兴: 第四届中国农业社会学论坛回顾 // 中国农业大学学报 (社会科学版)]. 2021. № 38 (01). С. 50–59 (на китайском).

Шэнь Губин, Сюй Юаньхань, Юань Чжэньюй. Анализ воздействия и механизма глобального распространения пандемии на занятость в Китае // Исследование экономических проблем [沉国兵, 徐远汉, 袁振宇. 新冠疫情全球蔓延对我国就业的影响及机制分析 // 经济问题研究]. 2021. № 12. С. 1–12 (на китайском).

Ян Чэнь, Вэнь Чэн Сюй Сяоке. Влияние новой коронавирусной инфекции на мобильность населения в этнических районах // Университет электронных наук и технологий Китая [杨晨, 文成, 徐晓可. 新冠肺炎疫情对民族地区人口流动的影响 // 中国电子科技大学]. 2021. № 50 (06). С. 938–946 (на китайском).

REFERENCES

Chan Czinhuej, Yuan' Yujsin', Van Dun. Analiz sostoyaniya psihicheskogo zdorov'ya i vliyayushchih faktorov studentov kolledzhej v usloviyah epidemii novogo koronavirusa [常景辉, 袁雨欣, 王东. 新型冠状病毒肺炎环境下大学生心理健康状况及影响因素分析 // 南方医科大学学报] // Zhurnal Yuzhnogo medicinskogo universiteta. 2020. N 40 (02). S. 171–176 (in Chinese).

Chzhan Sin, Tyan' Dachzhou. Vliyanie pandemii na social'noe strahovanie i mery protivodejstviya [张兴, 田大洲. 新冠肺炎疫情对社会保险的影响及对策 // 中国劳工] [The impact of the pandemic on social insurance and countermeasures] // Kitajskij trud. 2020. N 1. S. 39–48 (in Chinese).

Chzhan Tao, Li Czin'lin. Analiz faktorov, vliyayushchih na onlajn-obuchenie v kolledzhah i universitetah na fone epidemii koronavirusa [张涛, 李金玲. 新冠疫情下高校在线学习影响因素分析 // 黑龙江教育(理论与实践)] [Analysis of factors influencing online education in colleges and universities against the backdrop of the coronavirus epidemic] // Obrazovanie v Hejlunczyane (teoriya i praktika). 2021. N 12. S. 54–55 (in Chinese).

Chzhan Cze, Li Saj. Analiz evolyucii i vliyaniya pandemii na koncepciyu zdorov'ya studentov kolledzha: na primere Uhan'skogo tekhnologicheskogo universiteta [张杰, 李赛. 新冠疫情对大学生健康观念的影响及演变分析——以武汉理工大学为例 // 武汉纺织大学学报] [Analysis of the evolution and impact of the pandemic on the concept of health of college students: on the example of Wuhan University of Technology] // Zhurnal Uhan'skogo tekstil'nogo universiteta. 2021. N 34 (06). S. 75–80 (in Chinese).

Chzhuan Lin'chzhen, Chen' Czyabi, Syun Chun'ven'. Sel'skohozyajstvennaya bezopasnost' i vozrozhdenie sel'skih rajonov pod vliyaniem pandemii: obzor 4-go Kitajskogo sel'skohozyajstvennogo sociologicheskogo foruma [庄林政, 陈家碧, 熊春文, 疫情影响的农业安全与乡村振兴: 第四届中国农业社会学论坛回顾 // 中

国农业大学学报 (社会科学版) [Agricultural Security and Pandemic-Influenced Rural Revitalization: A Review of the 4th China Agricultural Sociology Forum] // Zhurnal Kitajskogo sel'skohozyajstvennogo universiteta. 2021. N 38 (01). S. 50–59 (in Chinese).

Den Zhun, Hu Ven', U Dan, Chzhan Min'. Issledovanie vliyaniya skrytoj bezraboticy sredi rabochih-migrantov na sel'skuyu ekonomiku i obshchestvo v postepidemiicheskuyu epohu — primer empiricheskogo issledovaniya v Chendu [邓荣, 胡文, 吴丹, 张敏 后疫情时代农民工隐性失业对农村经济社会影响的研究是成都实证研究的一个例子 // 四川行政学院学报] [A study of the impact of hidden unemployment among migrant workers on the rural economy and society in the post-epidemic era — an example of empirical research in Chengdu] // Zhurnal Sychuan'skogo administrativnogo instituta. 2021. N 4. S. 80–90 (in Chinese).

Gou Shi, Ouyan Kajyu, Chzhao Chzhimin', Dun Yuru, Fan' Hunde. Issledovanie politiki obrazovaniya i upravleniya inostrannyh studentov v kolledzhah i universitetah pod vliyaniem pandemii [欧阳开宇, 赵志敏, 苟实, 董玉茹, 范宏德. 新冠疫情影响下高校外国留学生教育政策与管理研究 // 经济研究指南] [Study of the policy of education and management of foreign students in colleges and universities under the influence of a pandemic] // Rukovodstvo po ekonomicheskim issledovaniyam. 2021. N 35. S. 102–105 (in Chinese).

Gun Vejbin'. Harakteristiki social'nyh riskov v sovremennom Kitae: na primere pandemii i bor'by s nej [龚伟斌 近代中国社会风险特征——以新型冠状病毒肺炎疫情及其控制为例 // 社会学评论] [Characteristics of social risks in modern China: on the example of a pandemic and the fight against it] // Sociologicheskoe obozrenie. 2020. N 8 (02). S. 21–27 (in Chinese).

Hao Baocyan. Status zanyatosti i kontrmery studentov kolledzhej v provincii Lyaonin pod vliyaniem pandemii [郝宝强. 受疫情影响辽宁省大学生就业现状及对策 // 辽东大学学报 (社会科学版) [Employment Status and Countermeasures of College Students in Liaoning Province Affected by the Pandemic] // Zhurnal Lyaodunskogo universiteta (izdanie social'nyh nauk). 2021. N 23 (06). S. 122–126 (in Chinese).

Li Lyuin, Vu Czyaten. Vliyanie pandemii na potrebitel'skoe povedenie zhitelej i mekhanizm ego formirovaniya [李六英, 吴嘉腾. 新冠肺炎疫情对居民消费行为的影响及其形成机制 // 消费经济学] [The impact of the pandemic on the consumer behavior of residents and the mechanism of its formation] // Ekonomika potrebleniya. 2020. N 36 (03). S. 19–26 (in Chinese).

Lu Cyan'ven', Cuj Hunchzhi, Lyu Czya. Vliyanie pandemii na dohody sel'skih zhitelej, prichiny i predlozheniya po postroeniyu mekhanizma ustojchivogo povysheniya dohodov sel'skih zhitelej [卢倩文, 崔洪志, 刘佳. 新冠肺炎疫情对农村收入的影响、构建农村收入可持续提高机制的原因及建议 // 农业经济问题] [Impact of the pandemic on the incomes of rural residents, reasons and proposals for building a mechanism for a sustainable increase in the incomes of rural residents] // Voprosy ekonomiki sel'skogo hozyajstva. 2020. N 8. S. 12–23 (in Chinese).

Lu Cyan'ven'. Vliyanie pandemii na social'nye emocii: perspektivy sluzhby ohrany psicheskogo zdorov'ya: eksklyuzivnoe interv'yū s Yu Guolyanom, professorom i nauchnym rukovoditelem Kitajskogo universiteta Zhen'min' [卢倩文. 新冠肺炎疫情对社会情绪的影响: 心理健康服务视角——专访中国人民大学教授、研究主管余国良 [J]. 黑龙江社会科学] [The Impact of the Pandemic on Social Emotions: Perspectives on Mental Health Services: An Exclusive Interview with Yu Guoliang, Professor and Research Supervisor, Renmin University of China] // Obshchestvennyye nauki Hejlunczyana. 2020. N 5. S. 72–78 (in Chinese).

Lyu Pejtin, U Hao, Syun Chzhanlun, Cyao Czivej. Analiz psihologii potrebleniya studentov kolledzhej, vybirayushchih metody pitaniya v usloviyah pandemii [刘培亭, 吴昊, 熊章龙, 乔继伟. 疫情下大学生饮食方式选择消费心理分析 // 中国市场] [Analysis of the psychology of consumption of college students choosing nutrition methods in a pandemic] // Kitajskij rynek. 2021. N 35. S. 120–121 (in Chinese).

Lyu Czin, Van Min, Sun' Civu. Faktory, vliyayushchie na adaptaciyu studentov posle vozvrashcheniya v universitet v postpandemicheskuyu epohu [刘静, 王明, 孙启武. 后疫情时代学生返校后适应的影响因素 // 中国临床心理学杂志] [Factors influencing the adaptation of students after returning to the university in the post-pandemic era] // Kitajskij zhurnal klinicheskoy psihologii. 2021. N 29 (06). S. 1337–1342 (in Chinese).

Lyu Chzhivej. Profilaktika epidemij i bor'ba s nimi, ekonomicheskoe i social'noe razvitiye: vliyaniye i mery protivodejstviya — obzor te-maticheskogo doklada simpoziuma [刘志伟. 疫情防控、经济社会发展: 影响与对策——研讨会专题论文综述// 财贸研究] [Epidemic Prevention and Control, Economic and Social Development: Impact and Countermeasures — Overview of Symposium Thematic Paper] // Issledovanie finansov i tovgovli. 2020. N 31 (04) (in Chinese).

Lyu Chenbin', Huan Nin. Novoe izmerenie obshchestva riska: teoreticheskaya perspektiva novoj epidemii koronarnoj pnevmonii [刘成斌, 黄宁. 风险社会的新维度: 新冠肺炎疫情的理论视角 // 吉林大学社会科学学报] [A New Dimension of the Risk Society: A Theoretical Perspective on the New Epidemic of Coronary Pneumonia] // Zhurnal social'nyh nauk Czilinskogo universiteta. 2020. N 60 (06). S. 106–116 (in Chinese).

Shen' Gobin, Syuj Yuan'han', Yuan' Chzhen'yuj. Analiz vozdejstviya i mekhanizma global'nogo rasprostraneniya pandemii na zanyatost' v Kitae [沉国兵, 徐远汉, 袁振宇. 新冠疫情全球蔓延对我国就业的影响及机制分析 // 经济问题研究] [Analysis of the Impact and Mechanism of the Global Spread of the Pandemic on Employment in China] // Issledovanie ekonomicheskikh problem. 2021. N 12. S. 1–12 (in Chinese).

Se Dundun, Yan In', Chen Lin'czin. Vliyaniye domashnej izol'yacii i fizicheskikh uprazhnenij na psihicheskoe zdorov'e vo vremya pandemii [谢东东, 杨颖, 程林静. 新冠疫情期间居家隔离和锻炼对心理健康的影响 // 中国临床心理学杂志] [Effect of home insulation and physical exercises on mental health during a pandemic] // Kitajskij zhurnal klinicheskoy psihologii. 2021. N 29 (06). S. 1343–1347 (in Chinese).

Syuj Min, Chen' Sicze. Issledovanie politiki zanyatosti molodezhi pod vliyaniem epidemii koronavirusa: na osnove analiza tekstov politicheskikh mer na urovne provincij [徐明, 陈希杰. 受新冠肺炎疫情影响的青年就业政策研究: 基于省级政策文本分析 // 人口与经济] [Research on Youth Employment Policies in the Impact of the Coronavirus Epidemic: Based on the Analysis of Provincial Policy Texts] // Naseleniye i ekonomika. 2020. N 1. S. 2–9 (in Chinese).

Van Pincze. Vliyaniye epidemii na obshchestvo i novye vozmozhnosti dlya razvitiya poligraficheskoy otrasli [王平杰. 疫情对社会的影响及印刷业发展的新机遇 // 印刷经理] [The Impact of the Epidemic on Society and New Opportunities for the Development of the Printing Industry] // Menedzher po pechati. 2020. N 2. S. 42–43 (in Chinese).

Van Sin'zhuej, Chzhan Hajczyun'. Issledovanie vliyaniya pandemii na obrazovanie studentov, obuchayushchihsya v Kitae, i mery protivodejstviya ej [王新瑞, 张海军. 疫情对来华留学生教育影响及应对措施研究 // 国际学生教育管理研究] [A study of the impact of the pandemic on the education of students studying in

China and countermeasures] // Issledovanie upravleniya obrazovaniem inostrannykh studentov. 2021. N 1. S. 42–49 (in Chinese).

Van Czin. Kachestvennoe issledovanie vliyaniya pandemii na social'nyy mentalitet studentov kollidzhej na rannej stadii [王庆. 新冠疫情对大学生早期社会心态影响的质性研究 // 华北理工大学学报] [Qualitative study of the impact of the pandemic on the social mentality of college students at an early stage] // Zhurnal Severo-Kitajskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2020. N 32 (06). S. 97–100 (in Chinese).

Van Chzhen, Fan' Hun. Vremennoj i prostranstvennyj klasternyj analiz i social'no-ekonomicheskie faktory, vliyayushchie na epidemiyu COVID-19 v provincii Hubei [王政, 范红, 湖北省COVID-19疫情的时空聚类分析及社会经济因素 // 武汉大学学报(工学版)] [Temporal and Spatial Cluster Analysis and Socio-Economic Factors Affecting the COVID-19 Epidemic in Hubei] // Zhurnal Uhan'skogo universiteta (Engineering Edition). 2021. N 54 (09). S. 866–873 (in Chinese).

Van Chzhen'. Zashchita zanyatosti i social'noe obespechenie v usloviyah pandemii [王震. 新冠肺炎疫情下的就业保障与福利 // 经济学] [Employment protection and social security in a pandemic] // Ekonomika. 2020. N 3. S. 7–15 (in Chinese).

Ven' Czyun'. Pered licom pandemii: obshchestvennoe upravlenie, profilaktika i kontrol' epidemij v obshchestve riska [文军. 面对新冠肺炎: 风险社会中的公共行政、疫情防控 // 杭州师范大学学报(社会科学版)] [Facing a Pandemic: Public Administration, Epidemic Prevention and Control in a Risk Society] // Zhurnal pedagogicheskogo universiteta Hanchzhou (izdanie po social'nym naukam). 2020. N 42 (02). S. 3–11 (in Chinese).

Yan Chen', Ven' Chen Syuj Syaoke. Vliyanie novoj koronavirusnoj infekcii na mobil'nost' naseleniya v etnicheskikh rajonah [杨晨, 文成, 徐晓可. 新冠肺炎疫情对民族地区人口流动的影响 // 中国电子科技大学] [Influence of a new coronavirus infection on population mobility in ethnic areas] // Universitet elektronnykh nauk i tekhnologii Kitaya. 2021. N 50 (06). S. 938–946 (in Chinese).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-266-291

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ SMART CITY С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ С ГОРОЖАНАМИ: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МНЕНИЙ В МНОГОКРИТЕРИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ И ВАЛИДАЦИИ ГОРОДСКИХ ПОЛИТИК

П.Т. Бурбаева, канд. наук, старший преподаватель, Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, 010008*

Б.К. Мендыбаев, докторант, Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, 010008**

В последнее десятилетие исследования в области умных городов от сугубо технологических аспектов расширяются и включают сферы развития управления, урбанистического планирования и социальные науки. В целом дискуссия концентрируется на том, как использование технологий содействует улучшению города, развитию городского пространства и повышению качества принимаемых решений¹.

В рамках данной статьи также предлагается один из способов обогащения системы управления городским развитием, описывающий возможное использование взглядов и восприятия горожан как конечных пользователей услуг и приложений Smart City в системе управления. Утверждается, что путем разработки соответствующих шкал субъективные взгляды и представления могут быть объективизированы и, следовательно, очень полезны для менеджеров и политиков.

В данной работе процесс разработки проводится в несколько этапов, с использованием индуктивных и дедуктивных методов. После проведения фокус-групп и интервьюирования представителей городских властей был проведен опрос с участием почти тысячи горожан Казахстана. Данные были проанализированы с использованием инструментов IBM SPSS 24 и AMOS 20.

* **Бурбаева Перизат Тулеугалиевна**, e-mail: perizatburbaeva@mail.ru

** **Мендыбаев Бирик Кайырбекович**, e-mail: mendybayev_bk@enu.kz

¹ Lytras M.D., Visvizi A., Chopdar P.K., Sarirete A., Alhalabi W. Information management in smart cities: turning end users' views into multi-item scale development, validation, and policy-making recommendations // International Journal of Information Management. 2021. N 56. P. 102–146.

В исследовании предлагается шкала, включающая утверждения, структурированные в пяти выявленных измерениях: готовность к взаимодействию, ожидание улучшений, готовность к использованию, обеспокоенность эффективностью, обеспокоенность злоупотреблениями. По мере раскрытия методологии, обсуждены важные теоретические и управленческие последствия, показана необходимость управления информационными потоками в интересах участников внедрения Smart City.

Ключевые слова: Smart City, урбанистическое развитие, городская политики, инновационные технологии, эффективное управление.

MANAGING SMART CITY DEVELOPMENT USING CITIZEN FEEDBACK: TRANSFORMING OPINIONS INTO A MULTI-CRITERIA TOOL FOR EVALUATION AND VALIDATION OF CITY POLICIES

Burbayeva Perizat T., PhD, Senior Lecturer, L. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str., 2, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, 010008, e-mail: perizatburbaeva@mail.ru

Mendybayev Birlik K., PhD student, L. Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str., 2, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, 010008, e-mail: mendybayev_bk@enu.kz

In the last decade, research in the field of smart cities has expanded from purely technological aspects to include the areas of management development, urban planning and social sciences. In general, the discussion focuses on how the use of technology contributes to the development of the city, urban space and improving the quality of decisions².

The article offers a tool to enrich the urban development management system. It is argued that by developing appropriate scales, subjective views and perceptions of the citizen can be objectivized and, therefore, are very useful for managers and politicians.

In this paper, the development process is carried out in several stages, using inductive and deductive methods. Following focus groups and interviewing representatives of the city authorities, a survey was conducted with the participation of almost a thousand city inhabitants from all Kazakhstan regions. The data were analyzed using IBM SPSS 24 and AMOS 20 tools.

The study proposes a scale that includes statements structured in five identified dimensions: willingness to interact, expectation of improvements, willingness to use, concern about efficiency, concern about abuse. As the methodology is disclosed, important theoretical and managerial implications are discussed, the need for information flow management in the interests of participants in the implementation of Smart City is justified.

Key words: Smart City, urban development, urban policy, innovative technologies, effective management.

² Lytras M.D., Visvizi A., Chopdar P.K., Sarirete A., Alhalabi W. Op. cit.

Введение

В настоящее время дискуссии по определению умных городов в научной литературе не прекращены³. Достигнуто общее согласие по трем ключевым аспектам, отличающим умные города: технологичность, институциональное развитие, человекоцентричность. Обязательным условием является наличие коммуникации между горожанами, городскими властями и поставщиками технологических решений, которые обеспечивают интеграцию инфраструктуры и сервисов, социальное обучение, способствующее развитию человеческого капитала и управление институциональным развитием и вовлечением горожан⁴.

В последнее десятилетие приоритеты развития умных городов сместились с узкотехнического, технологического развития в сторону более человеко-ориентированного подхода. Вовлечение горожан сохраняется ключевым элементом большинства определений умных городов, при этом в научной литературе все еще мало внимания уделено реальным практикам общественного участия в развитии городов⁵. Фактически умные города еще не достигли той стадии, когда их граждане принимают непосредственное участие в общественной жизни⁶.

Участие граждан в развитии городов отличается от политического участия или индивидуального волонтерства, так как оно происходит в административно-управленческой плоскости, фокусируясь на развитии гражданских ценностей, увеличении подотчетности, уровня доверия к властям⁷. Вовлечение горожан развивает

³ Van der Hoogen A., Scholtz B., Calitz A.P. Using theories to design a value alignment model for smart city initiatives // International Federation for Information Processing / Ed. by M. Hatttingh. Berlin; Heidelberg, 2020. P. 55–66; Chourabi H., Nam T., Walker S., Gil-Garcia J.R., Mellouli S., Nahon K., Scholl H.J. and all. Understanding smart cities: an integrative framework // Proceedings of the 45th Hawaii International Conference on System Sciences. Honolulu, 2012. P. 2289–2297.

⁴ Nam T., Pardo T. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions // Proceedings of the 12th International Conference on Digital Government Research. N.Y., 2011. P. 282–291.

⁵ Dror M., Zehavi A. Delimiting citizen participation: how Israeli mayors get the most out of the process // Local Government Studies. 2020. Sept. DOI:10.1080/0300393.2020.1821663.

⁶ Granier B., Kudo H. How are citizens involved in smart cities? Analysing citizen participation in Japanese “Smart Communities” // Information Polity. 2016. Vol. 21. N 1. P. 61–76.

⁷ Yang K., Pandey S.K. Further dissecting the black box of citizen participation: when does citizen involvement lead to good outcomes? // Public administration review. 2011. N 71 (6). P. 880–892.

качество управления, легитимность и достижение консенсуса по принимаемым решениям⁸.

В рамках данной работы сделана попытка получить глубокое понимание восприятия и ожиданий конечных пользователей по услугам и сервисам *Smart City*. Используя эмпирический подход автором разработана теоретическая база, позволяющая использовать мнение горожан в процессе управления развитием *Smart City*. Полученные данные позволили: 1) изучить основные аспекты восприятия горожанами услуг и приложений *Smart City*, 2) разработать и эмпирически проверить разработанные шкалы в качестве инструмента поддержки разработки политик городского развития, 3) предложить принципы политики, которые возможно использовать для развития *Smart City*.

В разделе обзора литературы представлено описание базовых характеристик граждан, с учетом их роли и степени участия в общественной жизни. Далее приведено объяснение методологии и проанализированы полученные данные. Обсуждение результатов проведено с позиций определения ролей горожан в процессах взаимодействия и управления развитием городов. Также выработаны предложения по устранению ограничения для участия граждан в развитии городов. В завершении вклад данной работы объяснен со ссылкой на результаты исследования.

Обзор литературы

Идея постоянного улучшения и развития городов с использованием технологий не является новой. На ранних этапах применение технологий напрямую находило отражение в концепциях или подходах по развитию городов: *wired city*⁹, *city as bits*¹⁰, *computable city*¹¹, *cybercity*¹². Изначально технологичный характер развития нашел отражение в большинстве подходов или концепций, в основе которых

⁸ Clayton T.J. Public involvement in public management: adapting and testing a borrowed theory // *Public Administration Review*. 1990. N 50 (4). P. 435–445; Public participation in public decisions: new skills and strategies for public managers. San Francisco, 1995; Peters B.G., Pierre J. Governance without government? Rethinking public administration // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1998. N 8 (2). P. 223–243; Cardullo P., Kitchin R. Being a “citizen” in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation // *The Programmable City Working Paper*. 2017. N 30.

⁹ Dutton W.H., Blumler J.G., Kraemer K.L. *Wired cities: shaping future communication*. N.Y., 1987.

¹⁰ Mitchell W.J. *City of bits: space, place and the infobahn*. Cambridge, 1995.

¹¹ Batty M. The computable city // *International Planning Studies*. 1997. N 2 (2). P. 155–173.

¹² Graham S., Marvin S. Planning cybercities: integrating telecommunications into urban planning // *Town Planning Review*. 1999. N 70 (1). P. 89–114.

интенсивное использование информационно-коммуникационных технологий: *smart*¹³, *digital*¹⁴, *intelligent*¹⁵. Каждый из терминов имеет множество определений, отражающих различные точки зрения и парадигмы, но объединяет их выделение институциональных, технологических и человеческих факторов, взаимодействие между которыми и определяет параметры умного города¹⁶.

Возможности практического применения потенциала технологий привело к появлению ряда инициатив по более комплексному развитию городов: *ubiquitous*¹⁷, *real-time*¹⁸, *informational*¹⁹, *knowledge*²⁰, *resilient*²¹ или *sustainable*²² city. При этом применение термина *smart* переросло узкое технологическое или специфическое, привязанное только к внедрению технологий значение. Наряду с такими терминами, как “знание”/*knowledge*²³, “экосистема”/*ecosystem*, приставка *Smart* стала означать наличие фундаментальных изменений или высокий уровень комплексности описываемых явлений (*holistic path*)²⁴.

¹³ Boulton A., Brunn S.D., Devriendt L. Cyberinfrastructures and “smart” world cities: physical, human, and soft infrastructures // International Handbook of Globalization and World Cities / Ed. by B. Derudder, M. Hoyler, P.J. Taylor, F. Wit-Lox. Cheltenham, 2011. P. 198–208.

¹⁴ Ishida T. Understanding digital cities // Digital cities. LNCS. 2000. Vol. 1765. P. 7–17.

¹⁵ Hollands R.G. Will the real smart city please stand up? // Intelligent, Progressive or Entrepreneurial. City. 2008. N 12 (3). P. 303–320.

¹⁶ Nam T., Pardo T. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions // Proceedings of the 12th International Conference on Digital Government Research. N.Y., 2011. P. 282–291.

¹⁷ Gil-Castineira F., Costa-Montenegro E., Gonzalez-Castano F., López-Bravo C., Ojala T., Bose R. Experiences inside the ubiquitous Oulu smart city // Computer. 2011. Vol. 44. N 6. P. 48–55.

¹⁸ Kitchin R. The real-time city? Big data and smart urbanism // GeoJournal. 2014. N 79 (1). P. 1–14.

¹⁹ Castells M. The informational city: economic restructuring and urban development. Oxford, 1989.

²⁰ Franz P. From university town to knowledge city: strategies and regulatory hurdles in Germany // Knowledge-Based Urban Development: Planning and Applications in the Information Era / Ed. by T. Yigitcanlar, K. Velibeyoglu, S. Baum. N.Y., 2008. P. 101–115.

²¹ Papa R., Galderisi A., Vigo Majello M.C., Saretta E. Smart and resilient cities a systemic approach for developing cross-sectoral strategies in the face of climate change // TeMA — Journal of Land Use, Mobility and Environment. 2015. Vol. 8. N 1. P. 19–49.

²² Cohen S. The sustainable city. Columbia, 2018.

²³ Negre E., Rosenthal-Sabroux C., Gascó M. A knowledge-based conceptual vision of the smart city // Proceedings of the 48th Hawaii International Conference on System Sciences. Honolulu, 2015. P. 2317–2325.

²⁴ Castelnovo W., Misuraca G., Savoldelli A. Smart cities governance: the need for a holistic approach to assessing urban participatory policy making // Social Science Computer Review. 2016. Vol. 34. N 6. P. 724–739.

Соответственно, значительно повысилась значимость институциональных и человеческих факторов урбанистического развития, в частности вопроса “как граждане вовлечены в развитие умных городов”. Дискуссии об ожидаемой и реальной роли граждан в современных, диджитализированных городах были начаты еще в прошлом веке²⁵, описывая использование данных в административных и управленческих целях, а роли горожан в качестве точки ввода данных (data-point), пользователя, инвестора, объекта мониторинга и контроля и т.д.²⁶

Различные роли горожан были структурированы рядом исследователей²⁷, наиболее структурированная форма анализа представлена в так называемой “*ladder of citizen participation*”. Участие граждан, как правило, оценивается с точки зрения силы их участия (*citizen power*) и ранжируется в пределах от неучастия до полного вовлечения. Причем как крайние позиции, так и внутренние ранги декомпозируются на несколько ступеней или уровней: манипуляция, терапия, информирование, консультация, умиротворение, делегирование полномочий и контроль²⁸.

Шкала не раз подвергалась критическому анализу, переработке и дополнениям, на ее принципах которой в дальнейшем проводились исследования и ранжирование значимости различных форм участия²⁹.

С точки зрения развития умных городов наиболее значимой представляется работа по созданию более детализированной модели участия умных граждан (*scaffold*)³⁰, дополнительно к уровню уча-

²⁵ Forrester J.W. Urban dynamics. Cambridge, 1969; Castells M. The informational city: information technology. Economic restructuring and the urban-regional process. Oxford, 1988; Langton S. What is citizen participation? // Citizen Participation in America / Ed. by S. Langton. Lexington, 1978.

²⁶ Castells M. The rise of the network society. Oxford, 1996.

²⁷ Kweit R.W., Kweit M.G. Bureaucratic decision-making: impediments to citizen participation // Polity. 1980. N 12 (4). P. 647–666; Simrell K.C., Feltey K.M., O'Neill Susel B. The question of participation: toward authentic public participation in public administration // Public Administration Review. 1998. N 58 (4). P. 317–326; Clayton T.J. Public involvement in public management: adapting and testing a borrowed theory // Public Administration Review. 1990. N 50 (4). P. 435–445; Public Participation in Public Decisions: New Skills and Strategies for Public Managers. San Francisco, 1995.

²⁸ Arnstein S.R. A ladder of citizen participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. N 35 (4). P. 216–224.

²⁹ Wilcox D. The guide to effective participation. L., 1994; Choguill G. A ladder of community participation for underdeveloped countries // Habitat International. 1996. N 20 (3). P. 431–444.

³⁰ Cardullo P., Kitchin R. Being a ‘citizen’ in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland // GeoJournal (online first). 2018a. URL: <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9845-8>.

ствия, содержащего характеристики роли, характера вовлеченности, а также политического дискурса, в рамках которого происходит взаимодействие между горожанином и городом. С расширением значимости социального (человеческого) фактора в урбанистическом развитии, актуальность оценки или измерения человеко-ориентированности или человеко-центричности подтверждается ростом исследований в данном направлении³¹.

В целом считается, что вовлечение горожан позволяет повысить демократичность принимаемых решений, обеспечить их легитимность и прозрачность, в итоге повысить качество городской инфраструктуры и сервисов, а также обеспечить социальную инклюзивность и высокий уровень социализации³².

Ключевым отличием вовлечения граждан (*citizen participation*) от политических форм участия, основанных на голосовании, признается формирование таких форм взаимодействия как *co-production*³³, *co-creation*³⁴. Технологии обеспечивают позволяют упростить, удешевить и обеспечить высокую прозрачность процессов управления, что создает условия эффективной коллаборации в интересах участников³⁵. Следует понимать, что вовлечение граждан в урбанистическое развитие требует перехода к партисипативным практикам управления со стороны городских или национальных властей³⁶.

В случае с концепцией умного города термин “смарт” означает рост значимости планирования “снизу-вверх”, децентрализацию управления развитием, ориентацию на коллаборацию и вовлечение жителей в модели управления городом³⁷, что ведет к более полному

³¹ Malek J.A., Lim S.B., Yigitcanlar T. Social inclusion indicators for building citizen-centric smart cities: a systematic literature review // Sustainability. 2021. N 13 (1). P. 376.

³² Bovaird T. Beyond engagement & participation: user & community co-production of public services // Public Administration Review. 2007. N 67 (5). P. 846–860.

³³ Stephens L., Ryan-Collins J., Boyle D. Co-production. A manifesto for growing the core economy. L., 2008.

³⁴ Voorberg W.H., Bekkers V.J.J.M., Tummers L.G. A systematic review of co-creation and co-production: embarking on the social innovation journey // Public Management Review. 2015. N 17 (9). P. 1333–1357. URL: <https://doi.org/10.1080/14719037.2014.930505>.

³⁵ Nam T., Pardo T.A. The changing face of a city government: a case study of Philly311 // Government Information Quarterly. 2014. N 31. S1–S9.

³⁶ Dameri R.P., Benevolo C. Governing smart cities: an empirical analysis // Social Science Computer Review. 2016. N 34. P. 693–707; Mohseni H. Public engagement and smart city definitions: a classifying model for the evaluation of citizen power in 2025 Tehran // GeoJournal. 2021. N 86 (3). P. 1261–1274; Alonso R.G., Lippez-De Castro S. Technology helps, people make: a smart city governance framework grounded in deliberative democracy // Smarter as the New Urban Agenda. 2016. Springer. P. 333–347.

³⁷ Dameri R.P. Searching for a smart city definition: a comprehensive proposal // International Journal of Advanced Computer Technology. 2013. Vol. 11. N 5. P. 2544–2551.

вовлечению заинтересованных сторон и возникновению многосторонних связей или отношений, которые, в свою очередь, позволяют продуктивно использовать потенциал горожан³⁸.

Институционализация гражданского участия осуществляется на уровне трансформации бизнес-процессов государственных органов, в особенности, в части оказания услуг³⁹. Использование технологий считается инструментом, способным не только усилить интерес граждан к участию в управлении и снизить стоимость взаимодействия⁴⁰, но и легитимизировать и эффективно использовать потенциал граждан. Технологии заменяют вертикальное, бюрократизированное взаимодействие на более эгалитарное и горизонтальное⁴¹, основанное на более прямых способах контактирования граждан и представителей государства. Взаимодействие может быть формализовано (институционализировано), что, однако не означает высокого качества⁴².

Взаимодействие происходит на разных уровнях государственного управления и принимает различные конфигурации и формы. Граждане контактируют, используя различные инструменты, например, вербально или онлайн, участвуют на разных стадиях политических и управленческих процессов, например, подготовка повестки, разработка политики или стратегий, подготовка к внедрению, внедрение, обратная связь или коммуникации.

Разработка и тестирование шкалы (методология)

В качестве задачи исследования было определено следующее: определение степени понимания и глубины принимаемых и планируемых мер по расширению вовлечения граждан при внедрении технологий умных городов. В рамках исследования взаимодействие между городом и жителями оценивалось с точки зрения горожан.

³⁸ Nam T., Pardo T.A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions // 12th Annual International Conference on Digital Government Research. College Park, 2011. P. 282–291.

³⁹ Bokayev B., Davletbayeva Z., Amirova A., Rysbekova Z., Torebekova Z., Jussupova G. Transforming E-government in Kazakhstan: a citizen-centric approach // The Innovation Journal. 2021. N 26 (1). P. 1–21.

⁴⁰ Marres N. Material participation: technology, the environment and everyday publics. L., 2012.

⁴¹ Macintosh A., Coleman S., Schneeberger A. eParticipation: the research gaps // Electronic Participation. 2009. N 5694. P. 1–11.

⁴² Yetano A., Royo S., Acerete B. What is driving the increasing presence of citizen participation initiatives? // Environment and Planning C: Government and Policy. 2010. N 28 (5). P. 783–802. URL: doi:10.1068/c09110.

Позиция горожан оценивается в ответ на инициативы властей по применению современных технологий при внедрении концепции *Smart City*.

В качестве базового метода сбора данных использовалась квотная выборка. Квотная выборка была рассчитана в соответствии с демографической ситуацией в городах, исходя из численности горожан в возрасте старше 16 лет, с выделением по возрасту, полу горожан в качестве квотных признаков ($N=930$, ошибка не более 3,5%).

Получение количественных данных в результате выборочного обследования среди городских жителей было использовано для определения восприятия горожанами изменений, связанных с внедрением *Smart City*, а также их готовностью к более активному участию в процессах городского управления. Обследование проводилось в два этапа: на первом, проведенном в пилотном режиме в рамках одного города были протестировано качество формулировок вопрос и валидирована эмпирическая ценность полученных ответов, на втором этапе в течение периода май-сентябрь 2021 г. были собраны ответы по 18 крупнейшим городам Казахстана.

На пилотной фазе были исследовано мнение горожан по следующим вопросам: “Какие ожидания от проектов умного города Вы имеете?”, “Что можно достигнуть, используя современные технологии?”, “Каким образом Вы реагируете на городские проблемы?”, а также демографические вопросы. Автором были использованы 25 утверждений по текущему уровню и удовлетворенности использованием умных городских сервисов, мотивации к участию в планировании городских проектов. Утверждения были преобразованы (*paraphrased*) в вопросы, ответы на которые оценивались по шкале Ликерта, в которой 1 означает полное несогласие, 7 — абсолютное согласие. По результатам были исключены 4 утверждения и уточнены отдельные формулировки. В основной фазе обследования использовалось 21 утверждение. Дополнительные разъяснения не предлагались, неполные либо некорректные ответы были удалены.

Следует отметить, что Казахстан является подходящим примером изучения рассматриваемых явлений по четырем причинам. Во-первых, в Казахстане распределение полномочий и ответственности на уровне городов республиканского значения достаточно для выбора направлений и глубины внедрения как технологических, так и административно-управленческих решений. Существующая концентрация полномочий назначаемых руководителей городов, которые в Казахстане назначаются на национальном или надправи-

тельствственном уровне и городской бюрократии, определяет не только направления развития, но, что более важно, их скорость и формы взаимодействия. На уровне отдельных городов существует гибкость в выборе приоритетных направлений финансирования проектов, связанных с внедрением концепции умных городов.

Во-вторых, Казахстан находится в процессе модернизации и реформирования политической системы, результатом которой является переход к прямым выборам главы городской администрации (акима), что мотивирует менеджмент города на более полный учет требований общественности.

В-третьих, в Казахстане значителен прогресс по внедрению систем электронного правительства, государственных онлайн-сервисов, систем открытых данных, включая применение систем онлайн-петиций и голосования.

В-четвертых, наблюдается повышение интереса и возможностей активного участия граждан в местном городском планировании, в частности путем подачи мнений и голосования при формировании перспективных бюджетов крупных городов, а также повышение восприимчивости городских властей к мнению горожан, выражаемых в социальных сетях, пабликах, группах.

Мнение горожан было изучено в контексте их понимания применимости технологий, ожиданий от внедрения технологий, в частности проектов “умных городов”, готовности к участию в офлайн и онлайн взаимодействию горожан с городскими властями. Согласно структуры вопросника было определено мнение горожан относительно понимания текущего и возможного использования технологий, отношения к качеству использования данных городскими властями, отношения к коррупционным проявлениям, потенциалу использования технологий, а также готовности активного либо пассивного участия в деятельности, связанной с реализации проектов городского развития.

Общее количество вопросов, включая социально-демографические составило 29, из которых 21 было представлено в виде шкалы Ликерта. Всего было получено более 1000 анкет, из которых валидными были признаны 930.

Результаты теста *Kaiser-Meyer-Olkin* (КМО) 0,788, сферичность по Бартлеру 3534,572 ($p=0.000$). Тестами подтверждена адекватность выборки, переменные коррелируют, что является достаточным для факторного анализа. При проведении разведочного факторного анализа (*Exploratory Factor Analysis*) были выявлены 5 факторов, с собственными значениями (*Eigen*) от 1,043 до 4,088. Указанные факторы объясняют 59,16% общей вариативности. Значения *Alpha*

Cronbach для анализируемых пунктов адекватны, так как выше порога 0,7(0,814)⁴³.

Группировка и наименование факторов позволяет завершить разведывательный анализ. Так, первым фактором определена “Готовность к взаимодействию”, данный фактор включает утверждения 16, 17, 19, 20, 21, 15 и объясняет более четверти дисперсии. Данный фактор отражает готовность горожан к участию в деятельности по развитию города, причем вне зависимости от формата вовлечения (оффлайн, онлайн). Фактор отражает стремление горожан к реализации своих гражданских прав.

Вторым фактором является “Ожидания улучшений”, включающем утверждения 10, 11, 13, 15. Фактор фиксирует 10,2% дисперсии и отражает уверенность в том, что технологии, включая те, которые относятся к умным городам, улучшают уровень или качество жизни горожан. Третий фактор “Готовность к использованию” отражает представления конечных пользователей о полезности и удобстве использования технологий умного города для их личной и профессиональной жизни. Относимые к данному фактору утверждения 6,7 объясняют 8,8% дисперсии.

Четвертый фактор “Обеспокоенность эффективностью” фиксирует 7,3% дисперсии и отражает недоверие горожан к внедрению технологий. Фактор включает утверждения 2 и 4. Пятый фактор “Обеспокоенность злоупотреблениями”, включает утверждения 3 и 5, фиксирует 6,5% дисперсии. Фактор отражает наличие у конечных пользователей подозрений относительно использования данных и возможностей злоупотребления при управлении ресурсами. Финальная повернутая матрица представлена в табл.

Таблица

**Результаты разведывательного факторного анализа (EFA),
повернутая матрица (n=930)**

Утверждение	Фактор				
	1	2	3	4	5
Q16	0,778				
Q19	0,731				
Q21	0,643				
Q20	0,631				
Q17	0,628				
Q15	0,467				

⁴³ Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R.E., Tatham R.L. Multivariate. Data Analysis. Englewood Cliffs, 2006.

Q13		0,715			
Q12		0,660			
Q10		0,511			
Q11		0,509			
Q6			0,798		
Q7			0,794		
Q4				0,757	
Q2				0,709	
Q5					0,877
Q3					0,405
Eigen value	4,088	1,633	1,535	1,167	1,043
Variance Explained	25,552	10,205	9,593	7,293	6,518

Подтверждающий факторный анализ был проведен для подтверждения структуры выделенных факторов с использованием программного обеспечения AMOS. Тест Harman's single factor, показывает, что один фактор объясняет 24,493% дисперсии или отсутствие смещения (*common method bias*). Для более глубокой проверки выявленных факторов нами были рассчитаны показатели *GFI, NFI, TLI, IFI, CFI, and RMSEA*. Каждый из показателей *GFI, NFI, TLI, IFI* близок или превышает пороговые значения. Пятифакторная модель показывает хорошее соответствие (*model fit*): $\chi^2 = 161,180$, $\chi^2/\text{dof} = 4,884$, $p = ,007$, $GFI = 0,969$, $TLI = 0,816$, $NFI = 0,868$, $CFI = 0,89$, $IFI = 0,892$, and $RMSEA = 0,065$.

Технологии умных городов в конечном итоге должны удовлетворять спрос конечных пользователей на сервисы, обеспечивать эффективное взаимодействие города и горожан, при этом сами сервисы должны быть востребованы и удобны в использовании.

В результате факторного анализа были выявлены пять факторов, отражающих восприятие горожанами процесса внедрения технологий умных городов: готовность к взаимодействию, ожидания улучшений, готовность к использованию, обеспокоенность эффективностью, обеспокоенность злоупотреблениями.

Первый фактор, "Готовность к взаимодействию" включает следующие компоненты: готовность к участию в планировании в офлайн формате (Q16), готовность к использованию онлайн-инструментов (Q17), потребность в наличии большего количества сервисов, обеспечивающих вовлечение граждан в развитие (Q15), понимание роли городских властей в процессе разработки инициатив по развитию (Q20), пониманию контролирующей роли граждан (Q21). Большинство горожан демонстрируют высокий уровень

понимания и готовности к участию в процессах развития городов. Средние оценки по компонентам колеблются в диапазоне 3,2–4,0 по пятибалльной шкале, причем готовность к участию в офлайн формате ниже в сравнении с готовностью использовать онлайн-инструменты.

Второй фактор, “Ожидание улучшений” включает компоненты, отражающие потребность в различных городских сервисах: больше сервисов по поиску культурных или общественных мероприятий на уровне определенного района города (Q10), сервисов, улучшающих уровень жизни (Q11), удовлетворенность (Q12), общее качество жизни (Q13). Данный набор факторов ожидаемо получил высокие оценки, так как горожане понимают, что технологии должны улучшать различные характеристики качества жизни. В принципе, данный вывод подтверждается аналогичными исследованиями⁴⁴.

Третий фактор, “Готовность к использованию” демонстрирует уровень собственной готовности использования технологий (Q6) и оценку готовности использования современных решений другими пользователями (Q7). Полученные оценки отражают наличие значительного потенциала и потребности в популяризации технологий для использования. Превышение оценки уровня собственного использования в сравнении с оценкой использования другими горожанами косвенно отражает недостаточность существующих сервисов, при понимании возможностей технологий. Первые три выделенных фактора отражают формирование осознанного спроса и наличие определенных ожиданий от внедрения современных технологических решений.

Четвертый фактор, “Обеспокоенность эффективностью” включает два компонента: «Я думаю, что на услуги “умного города” тратится много денег, но они не предлагают ничего существенного обществу и отдельным людям» (Q2) и «Я думаю, что нам не хватает базовой инфраструктуры в городе, и поэтому услуги “умного города” — бессмысленная роскошь» (Q4). Результаты показывают наличие сомнений рационального использования средств в технологии умных городов.

Пятый фактор, “Обеспокоенность злоупотреблениями” включает компоненты, отражающие наличие озабоченности коррупционных проявлений (Q3) и непрозрачности использования персональных данных (Q3). Исследование показывает высокий уровень ожиданий от технологий. Вместе четвертый и пятый факторы отра-

⁴⁴ Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R.E., Tatham R.L. Multivariate. Data Analysis. Englewood Cliffs, 2006.

жают наличие высокого уровня требований со стороны горожан по возврату инвестиций и прозрачности использования данных.

Обсуждение

Проведенное исследование является, с одной стороны, (а) попыткой концептуализации и операционализации восприятия городскими казахстанцами изменений, вызванных внедрением современных технологий и, с другой стороны, попыткой разработать и эмпирически протестировать шкалу или систему для оценки изменений, происходящих на уровне взаимодействия городских властей и горожан. Результаты тестирования разработанной шкалы позволяют отслеживать изменения информационного взаимодействия участников системы городского управления. С методологической точки зрения, исследователи получают возможность проведения более глубокого анализа и поиска изменений в рамках разработанного подхода. Гибкость используемого подхода позволяет проводить более глубокую детализацию и структуризацию исследуемой области, тем самым получая возможность анализа неочевидных фактов и социальных феноменов, происходящих при внедрении современных концепций городского развития.

Полученная пятифакторная модель показывает, что несмотря на очевидные и декларируемые выгоды от использования технологий, необходимо ориентироваться прежде всего на конечного пользователя или, точнее, на потребности и ожидания горожанина. При внедрении новшеств следует учитывать наличие озабоченности качеством управления, выросшими требованиями или ожиданиями по перечню и уровню предоставляемых сервисов, а также демонстрируемым ростом понимания потенциала технологий практически вне зависимости от возрастных рамок.

Социальное воздействие технологий приводит к изменениям институционального характера:

- на уровне городских властей и управленческих процессов происходит внедрение более открытых форм и методов взаимодействия с горожанами, даже без политических изменений формируется более демократическая система инициации, планирования решений и контроля за качеством их реализации;
- на уровне горожан происходят изменения характеристики и роли горожанина, формируются смежные или композитные деления шкал распределения ролей и полномочий, используемых для оценки вовлеченности граждан в процессы управления.

Исследование показывает, что критически важным является необходимость учета требований или ожиданий пользователей при внедрении инициатив умного города, в особенности в контексте более открытых систем управления и демократизации принятия решений. С практической точки зрения необходимо учесть следующее:

1) политика внедрения технологических решений, включая проекты “умного города” должна быть ориентирована на социальные вызовы и потребности конечных выгодополучателей. Необходимо обеспечить внедрение сервисов и интерфейсов, позволяющим горожанам участвовать в процессах управления и городского развития. Тем самым будет постепенно расширяться партисипативные практики, происходить открытие и оптимизация бизнес-процессов и повышаться эффективность управления;

2) необходимо обеспечить как прозрачность процессов принятия решений, так и объяснение рациональности использования средств, направляемых на внедрение технологий. Дополнительный положительный эффект может иметь популяризация или демонстрация выгод и реально получаемых эффектов, тем самым будет формироваться поддержка модернизации и инноваций со стороны горожан. Открытость позволит расширить гражданскую активность и уровень доверия, будет способствовать более эффективному взаимодействию и принятию эффективных решений;

3) необходимо повышать зрелость процессов взаимодействия, обеспечить их переход от инициативных изменений или нерегулярных действий к полноценным политикам утверждения планов, проектов, программ городского развития. Изменения бизнес-процессов необходимо формализовывать и распространять в качестве лучших практик, тем самым обеспечивая осознанный характер вовлечения граждан в процессы управления.

Ограничения исследования

Несмотря на полученные результаты, необходимо отметить следующие ограничения. Использованный размер выборки ($N=930$) мог не обеспечить достаточного уровня надежности отдельных выводов. На результаты могло значительно повлиять мнение исследователя, так как использовались методы факторного анализа и авторская (экспертная) интерпретация. Частично возможный уклон (*bias*) был компенсирован использованием интервьюированием ответственных за внедрение умных городов.

Риски некорректного предоставления данных или их интерпретации были снижены, но не устранены полностью: методы триан-

гуляции были использованы для повышения надежности и верифицируемости результатов, однако полная гарантия не может быть представлена.

Поскольку задача исследования была сформулирована широко, исследование проводилось в несколько стадий, на каждой из которых проводилась интерпретация данных, что могло привести к потери отдельных и, возможно, важных факторов. В данной связи, при проведении дальнейших исследований необходимо обеспечить интеграцию используемых методологических решений.

Выводы

В данном исследовании оценивалось отношение горожан к изменениям, связанным с внедрением концепции *Smart City*. Очевидно, что понимание потребностей, ожиданий и готовности граждан к участию должно служить не только причиной внедрения технологий *Smart City*, но и предпосылкой для будущего устойчивого городского развития.

Жизнь в городской среде, особенно в умном городе, требует навыков взаимодействия и сотрудничества всех заинтересованных сторон. Если исторически городские власти могли ограничиваться принятием решений по принципу “сверху-вниз” в рамках иерархической административно-управленческой модели, то в современных условиях эта модель неэффективна.

В то же время меняются ожидания граждан, их поведение и роли. Граждане развивают понимание своей собственной роли не только как получателей общественных благ и городских услуг, но и как потенциального источника перемен, новой институциональной силы, ведущей к демократизации общества. Утверждается, что успех реализации концепции умных городов в большей степени зависит от понимания особенностей и возможностей вовлечения граждан в непосредственное участие в общественной жизни.

Подход масштабного развития в сочетании с качественными и количественными методами был использован для определения восприятия горожанами удобства использования, ценности и областей для участия в принятии решений на городском уровне. Была определена шкала, позволяющая оценить следующие группы параметров *Smart City*: готовность к взаимодействию, ожидания улучшений, готовность к использованию, обеспокоенность эффективностью, обеспокоенность злоупотреблениями. Результаты демонстрируют необходимость применения ориентированного на расширение взаимодействия городских властей и граждан, модернизацию подхода к реализации проектов *Smart City*.

Эмпирический анализ показывает, что у горожан формируется понимание собственной роли не просто в качестве получателей общественных благ и городских сервисов, а потенциального источника изменений, новой институциональной силы, ведущей к демократизации общества. Утверждается, что успешность внедрения концепции умных городов в большей мере зависит от понимания особенностей и возможностей вовлечения горожан в непосредственное участие в общественной жизни.

Исследователям в сфере *Smart City* предлагается использовать разработанные теоретические и методологические подходы для более глубокого анализа прогресса внедрения технологий *Smart City*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Alonso R.G., Lippez-De Castro S. Technology helps, people make: a smart city governance framework grounded in deliberative democracy // *Smarter as the New Urban Agenda*. 2016. Springer. P. 333–347.

Arnstein S.R. A ladder of citizen participation // *Journal of the American Institute of Planners*. 1969. N 35 (4). P. 216–224.

Batty M. The computable city // *International Planning Studies*. 1997. N 2 (2). P. 155–173.

Bokayev B., Davletbayeva Z., Amirova A., Rysbekova Z., Torebekova Z., Jussupova G. Transforming E-government in Kazakhstan: a citizen-centric approach // *The Innovation Journal*. 2021. N 26 (1). P. 1–21.

Boulton A., Brunn S.D., Devriendt L. Cyberinfrastructures and “smart” world cities: physical, human, and soft infrastructures // *International Handbook of Globalization and World Cities* / Ed. by B. Derudder, M. Hoyler, P.J. Taylor, F. Witlox. Cheltenham, 2011. P. 198–208.

Bovaird T. Beyond engagement & participation: user & community co-production of public services // *Public Administration Review*. 2007. N 67 (5). P. 846–860.

Cardullo P., Kitchin R. Being a “citizen” in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation // *The Programmable City Working Paper*. 2017. N 30.

Cardullo P., Kitchin R. Being a ‘citizen’ in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland // *GeoJournal* (online first). 2018. <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9845-8>.

Castells M. The informational city: information technology. Economic restructuring and the urban-regional process. Oxford, 1988.

Castells M. The informational city: economic restructuring and urban development. Oxford, 1989.

Castells M. The rise of the network society. Oxford, 1996.

Castelnovo W., Misuraca G., Savoldelli A. Smart cities governance: the need for a holistic approach to assessing urban participatory policy making // *Social Science Computer Review*. 2016. Vol. 34. N 6. P. 724–739.

Choguill G. A ladder of community participation for underdeveloped countries // *Habitat International*. 1996. N 20 (3). P. 431–444.

Chourabi H., Nam T., Walker S., Gil-Garcia J.R., Mellouli S., Nahon K., Scholl H.J. and all. Understanding smart cities: an integrative framework // Proceedings of the 45th Hawaii International Conference on System Sciences. Honolulu, 2012. P. 2289–2297.

Clayton T.J. Public involvement in public management: adapting and testing a borrowed theory // *Public Administration Review*. 1990. N 50 (4). P. 435–445.

Cohen S. The sustainable city. Columbia, 2018.

Dameri R.P. Searching for a smart city definition: a comprehensive proposal // *International Journal of Advanced Computer Technology*. 2013. Vol. 11. N 5. P. 2544–2551.

Dameri R.P., Benevolo C. Governing smart cities: an empirical analysis // *Social Science Computer Review*. 2016. N 34. P. 693–707.

Dror M., Zehavi A. Delimiting citizen participation: how Israeli mayors get the most out of the process // *Local Government Studies*. 2020. Sept. DOI:10.1080/0303930.2020.1821663.

Dutton W.H., Blumler J.G., Kraemer K.L. Wired cities: shaping future communication. N.Y., 1987.

Forrester J.W. Urban dynamics. Cambridge, 1969.

Franz P. From university town to knowledge city: strategies and regulatory hurdles in Germany // *Knowledge-Based Urban Development: Planning and Applications in the Information Era* / Ed. by T. Yigitcanlar, K. Velibeyoglu, S. Baum. N.Y., 2008. P. 101–115.

Gil-Castineira F., Costa-Montenegro E., Gonzalez-Castano F., López-Bravo C., Ojala T., Bose R. Experiences inside the ubiquitous Oulu smart city // *Computer*. 2011. Vol. 44. N 6. P. 48–55.

Graham S., Marvin S. Planning cybercities: integrating telecommunications into urban planning // *Town Planning Review*. 1999. N 70 (1). P. 89–114.

Granier B., Kudo H. How are citizens involved in smart cities? Analysing citizen participation in Japanese “Smart Communities” // *Information Polity*. 2016. Vol. 21. N 1. P. 61–76.

Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R.E., Tatham R.L. Multivariate. Data Analysis. Englewood Cliffs, 2006.

Hollands R.G. Will the real smart city please stand up? // *Intelligent, Progressive or Entrepreneurial. City*. 2008. N 12 (3). P. 303–320.

Ishida T. Understanding digital cities // *Digital cities. LNCS*. 2000. Vol. 1765. P. 7–17.

Kitchin R. The real-time city? Big data and smart urbanism // *GeoJournal*. 2014. N 79 (1). P. 1–14.

Kweit R.W., Kweit M.G. Bureaucratic decision-making: impediments to citizen participation // *Polity*. 1980. N 12 (4). P. 647–666.

Langton S. What is citizen participation? // *Citizen Participation in America* / Ed. by S. Langton. Lexington, 1978.

Lytras M.D., Visvizi A., Chopdar P.K., Sarirete A., Alhalabi W. Information management in smart cities: turning end users’ views into multi-item scale development, validation, and policy-making recommendations // *International Journal of Information Management*. 2021. N 56. P. 102–146.

Macintosh A., Coleman S., Schneeberger A. eParticipation: the research gaps // *Electronic Participation*. 2009. N 5694. P. 1–11.

Malek J.A., Lim S.B., Yigitcanlar T. Social inclusion indicators for building citizen-centric smart cities: a systematic literature review // *Sustainability*. 2021. N 13 (1). P. 376.

Marres N. Material participation: technology, the environment and everyday publics. L., 2012.

Mitchell W.J. City of bits: space, place and the infobahn. Cambridge, 1995.

Mohseni H. Public engagement and smart city definitions: a classifying model for the evaluation of citizen power in 2025 Tehran // *GeoJournal*. 2021. N 86 (3). P. 1261–1274.

Nam T., Pardo T.A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions // 12th Annual International Conference on Digital Government Research. College Park, 2011. P. 282–291.

Nam T., Pardo T.A. The changing face of a city government: a case study of Philly311 // *Government Information Quarterly*. 2014. N 31. S1–S9.

Negre E., Rosenthal-Sabroux C., Gascó M. A knowledge-based conceptual vision of the smart city // *Proceedings of the 48th Hawaii International Conference on System Sciences*. Honolulu, 2015. P. 2317–2325.

Papa R., Galderisi A., Vigo Majello M.C., Saretta E. Smart and resilient cities a systemic approach for developing cross-sectoral strategies in the face of climate change // *TeMA — Journal of Land Use, Mobility and Environment*. 2015. Vol. 8. N 1. P. 19–49.

Peters B.G., Pierre J. Governance without government? Rethinking public administration // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1998. N 8 (2). P. 223–243.

Public participation in public decisions: new skills and strategies for public managers. San Francisco, 1995.

Simrell K.C., Feltey K.M., O'Neill Susel B. The question of participation: toward authentic public participation in public administration // *Public Administration Review*. 1998. N 58 (4). P. 317–326.

Stephens L., Ryan-Collins J., Boyle D. Co-production. A manifesto for growing the core economy. L., 2008.

Van der Hoogen A., Scholtz B., Calitz A.P. Using theories to design a value alignment model for smart city initiatives // *International Federation for Information Processing* / Ed. by M. Hattingh. Berlin; Heidelberg, 2020. P. 55–66.

Voorberg W.H., Bekkers V.J.J.M., Tummers L.G. A systematic review of co-creation and co-production: embarking on the social innovation journey // *Public Management Review*. 2015. N 17 (9). P. 1333–1357. URL: <https://doi.org/10.1080/14719037.2014.930505>.

Wilcox D. The guide to effective participation. L., 1994.

Yang K., Pandey S.K. Further dissecting the black box of citizen participation: when does citizen involvement lead to good outcomes? // *Public administration review*. 2011. N 71 (6). P. 880–892.

Yetano A., Royo S., Acerete B. What is driving the increasing presence of citizen participation initiatives? // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2010. N 28 (5). P. 783–802. URL: [doi:10.1068/c09110](https://doi.org/10.1068/c09110).

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-292-337

ЭМПИРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ: РАДИКАЛИСТСКИЙ ТИП СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

А.А. Осеев, докт. социол. наук, проф. кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена методологическим и методическим основам исследования личностных качеств руководителей и рядовых работников организаций. В отличие от предыдущих работ автора, посвященных исследованию личностных качеств руководителей, включая государственных служащих в работах Платона, Аристотеля и М. Вебера, где были представлены эмпирически модели структуры личностных качеств руководителей целерационального, ценностно-рационального, аффективного и традиционного типов социального действия (по М. Веберу), в данной публикации представлены собранные воедино результаты проведенных в разное время в разных организациях исследований об эмпирических моделях структуры личностных качеств руководителей и рядовых работников “радикалистского типа социального действия”, что расширяет понимание концептуального подхода о четырех типах социального действия М. Вебера. А сами эмпирические модели могут быть полезны для решения прикладных задач в области управления организацией.

Чем больше продолжалась работа по сбору эмпирических данных, тем интереснее становился теоретический и практический вопрос. Насколько часто встречаются люди радикалистского типа социального действия? В каких типах социальных институтов, в каких профессиях радикалистский тип представлен наиболее ярко? Что в структуре личностных качеств отличает радикалистское поведение представителей мирных профессий (государственных служащих, врачей, педагогов и пр.) от отдельных категорий профессиональных военных. Если радикалистской поведение является профессионально важным качеством работников, то как измерить склонность личности к радикалистскому поведению?

Проведенный анализ показал, что по этой шкале консерватизм–радикализм черты расположены на разных, противоположных “полюсах одной оси координат”. Поэтому, как и при исследовании традиционного поведения, выделяются следующие направления социологических исследований радикалистского поведения. В рамках первого направления основное внимание в структуре личностных качеств уделяется традиционной составляющей, верности “следованию привычке” (по М. Веберу); в структуре личности этого типа консер-

* Осеев Александр Александрович, e-mail: oseev.a@mail.ru

вативные черты носят доминирующий характер, по сравнению с теми, кто настроен на коренное, радикальное изменение и слом устоявшихся порядков и традиций. В рамках второго направления основное внимание в структуре личностных качеств уделяется следованию традициям, которое в равной степени сочетается с радикалистским настроем, готовностью к инновациям. В рамках третьего направления, важного для задач нашего нового исследования, в структуре личностных качеств радикалистские черты доминируют над консервативными; отчетливо проявляется недоверие к авторитетам, склонность к нарушению привычек, готовностью к инновациям, радикалистский настрой на перемены.

Ключевые слова: радикализм, личностные качества эффективных руководителей государственной службы, сферы безопасности, здравоохранения, образования, промышленных предприятий, категорий “группы риска”, верификация типов социального действия М. Вебера, радикалистский тип социального действия в эмпирических моделях эффективных руководителей.

EMPIRICAL MODELS OF THE STRUCTURE OF PERSONAL QUALITIES OF LEADERS: A RADICALIST TYPE OF SOCIAL ACTION (RESULTS OF APPLIED RESEARCH)

Oseev Aleksandr A., Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: oseev.a@mail.ru

The article is devoted to the methodological and methodological foundations of the study of the personal qualities of managers and ordinary employees of organizations. In contrast to the author's previous works devoted to the study of the personal qualities of leaders, including civil servants, in the works of Plato, Aristotle and M. Weber, where empirical models of the structure of the personal qualities of leaders of goal-rational, value-rational, affective and traditional types of social action were presented (according to M. Weber), this publication presents the combined results of research conducted at different times in different organizations on empirical models of the structure of personal qualities of managers and ordinary workers of the “radicalist type of social action”, which expands the understanding of the conceptual approach about the four types of social action by M. Weber. And the empirical models themselves can be useful for solving applied problems in the field of organization management.

The more the work of collecting empirical data continued, the more interesting the theoretical and practical question became. How common are people of the radicalist type of social action? In what types of social institutions, in what professions is the radicalist type represented most vividly? What in the structure of personal qualities distinguishes the radicalist behavior of representatives of peaceful professions (civil servants, doctors, teachers, etc.) from certain categories of professional military personnel? If radicalist behavior is a professionally important quality of workers, then how to measure the propensity of an individual to engage in radicalist behavior?

The analysis showed that on this scale, conservatism–radicalism, the features are located at different, opposite “poles of the same coordinate axis”. Therefore, as in the

study of traditional behavior, the following areas of sociological research of radicalist behavior are distinguished. Within the framework of the first direction, the main attention in the structure of personal qualities is paid to the traditional component, fidelity to "following the habit" (according to M. Weber); in the structure of this type of personality, conservative traits are dominant in comparison with those who are inclined to a radical, radical change and breakdown of established orders and traditions. Within the framework of the second direction, the main attention in the structure of personal qualities is paid to adherence to traditions, which is equally combined with a radicalist attitude, a willingness to innovate. Within the framework of the third direction, which is important for the tasks of our new study, in the structure of personality traits, radicalistic traits dominate over conservative ones; Distrust of authorities, a tendency to break habits, a willingness to innovate, and a radicalist attitude towards change are clearly manifested.

Key words: radicalism, personal qualities of effective leaders of public service, security, health care, education, industrial enterprises, categories of "risk groups", verification of the types of social action by M. Weber, radicalist type of social action in empirical models of effective leaders.

Актуальность социологического исследования радикалистского поведения. Радикалистские черты в структуре личностных качеств персонала организации различных сфер жизнедеятельности общества

Мы еще раз отмечаем, что важность исследования радикалистского поведения в нынешнее время интенсивных и напряженных кардинальных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества возрастает как никогда. Является ли радикалистской поведение профессионально важным личностным качеством персонала организации? Если да, то где, в каких сферах жизнедеятельности общества? Что сегодня должно быть приоритетным в развитии организации: инновационные, революционные изменения технологий, организационных структур и пр.? Или эволюционный процесс, в основе которого лежит опора на традиции, строгое следование сложившимся порядкам, принимать все как проверенное, несмотря на противоречия? Склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых идей? Если радикалистской поведение является профессионально важным качеством работников, то как измерить склонность личности к радикалистскому поведению? **Насколько часто встречаются люди радикалистского типа социального действия? В каких профессиях радикалистский тип представлен наиболее ярко?**

Первая попытка сразу, сходу ответить на вопрос: насколько часто встречаются люди радикалистского типа социального действия? И сказать, что, по имеющимся данным удельный вес таких состав-

ляет приблизительно 10%, казалась весьма “утопичной”, поскольку выводы строились из расчета средних значений при достаточно ограниченной выборке. Однако, судя по полученным эмпирическим данным сотрудников, попавших в выборку, различных организаций в различных сферах жизнедеятельности общества, это величина — 10% может считаться достаточно обоснованной.

При сборе новых и углубленном анализе уже имеющихся результатов исследований выяснилось, что в каждой профессиональной группе встречаются работники с *радикалистским типом* социального действия: врачи, военнослужащие и пр. Но в разных профессиональных группах удельный вес их разный. Военнослужащие (определенные профессиональные категории) составляют более 40%. Врачи: 4 из 7 всех врачей отделения клиники, т.е. свыше 70%. Студенты медицинских вузов: встречаются сразу — при первом случайном отборе, но масштабных исследований еще не проводилось. Государственные служащие; 1 из 5 руководителей, или 20% численности. Руководители-педагоги образовательных комплексов: 3 из 14 человек всего состава руководителей организации, или — 21%, это каждый 5 руководитель-педагог. Профессиональные водители (на примере московского управления инкассации при ЦБ РФ): из 109 водителей — 4 человека, или 5% обладали радикалистскими чертами. Среди двух автогонщиков — студентов одного из вузов г. Москвы, призеров журнала “За рулем” один выделялся радикалистским типом социального действия, был участником нескольких ДТП. Интерес представляют данные клинической психологии о “группах риска”. Среди 150 нами обследованных персонограмм работников различных профессиональных групп с симптомами паталогической эмоциональной неустойчивости и радикалистскими чертами был выявлен 1 чел., или 0,006%. Что весьма близко к соответствующей статистической величине удельного веса данной “группы риска” в обществе.

Рассмотрим полученные результаты по обследованным профессиональным группам более подробно.

Методологические основания исследования структуры личностных качеств руководителей и рядовых работников организации в концепции социального действия М. Вебера

Говоря о методологических и методических основаниях исследования структуры личностных качеств руководителей и рядовых работников с позиции концепции социального действия М. Вебера, мы, как бы не хотели, не можем обойти известные теоретические

положения. И поэтому просим извинения у читателей и редакции журнала, что вновь обращаемся к теоретическим основам, которые хорошо описаны как в научной литературе, так и нами в предыдущих наших публикациях. Особенность состоит в том, что в каждой новой публикации дается новое в понимании методики исследования различных типов социального действия М. Вебера и новые типичные эмпирические модели.

В одной из предыдущих наших работ говорили, что расскажем о результатах эмпирических исследований склонности личности... к радикалистскому типу социального действия, в каких профессиях востребованы радикалистские — в хорошем смысле слова — черты и радикалистское поведение выступает профессионально важным качеством. Мы завершили очередной этап исследований и представляем их результаты.

«Радикализм (от позднелат. *radicalis* — “коренной”, лат. *radix* — “корень”) — буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений и наиболее полных результатов в любой преобразовательной деятельности. Термин возник в Англии в конце XVIII в. и затем, уже в XIX в. получил распространение в континентальной Европе и обозначал социальную и политико-философскую мысль, ориентированную на общественные, политические, экономические и культурные преобразования и соответствующую реформаторскую практику. В эпоху промышленного переворота и буржуазных антифеодальных социальных революций радикализм выступил в качестве альтернативного варианта эволюционного общественного развития, который прочно утвердился в социальной и политической мысли и политической практике Европы и др. частей света XIX и большей части XX в.»¹

Как уже отмечалось, особую роль в формировании социологического подхода к изучению личностных качеств руководителя сыграли труды М. Вебера, его идеи о природе лидерства и теория социального действия. Концепция социального действия М. Вебера в наших исследованиях имеет не абстрактное и декларативное, а особое и вполне прикладное значение.

Очень кратко напомним, что, согласно М. Веберу, представляют типы социального действия. Как отмечает М. Вебер, “социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других. Столкновение двух велосипедистов, например,

¹ Новая философская энциклопедия. Радикализм. URL: philosophy.niv.ru/doc/new...articles...radikalizm.htm (дата обращения: 09.11.2021).

не больше, чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения — последовавшая за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта — является уже социальным действием². Он выделял четыре типа социального действия³.

О способах исследования склонности личности к целерациональному и ценностно-рациональному, аффективному поведению мы подробно писали в предыдущих своих публикациях⁴. Благодаря чему концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к верификации на практике. Целерациональные и ценностно-рациональные, аффективные склонности индивида вообще и руководителя в частности можно изучать, опираясь на классические социологические и психологические теории личности (в том числе на диспозиционную теорию) и методику Р. Кеттела — многофакторного исследования личностных качеств. Пример оценки ценностно-рациональной модели поведения был показан при обследовании личностных качеств руководителей (военнослужащих), целерациональной — предпринимателей⁵. О направлениях в исследовании аффективного типа социального действия мы писали в другой работе⁶. О направлениях исследовании традиционного типа социального действия готовится работа. При этом, как мы считаем, не получил должного подробного социологического анализа методический вопрос о направлениях и способах исследовании склонности личности к радикалистскому поведению.

² Вебер М. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. С. 628–636.

³ Там же.

⁴ Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 144–159; Они же. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 242–263.

⁵ Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей... С. 144–159; Галов А.А. Западный бизнесмен и отечественный предприниматель. (Опрос ВЦИОМ 23–29 июля 2001 г.). URL: levada.ru... biznesmen... otechestvennyi-predprinimatel (дата обращения: 25.12.2012); Падеев В.В. Человек в роли предпринимателя. // Экономическая социология. Курс лекций. М., 1997. С. 101–102.

⁶ Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера... С. 242–263.

Значение исследований радикалистского поведения с позиций прикладного социологического анализа

Методическое и прикладное значение исследования радикалистского поведения в нынешнее время стремительных изменений в различных сферах общественной жизни возрастает как никогда. Что сегодня должно быть приоритетным в динамике развитии организации? Инновационные, революционные перемены: управленческой структуры, технологий производства, взаимоотношений с персоналом? Или эволюционный процесс, в основе которого лежит опора на традиции? Строгое следование сложившимся порядкам, принимать все как проверенное, несмотря на противоречия, склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых идей?⁷

Безусловно, нельзя не согласиться с М. Вебером в том, что само традиционное поведение по своей сути не представляет для социологов какой-либо интерес, поскольку в основе традиций лежит длительная привычка. Традиционное поведение нельзя назвать сознательным, ибо в его основе лежит притупленная реакция на привычные раздражители. Она протекает по однажды принятой схеме. Раздражителями выступают различные табу и запреты. Нормы и правила, обычаи и традиции. Они передаются из поколения в поколение, таков, например, обычай гостеприимства, существующий у всех народов, которому следуют автоматически, в силу привычки вести себя так, а не иначе⁸. Но если встать на методологическую позицию М. Вебера, который говорил о важности изучения *конкурирующих*⁹ началах различных типов социального действия, а также принять во внимание то, что, описывая особенность самого традиционного действия, он отмечал: «Большая часть привычного повседневного поведения людей близка данному типу, занимающему определенное место в систематизации поведения не только в качестве пограничного случая, но и потому, что *верность привычке может быть здесь осознанна различным образом и в различной степени*»¹⁰ (Курсив — А.А. Осеев), то, как показывают проведенные исследования, открывается несколько направлений исследования традиционного и радикалистского поведения, имеющие прикладное значение. Покажем это на результатах исследований личностных качеств руководителей и рядовых работников. Особо отметим, что идея о

⁷ 16-ти факторный личностный опросник Кеттелла. 16 ФЛО-187-А. URL: <http://gurutestov.ru>test/60> (дата обращения: 13.01.2021).

⁸ Добренчиков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3. Социальные институты и процессы. М., 2000. С. 381.

⁹ Вебер М. Указ. соч. С. 629.

¹⁰ Там же. С. 628.

выделении доминирующих начал в структуре личностных качеств, включая качества руководителя, лидера в философии¹¹, социологии (качества, необходимые лидеру¹²) и психологии¹³ имеет свою особую традицию. Среди таких качеств, например, сам Р. Кеттел вслед за Аристотелем называл ответственность — фактор G. Уместно вспомнить принципиально важное концептуальное положение одного из основоположников российской психологии А.Н. Леонтьева, который, опираясь на идеи Л.С. Выготского о социальном опосредовании психической деятельности человека, считал, что “личность — это социальная сущность человека, и потому *темперамент, характер, способности и знания человека не входят* (курсив — А.А.Осеев) в состав личности в качестве ее подструктур, они лишь условия формирования этого образования социального по своей сущности. *Направленность и воля принадлежат личности*, ибо волевой поступок невозможно рассматривать вне иерархии мотивов, так и направленность есть непосредственное выражение мотивационных структур, т.е. ядра личности”¹⁴. Важность этого положения состоит в том, что в след за Аристотелем отстаивалась позиция о важности личностных качеств, приобретенных в процессе социализации¹⁵, которые могут играть решающую и даже *доминирующую* роль по отношению к врожденным (темпераменту и пр.).

Следует отметить, что идеи о *конкурирующих и доминирующих началах* в структуре личностных качеств играют важную, мы бы сказали, ключевую методологическую роль в выборе самой методики исследований, в определении основных направлений исследований и типов личностей!

Как и при исследовании традиционного поведения можно выделить следующие направления социологических исследований радикалистского — традиционного поведения и типы личностей с учетом, как отмечал М. Вебер, степени “осознания верности привычки различным образом и в различной степени”.

Первое направление: в структуре личностных качеств устойчивость по отношению к традициям, верность “следованию при-

¹¹ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. / Общ. ред. А.И. Доватура. Т. 4. М., 1983; Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Уч. пособ. М., 1981.

¹² Осипов Г.В. Менеджмент: Учеб. М., 2011. С. 286–290.

¹³ Чудина Е.А. Психологические особенности проявления эмоциональной неустойчивости личности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. URL: disscat.com/content...neustoichivosti-lichnosti (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁴ Столяренко Л.Д. Основы психологии в экзаменационных вопросах и ответах. Ростов н/Д., 2004. С. 198.

¹⁵ В процессе усвоения социальных норм и функций (социальных ролей, “благоприобретенных” по Аристотелю).

вычке” (по М. Веберу), консервативные черты носят доминирующий характер, по сравнению с теми, кто настроен на коренное, радикальное изменение и слом устоявшихся порядков и традиций. Можно с уверенностью сказать, что людей, неукоснительно, строго придерживающихся установленным традициям, справедливо считают “консервативно настроенными”, это “консервативный тип”.

Второе направление: в структуре личностных качеств следование традициям в равной степени сочетается с радикалистским настроем, готовностью к инновациям. Это тип “умеренные инноваторы”: придерживаются традиций, осторожны, но готовы к инновациям.

Третье направление: в структуре личностных качеств радикалистские черты доминируют над консервативными; отчетливо проявляется недоверие к авторитетам, склонность к нарушению привычек, готовность к инновациям. Это тип “экспериментаторы”. Крайняя форма проявления этого типа — радикалистский настрой на перемены. Покажем методы исследований склонности личности к радикалистскому поведению.

Пути и методы исследования склонности личности к радикалистскому поведению: критерии оценки склонности к радикалистскому/традиционному поведению с позиции социологического анализа

Можно напомнить, что границы выраженности (“степень осознания верности привычке”) — склонность следовать традициям, или радикалистский настрой на перемены в структуре личностных качеств хорошо описываются диспозиционной теории личности, теории черт А. Айзенка, Г. Олпорта, Р. Кеттела. Черта — это предрасположенность человека вести себя сходным образом в разное время и в различных ситуациях. В методике 16-ти факторного личностного опросника Р. Кеттела черта, качество личности — традиционный тип социального действия верифицируется как фактор Q1 (консерватизм/радикализм). По этой шкале консерватизм и радикалистские черты расположены на разных, противоположных “полюсах одной оси координат”. Поэтому, для определения склонности следовать традициям, или настрой на перемены используется измерение по одному фактору — Q1.

Естественно, у многих социологов возникает вопрос: как можно применить методику Р. Кеттела для решения социологических задач? Ответ напрашивается сам собой: использовать опросник Р. Кеттела как инструмент проведения массовых опросов и сбора эмпирических данных. Опыт проведения теоретико-прикладных

исследований показал, что такой подход с успехом позволяет отчетливо выявить типичные черты личностных качеств различных профессиональных групп работников, что является важным для решения прикладных задач отбора персонала¹⁶.

Еще раз, но уже применительно к новым задачам исследования, изучая эмпирическую базу уже полученных нами с помощью методики 16-ти факторного личностного опросника Р. Кеттелла¹⁷ данные эмпирических исследований структуры личностных качеств руководителей, соответствующей ценностно-рациональному и аффективному типу социального действия М. Вебера, мы выявили новую интересную зависимость! Не только традиционный тип социального действия, но и радикалистский тип в сочетании с другими важными качествами является профессионально важным личностным качеством эффективных руководителей и рядовых работников в различных областях жизнедеятельности общества! А значит должен стать предметом дальнейших социологических исследований личностных качеств руководителей различных организаций! О способах исследования традиционного типа социального действия будет отдельная статья.

Закономерен был вопрос: а почему фактор Q1, консерватизм/радикализм ранее не вошел в разработанную нами полученную эмпирическим путем идеальную модель руководителя, о которой говорилось в статье “Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения”¹⁸, а также в последнюю нашу работу¹⁹? Дело в том, что при проведении корреляционного анализа обследуемой группы и выявления зависимости между эффективными и менее эффективными руководителями на основе ранговой корреляции Спирмена, r_s по фактору Q1 (консерватизм/радикализм) и разработке идеальной модели не было выявлено значимой связи!

¹⁶ Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С. Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. М., 1983.

¹⁷ Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. М., 1998. С. 226–242; 16-ти факторный личностный опросник Кеттелла...

¹⁸ Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 126–144.

¹⁹ Осеев А.А. Средства социологической диагностики в системе управления персоналом: диагностика причин, латентных форм социально-трудовых конфликтов и профессионально важных личностных качеств руководителей: Уч. пособ. М., 2020.

Итак, каковы направления и методы исследования склонности личности к радикалистскому поведению. Как и для исследования традиционного типа социального действия выделяются три направления исследований, поэтому мы вынуждены еще раз охарактеризовать эти направления.

Первое направление. В отличие от радикалистского ярко выраженный традиционный тип социального действия определяется низким уровнем фактора Q1 (консерватизм/радикализм), 0–3 балла. Это “консервативный тип” личности. Он обеспечивает устойчивость по отношению к традициям, склонность к неукоснительному следованию установленных норм и правил, стабильности работы организации. При этом в определенных ситуациях данная черта может приводить к противодействию назревшим для организации переменам, внедрению инноваций, “слепому послушанию, исполнительности и пассивности”, к застою.

Таблица 1

Характеристики личности традиционного типа социального в сравнении с идеальной моделью руководителя (первое направление)

Баллы																	
10																	
9																	
8		8	8	8		8			8		8					8	
7																	
6																	
5																	
4																	
3													3	3	3	3	3
2														2		2	
1														1		1	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Примечание. Баллы в таблице и по тексту по методике Р. Кеттела соответствуют стенам.

Второе направление. В структуре личностных качеств традиционно составляющая, “*следование привычке*” (следование традициям) сочетается с готовностью к инновациям. Тип “умеренные инноваторы”: придерживаются традиций, осторожны, но готовы к инновациям. Показатели фактора Q1, консерватизм/радикализм, находятся в средних значениях 4–6 баллов.

Таблица 2

**Характеристики личности традиционного типа
социального в сравнении с идеальной моделью руководителя
(второе направление)**

Баллы																	
10																	
9																	
8		8	8	8		8			8	8					8		
7																	
6													6				
5													5				
4													4				
3												3		3		3	
2																	
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Третье направление. В отличие от представителей первой группы (консервативно настроенных, убежденных в необходимости неукоснительному следованию установленных норм и правил), отчетливо проявляется недоверие к авторитетам, склонность к нарушению привычек, готовность к инновациям. Крайняя форма — радикалистский настрой на перемены. Определяется высоким уровнем радикализма: фактор Q1, консерватизм/радикализм, составляет 7–10 баллов.

Таблица 3

**Характеристики личности радикалистского типа
социального в сравнении с идеальной моделью руководителя
(третье направление)**

Баллы																	
10													10				
9													9				
8		8	8	8		8			8	8			8		8		
7													7				
6																	
5																	
4																	
3												3		3		3	
2																	
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

В исследованиях, как отмечают психологи²⁰, было получено доказательство того, что личности с высокими показателями по этому фактору лучше информированы, меньше склонны к морализаторству, выражают больший интерес к науке, нежели к догмам. Более того, они готовы к нарушению привычек и устоявшихся традиций, им свойственна независимость суждений, взглядов и поведения. Фактор определяет радикальное, интеллектуальное, политическое и религиозное отношения.

Анализ полученных ранее и новых персонограмм эффективных руководителей и рядовых работников на предмет наличия в их профиле такой черты, как радикалистский на строй на перемены, показывает сходство персонограмм работников различных организаций, что дает основание предположить, что радикалистский тип социального действия в выделенных границах можно считать профессионально важным качеством для руководителей и рядовых работников организаций данных сфер жизнедеятельности общества!

Подробные примеры личностных качеств работников, включая руководителей, отражающих выделенные нами три направления исследований традиционного типа описаны в одной из наших статей. В данной работе приведено ряд примеров — в каких сферах жизнедеятельности общества именно радикалистский тип социального действия является профессионально важным?

Описание результатов эмпирических исследований склонности личности к радикалистскому поведению

В рамках первого направления особое внимание в структуре личностных качеств уделяется “верности следованию привычке”. Традиционная составляющая в структуре личностных качеств носит доминирующий характер по сравнению с радикалистскими чертами. Мы проанализировали большую часть эмпирических данных и констатируем, что в обследованных профессиональных группах руководителей и рядовых работников респондентов с ярко выраженными чертами традиционного типа социального действия (“консервативный тип”, фактор Q1, 0–3 балла) встречается немного — всего 6–7% от общего числа обследованных. Например, среди руководителей организации дошкольного и начального школьного образования в указанных границах встретился 1 из 14 всех руководителей среднего звена организации, это 7%. Этот был единствен-

²⁰ 16-ти факторный личностный опросник Кеттела...

ный руководитель, но он так же, как и другие, относился к группе эффективных сотрудников (см. табл. 4).

Второе направление. В структуре личностных качеств следование традициям в равной степени сочетается с радикалистским настроем, готовностью к инновациям. Как показал анализ эмпирических данных, данная черта, типична для многих обследованных руководителей в различных областях жизнедеятельности общества. И это понятно. Следование традициям и готовность к инновациям обеспечивает, с одной стороны, стабильность работы организации, осторожность в принятии инноваций, и, с другой стороны, рациональность в оценке нововведений и готовность к их реализации в случае оценки обоснованности их внедрения. Примерами являются личностных качества эффективных руководителей высшее и среднее звена руководства промышленных предприятий²¹ г. Чебоксары. Традиционный тип социального действия (второе направление исследований, фактор Q1 в границах 4–6 баллов), являлся характерной чертой эффективных руководителей обследованных организаций, о которых мы уже писали в журнале: руководителя подразделения “Спецназ NNN” Героя России, подполковника А.В. Саманкова, бухгалтеров и главного бухгалтера завода в г. Самара, руководителей предприятия и организации непроеизводственной сферы — заместителя главного бухгалтера российско-французской косметической компании в г. Москва (см. табл. 8), директора Департамента “Управление персоналом” редакции газеты “ИЗВЕСТИЯ” (см. табл. 9)²². Традиционный тип социального действия в границах фактора Q1 4–6 баллов можно считать профессионально важным качеством эффективных руководителей организаций в сфере образования.

Рассмотрим более подробно третье направление. В данном случае в структуре личностных качеств руководителей, в отличие от представителей первой группы “консервативного типа”, радикалистские черты доминируют над консервативными; отчетливо проявляются недоверие к авторитетам, склонность к нарушению привычек, готовность к инновациям. Это тип “экспериментаторы”. Крайняя форма — радикалистский настрой на перемены.

Политики, общественные деятели и рядовые граждане нередко повторяют, что у государства, у власти есть три самые важные задачи — учить, лечить, и защищать. Давайте посмотрим, встречаются

²¹ Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера... С. 242–263.

²² Там же.

ли среди занятых в важных сферах жизнедеятельности общества работники с радикалистскими чертами характера?

1. Социальный институт вооруженных сил. Военнослужащие. Подразделение “Спецназ”. Существенное значение для внешнего обеспечения и защиты нормальных условий любой деятельности людей, в том числе и экономической, имеет социальный институт вооруженных сил.

Как уже отмечалось, такая черта как радикализм является профессионально важным качеством для определенных профессиональных групп военных, например, для подразделений спецназа. Среди сотрудников подразделений спецназ консервативно настроенных насчитывалось менее 10%! Эти сотрудники, хотя и служили в структурном подразделении, но считались менее эффективными служащими, чем те, кто выделялся радикалистскими чертами. Общее распределение по трем категориям нашей классификации выглядело так: 42% относились к третьей группе — радикалистский настрой на перемены. 48% составляли второе направление в исследовании: в структуре личностных качеств следование традициям в равной степени сочетается с радикалистским настроем, готовностью к инновациям. Соответственно 10% относились к первой групп — консервативно настроенных. И, следует заметить, это вполне объяснимо. В защите государственных интересов особая роль отводится вооруженным силам и их главной составляющей на протяжении всей истории человечества — живой силе, военным кадрам. Применение вооруженных сил всегда предполагает радикальное решение проблемы, мешающей нормальному функционированию общества и государства. В свою очередь решение проблем радикальным способом требует и соответствующих кадров — кадров, способных на радикальные действия.

Мы уже писали: изучив, используя тест Р. Кеттела и применяя методы математического анализа, характеры сотрудников одного из подразделений спецназа, мы выявили, что важнейшими качествами характера личности военного, обеспечивающими эффективное решение боевых задач являются *три черты*: радикализм (фактор Q1, 9,5 балла), социальная опытность, дипломатичность (фактор N, 9,5 балла), сдержанность в общении (фактор А, 3,5 балла, табл. 4). Более подробно см. работу²³.

²³ Осеев А.А. Личностные качества персонала, занятого в сфере безопасности: социологический портрет // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 158–171; Осеев А.А., Осеев А.А. Личностные качества командного состава “спецназ” (20 лет спустя) // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2013. № 1. С. 134–143.

Таблица 4

**Портрет (профессиограмма) сотрудника
подразделения “Спецназ” (рядовой состав)**

Баллы																	
10																	
9											9,5		9,5				
8																	
7																	
6																	
5																	
4																	
3	3,5																
2																	
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Примечание: Критерии радикалистского типа социального действия выделены маркером.

Ниже мы приводим еще один характерный пример — персонограмму одного из руководителей (командиров) подразделения спецназ, из которой видно, что радикализм в структуре личностных качеств является одним из доминирующих составляющих личности (Q1, максимальные 10 баллов, табл. 5).

Таблица 5

**Персонограмма заместителя руководителя службы охраны
“Спецназ”**

Баллы																	
10													10				
9				9											9		
8		8		8	8	8			8		8				8		
7		7															
6	6		6			6	6	6									
5																	5
4										4	4	4		4			
3												3		3		3	
2																	
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Примечание: Критерии радикалистского типа социального действия выделены маркером.

Если для определенных категорий военнослужащих радикализм являлся профессионально важным (заметьте, *доминирующим* оказался фактор Q1, максимальные 10 баллов — Прим. А.О.) личностным качеством, интересно было провести анализ профессиограмм работников мирных профессий: госслужащих, врачей, педагогов и пр.

2. Государство, как политический институт. Госслужащие.

Известно, что государство один из важнейших видов политических институтов. Государство — социальная структура господства, которая постоянно возобновляется в результате совместных действий людей, совершающихся благодаря представительству, и которая, в конечном счете, упорядочивает общественные действия в той или иной сфере общества — политической, экономической, образовательной и др. — через деятельность правительства. При всей стабильности системы управления государственные структуры должны совершенствоваться и соответствовать потребностям инновационного развития всего общества и обновлению функционирования важных социальных институтов.

Как показали исследования, проведенные аспиранткой социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Н.Г. Илларионовой²⁴ среди работников, занятых в сфере государственного управления, также встречаются эффективные сотрудники, чьи черты совпадают с идеальной моделью руководителя, отличающиеся высокой ответственностью и радикалистскими чертами. Из пяти обследованных сотрудников с консервативными чертами характера не было ни одного; у четырех в структуре личностных качеств следование традициям в равной степени сочетается с радикалистским настроем, готовностью к инновациям, один сотрудник А. явно выделялся радикалистским настроем на перемены. Его персонограмма представлена ниже, табл. 6

Характерными чертами госслужащего А. являются высокие лидерские качества (фактор Е, 9 баллов), соревновательность (фактор L, 9 баллов), моральные (фактор G, 7 баллов) и волевые (фактор Q3, 7 баллов) качества. Радикализм (фактор Q1, 8 баллов), независимость в суждениях и взглядах, настрой на инновации сочетается (компенсируется) с конвенциональностью (фактор Q2, 2 балла), стремлением и готовностью обсуждать решения с группой, учиты-

²⁴ Илларионова Н.Г. Методологические и методические основы исследования социального портрета государственного гражданского служащего в Российской Федерации // Социальная политика и социология. Междисциплинарный научно-практический журнал. 2015. № 4 (111). С. 121–130.

**Персонограмма государственного гражданского служащего А.,
занятого в сфере государственного управления**

Баллы																	
10																	
9				9					9			9					
8		8		8		8			8		8		8		8		
7	7					7				7						7	
6					6						6						
5			5														5
4		4					4										
3								3				3		3		3	
2														2			
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

вать мнение окружающих, общительностью (фактор А, 7 баллов). При “среднем” уровне эмоциональной устойчивости средние показатели по фактору С, эмоциональная зрелость, и фактору Q4, напряженность, возбудимость, по 5 баллов соответственно, сотрудника выделяет высокий уровень тревожности, беспокойства (фактор О, 9 баллов), что обеспечивает повышенный уровень активности и ответственности при выполнении функциональных задач в области государственного управления.

3. Институт здравоохранения и социального обеспечения.

Врачи. Известно, что система здравоохранения и фармацевтическая промышленность в России из-за ситуации с COVID-19 работают в 2020–2021 гг. с максимальными нагрузками.

Институт здравоохранения и социального обеспечения — один из важнейших типов социальных институтов. Это система общностей, организаций и учреждений, имеющих целью своей деятельности поддержание, сохранение и укрепление здоровья людей, социальную поддержку и защиту детей, престарелых, больных, инвалидов, многодетных семей. Сюда входят объединения врачей, добровольные общества и фонды милосердия, больницы, поликлиники, санатории, дома престарелых, детские дома и т.д. Исследования говорят о сложной структуре профессионально важных личностных качеств врачей.

Согласно исследованиям аспиранта кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Осеева (научный руководитель — С.А. Бар-

ков), опубликованным в журнале “Социология” отмечается²⁵ (ниже мы приводим данные расчетов, демонстрирующие особенности методики исследования и подтверждающие обоснованность полученных результатов): в сплошном обследовании, проведенном в июле 2014 г., приняло участие семь человек одного из отделений московской клиники. Профессиограмма строилась на основе расчета $x - \text{ср.}$ Стаж работы обследованных (x — средняя взвешенная) 10 лет. Отдельно были изучены личностные качества двух высокопрофессиональных врачей другой клиники, которые, по отзывам руководства и, что немаловажно, пациентов, являются высокоэффективными специалистами в своей области. Для того чтобы ответить на вопрос изменяются ли с возрастом и стажем работы структура личностных качеств врачей респонденты для расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена — r_s были проранжированы: респондент 1 (23 года, стаж работы 1 год), респондент 7 (41–50 год, стаж работы 20 лет). Из расчетов видно, что отклонения показателей персонограмм от средних значений по всем 16-ти факторам были весьма незначительны, что повышает уровень достоверности полученных результатов выраженности личностных качеств. Расчет же коэффициента ранговой корреляции Спирмена — r_s , показал, что по фактору Q1, радикализм, существует очень сильная зависимость: r_s составляет 0,67. (Уровень значимости согласно критическим величинам коэффициента ранговой корреляции Спирмена — r_s при выборке $n=7$ составляет 0,714). При этом, следует признать, что из-за ограниченности выборки выводы и результаты анализа носят пока все же предварительный характер.

Обобщенный социально-психологический портрет выглядит следующим образом. Врачей, прежде всего, отличают высокий уровень интеллекта и творческое воображение, лидерство, соревновательность, радикализм, социальная опытность (дипломатичность), и эмоциональность, чувствительность, которая... не выходит за грань критических значений *эмоциональной неустойчивости* (см. табл. 7).

В частности: 1) интеллект (способность к нестандартному мышлению, фактор В) — 8 баллов. Это один из самых высоких показателей среди всех ранее обследованных профессиональных групп руководителей высшего и среднего звена руководства, военнослужащих, руководителей адвокатских кабинетов, руководителей служб управления персоналом и пр., 2) упрямство, настойчивость (вы-

²⁵ Осеев А.А. Социально-психологический портрет врача в свете мотивационной теории М. Вебера // Социология. 2017. № 1. С. 64–78.

**Профессиограммы, социально-психологический портрет
персонала занятого в сфере здравоохранения
(на основе расчета χ — ср.)**

Баллы																	
Респондент 1	3	10	4	7	5	3	6	8	8	7	5	6	8	7	4	8	
Респондент 2	4	9	2	10	5	4	4	1	9	6	9	10	6	4	5	8	
Респондент 3	10	7	3	8	7	5	8	5	10	7	8	6	9	2	3	6	
Респондент 4	6	10	6	9	4	2	5	1	2	8	7	3	8	6	8	2	
Респондент 5	6	9	4	10	8	8	8	4	10	6	5	6	7	5	6	9	
Респондент 6	8	7	4	8	3	6	5	6	7	8	8	7	5	7	5	7	
Респондент 7	6	6	4	7	5	4	6	6	6	7	8	4	3	9	3	4	
Х ср., врачи	6	8	4	8	5	5	6	4	7	7	7	6	7	6	5	6	
Идеальная модель		8		8		8			8		8	3		3	8	3	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Примечание. Баллы в таблице и по тексту по методике Р. Кеттела соответствуют стенам.

сокий уровень проявления лидерских качеств в психологическом значении этого понятия, доминирование (фактор E, 8 баллов); 3) развитое творческое воображение (фактор M, 7 баллов); соревновательность (фактор L, 7 баллов); 4) радикализм (фактор Q1, 7 баллов) (возможно, важное качество для хирургов); 5) социальная опытность, умение вести себя в обществе, “в зависимости от ожидания окружающих” (дипломатичность, фактор N, 7 баллов), как у многих военнослужащих²⁶ и пр.; 6) смелость (фактор H, 6 баллов), уровень смелости (нечувствительности к опасности) не превышает порога, который характеризует авантюризм, безрассудную смелость; 7) ответственность (фактор G, 5 баллов) сочетается со средними показателями волевыми качествами: воля (фактор Q3, 5 баллов). Возможно в качестве критериев отбора будущей модели личностных качеств

²⁶ Осеев А.А., Осеев А.А. Личностные качества персонала, занятого в сфере безопасности». // Социология. 2012. № 1. С. 141–143.

“успешных врачей” следует взять структуру личностных качеств обследованных работников²⁷.

Итак, видно, что четверо из семи врачей относятся к радикалистскому типу социального действия; радикалистские черты доминируют над консервативными. Можно предположить, что эволюционный процесс развития заболевания проходит латентный период и человеком не замечается. В случае недомогания многие из нас занимаются самолечением и не сразу обращаются за медицинской помощью. А когда обращаются, то врачам зачастую приходится использовать не терапевтические, а радикальные меры лечения, которые требуют незамедлительного вмешательства. В такой ситуации профессионализм и радикалистские решения в борьбе за жизнь пациента важны как никогда. Возможно, что сама профессиональная подготовка врача несколько “ограничена”. Врач, к сожалению, зачастую не обеспечен необходимым современным мед оборудованием, или не знаком с новыми методами, практиками лечения заболевания и потому применяет старые, уже проверенные временем радикальные методы борьбы с болезнью.

Если для отдельных категорий военнослужащих, для врачей радикализм является одной из профессионально важных личностных качеств, то интересно было провести анализ персонограмм руководителей-педагогов.

4. Социальный институт образования. Руководитель образовательного комплекса-педагог. Институт образования — система объединений людей и учреждений, ориентированных на овладение знаниями, умениями и навыками, в том числе и в сфере профессиональной деятельности, на повышение компетентности людей во всех сферах деятельности. Как мы уже отмечали, традиционный тип социального действия в границах фактора Q1 4–6 баллов можно считать профессионально важным качеством для многих руководителей. Например, для большинства руководителей-педагогов образовательных комплексов!

При этом, как показали исследования из всех обследованных (всей генеральной совокупности) 14 руководителей-педагогов образовательного комплекса 3, или 21% составляли работники с радикалистскими чертами. Важно отметить, что по критериям эффективности 1 руководитель-педагог оценивался на уровне средних показателей, а к 2 другим руководителям были отдельные нарекания. Неэффективные же сотрудники, уволенные из организации, не

²⁷ Осеев А.А. Социально-психологический портрет врача в свете мотивационной теории М. Вебера. С. 64–78.

**Персонограмма Е. в сравнении с “идеальной моделью”
руководителя**

Баллы																	
10					10		10									10	
9	9	9		9							9						
8		8	8	8		8/8			8	8	8		8		8		
7									7								
6																	
5								5									
4																	
3												3		3		3	
2												2		2			
1																	1
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Примечание: Для удобства восприятия стандартизированные единицы в методике Р. Кеттела в таблице представлены как баллы. Данные выделены курсивом.

обладали радикалистскими чертами. Все объясняется достаточно просто: увольняют за другие “модели” поведения. Об этом также будет подробно говориться отдельная статья.

Ниже мы приводим характерные черты личности одного из трех руководителей с радикалистскими чертами характера (табл. 8).

Руководитель-педагог Е. по 10 бальной шкале эффективности деятельности оценен 4 баллами (среднее значение).

Если говорить кратко, то респондента Е., прежде всего, отличают: высокий уровень интеллекта, смелость, доминирование, высокие морально-волевые качества, высокая эмоциональная устойчивость. А также выделяет общительность (готовность к сотрудничеству, легкость в установлении межличностных контактов), динамичность общения и дипломатичность, хитрость. Радикализм в сочетании с конформизмом и дипломатичностью (важное сочетание конкурирующих-компенсирующих друг друга составляющих структуры личностных качеств) говорит о свободомыслии и готовности к экспериментам, отказу принимать что-либо на веру, но при этом работать и принимать решение вместе с другими людьми, вести себя в зависимости от ожидания окружающих.

Обратите внимание на то, что в персонограмме респондента очень-очень много “пиковых” показателей выраженности личностных качеств: 14 характерных черт из 16 возможных (табл. 9). Это значительно больше, чем у “средних людей”.

**Персонаграмма Е. в сравнении с “идеальной моделью”
руководителя (сокращенная схема)**

	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Респондент Е.	9	9	8	9	10	8	10	5	7	8	9	2	8	2	10	1
Идеальная модель		8		8		8			8		8	3		3	8	3

И это говорит о многом. Во-первых, о богатстве проявления характерных черт личности руководителя-педагога и, во-вторых, о том, что само предметно-функциональное содержание труда руководителей образовательных комплексов в своем естественном отборе требует и отбирает неординарных, в определенном смысле, уникальных личностей! Знание структуры профессионально важных (“уникальных”) личностных качеств педагогов очень важно для решения прикладных задач в области подготовки и отбора кадров для работы системе образования в РФ и совершенствования самой системы в целом. Это понятно, поскольку набор профессиональных компетенций, которыми должны овладеть учителя-педагоги должны реализовывать личности с определенными качествами! Р. Кеттел считал, что посредством черт личности можно описать не только сами личности, но и те социальные группы, членами которых они являются²⁸. Исходя из данного утверждения, мы можем представить структуру личностных качеств индивидов, включая руководителей, тех социально-профессиональных групп, членами которых они являются.

Подробный портрет респондента Е. представлен следующими чертами: 1) высокий уровень интеллекта, креативность, способность к нестандартному мышлению (фактор В, 9 баллов) и творческое воображение (предвидение) — составная часть креативных способностей (фактор М, 7 баллов); 2) упрямство, настойчивость — лидерские качества (в психологическом значении этого понятия) доминирование (фактор Е, 9 баллов); 3) смелость (фактор Н, 10 баллов); 4) высокие морально-волевые качества. Уровень ответственности, моральные нормы — совестливость (фактор G, 8 баллов). Моральные нормы, чувство ответственности организует совместное взаимодействие подчиненных на принципах уважительности, следования выработанным правилам, чувства долга перед принятыми обязательствами. Как форма контроля поведения лич-

²⁸ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2008. С. 313.

ности выступают в качестве одного из факторов — регуляторов психической уравновешенности личности; 5) ответственность сочетается с очень высокими волевыми качествами: воля — (фактор Q3, 10 баллов (!)). Сочетание ответственности с высокими волевыми качествами говорит о том, что структура личностных качеств данного руководителя явно отличается от целерационального типа и соответствует ценностно-рациональному типу — модели социального действия М. Вебера; 6) высокая эмоциональная, “психическая уравновешенность” определяется низким уровнем тревожности, “спокойствие” (фактор О, 2 балла), низким показателем по фактору Q4, “низкая напряженность”, “возбудимость” (1 балл), высокой эмоциональной зрелостью — способностью отсрочить свои потребности (фактор С, 8 баллов); 7) общительность, готовность к сотрудничеству, внимание к людям (фактор А, 9 баллов). Кроме того, говоря об эмоциональной сфере, Е. особо выделяет высокую экспрессивность, динамичность в процессе общения, жизнерадостность, что отличает хороших лидеров, которые могут стать “душой компании” (фактор F, 10 баллов); 8) “жесткость”, реалистичность, практичность и независимость, стремление полагаться на самого себя (фактор I, 5 балл); 9) дипломатичность, социальная опытность, проницательность, хитрость (“знание когда и что сказать”, фактор N, 9 баллов); 10) конформизм (фактор Q2, 2 балла) и 11) радикализм (фактор Q1, 8 баллов) являются важными составляющими структуры личностных качеств респондента и говорит о свободомыслии и готовности к экспериментам, инновациям, отказу принимать что-либо на веру, но при этом работать и принимать решение вместе с другими людьми и опираться на их мнение; 12) соревновательность (фактор L, 7 баллов), важное качество для целедостижения. В сочетании с доминированием и радикализмом говорит о склонности респондента к самостоятельности, отстаивании собственного мнения. Об особенностях структуры профессионально важных личностных качествах руководителей-педагогов более подробно будет рассказано в отдельной статье.

Большой интерес представляют полученные нами данные из области клинической психологии о “группах риска”. Пишем об этом потому, что, как и следовало ожидать, наши методики (16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттела, форма В) с одинаковым успехом используют как социологи, так и клинические психологи. Приятно было отметить, что, как оказалось, при проверке наших заключений, проводимых заказчиком, наши экспертные оценки совпали с экспертным заключением клинического психолога. Этот важный момент говорит о высокой валидности применяемой

нами методики для проведения социологических исследований и решения задач в области психодиагностики профессиональными психологами. Обращаем на это внимание еще и потому, что иногда приходится встречаться с определенным скептическим отношением отдельных профессиональных психологов к использованию методики Р. Кеттела. На наш взгляд это во многом объясняется тем, что психологи блестяще решают вопросы психодиагностики личности в кризисных условиях, здесь у них всегда хватает работы. Но у них нет профессиограмм, которые разрабатывают социологи и нет возможности с полной уверенностью сделать прогнозы в области профотбора в различные сферы жизнедеятельности общества. Наступит время и мы попробуем объединить наши усилия.

5. Группа риска. Радикализм у категорий “группы риска”. Среди 150 нами обследованных персонограмм работников различными профессиональными групп с симптомами патологической эмоциональной неустойчивости был выявлен 1 чел., или 0,006%. Что весьма близко к соответствующей статистической величине удельного веса данной “группы риска” в обществе.

Обобщенный портрет респондента К. представлен следующими качествами (табл. 10): высокий уровень эмоциональной неустойчивости, низкие морально-волевые качества, высокое творческое воображение (мечтательность), общительность (готовность к со-

Таблица 10

Персонограмма респондента К. в сравнении с “идеальной моделью” руководителя

Баллы																		
10										10	10							
9					9								9	9				
8		8		8		8				8		8					8	
7	7			7														7
6		6										6						
5			5				5											
4								4									4	
3													3		3 3			3
2																		
1						1												
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4		

Примечание. Для удобства восприятия стандартизированные единицы в методике Р. Кеттела в таблице представлены как баллы. Данные выделены курсивом.

трудничеству, легкость в установлении межличностных контактов), динамичность в процессе общения, соревновательность и радикализм. Подробное же описание персонограммы дается для специалистов и интересующихся проблемами диагностики эмоциональной неустойчивости. Сам механизм проявления аффективного поведения изложен в конце описания персонограммы.

В частности К. отличаются следующие черты: 1) уровень интеллекта, креативность, способность к нестандартному мышлению (фактор В, 6 баллов), а также творческое воображение (предвидение) — составная часть креативных способностей (фактор М, 10 баллов), мечтательность, “витание в облаках”; 2) упрямство, настойчивость, лидерские качества (в психологическом значении этого понятия) доминирование (фактор Е, 7 баллов); 3) смелость (фактор Н, 5 баллов (!)); 4) эмоциональная, “психическая неуравновешенность” определяется очень высоким уровнем тревожности (фактор О, 9 баллов (!), это беспокойство, озабоченность, ранимость, депрессивность, чувство вины), повышенным показателем по фактору Q4, т.е. напряженностью, возбудимостью (7 баллов), эмоциональной нестабильностью, чувствительностью, способностью отсрочить свои потребности (фактор С, 5 баллов), творческим воображением, предвидением, (фактор М, 10 баллов), мечтательностью, “витанием в облаках”. Все это может усиливать ощущение беспокойства, служить дополнительным фактором сохранения чувства тревожности; 5) высокая экспрессивность, динамичность в процессе общения (фактор F, 9 баллов); 6) общительность, готовность к сотрудничеству, внимание к людям, легкость в установлении межличностных контактов (фактор А, 7 баллов); 7) высокий уровень конформизма. Стремление работать и принимать решение вместе с другими, конформизм (фактор Q2, 3 балла); 8) “жесткостью”, реалистичностью, практичностью и стремлением полагаться на самого себя, нетерпимостью к бессмысленности (фактор I, 4 балла); 9) уровень ответственности, моральные нормы, совестливость (фактор G); 10) волевые качества, воля (фактор Q3) — низкие показатели. Моральные нормы, чувство ответственности, как уже отмечалось, организует совместное взаимодействие подчиненных на принципах уважительности, следования выработанным правилам, чувства долга перед принятыми обязательствами. Как форма контроля поведения личности выступают в качестве одного из факторов — регуляторов психической уравновешенности личности. При этом показатели моральных норм, совестливости (фактор G) у респондента составляют 1 балла, а волевые качества, воля (фактор Q3) — 4 балла. Это характеризу-

ет респондента тенденцией к непостоянству цели, отличающегося гибкостью по отношению к социальным нормам, непринужденностью в поведении, чувства и собственные потребности ставит выше, чем следование догу. Свобода от влияния группы временами может делать деятельность более эффективной, а также является в определенной степени защитой от стресса. Сочетание низкого уровня ответственности с низкими волевыми качествами говорит о том, что в целом структура личностных качеств респондента соответствует эмоционально-неустойчивым типам личности; 11) высокий уровень радикализма, восприимчивость к переменам, новым идеям, недоверие к авторитетам, отказ принимать что-либо на веру (фактор Q1, 9 баллов, (!)); 12) высокий уровень соревновательности (фактор L), столь необходимое качество для целедостижения (10 баллов), характеризует респондента, имеющего склонность к подозрительности, ревности; 13) дипломатичность, осторожность (фактор N, 6 баллов), на уровне средних значений.

К факторам снижения эффекта патологии эмоциональной неустойчивости относятся факторы А (общительность) и F (экспрессивность).

Сделаем общий вывод о респонденте К. Из персонограммы видно, что черты эмоциональной неустойчивости данной личности входят составными элементами структуры модели личности с признаками аффективного поведения, относящегося к одной из острых форм эмоциональной неустойчивости²⁹. Видно, что признаки склонности к аффективному поведению, выступают в весьма крайних границах и полностью попадают в модель эмоционально неустойчивой личности. И показатели это следующие: эмоциональная незрелость — неспособность отстрочить свои потребности (низкий уровень значения фактора С — 5 баллов), высокий уровень фактора О — тревожности — максимальные 9 баллов, высокий уровень фактора Q4 возбудимости — 7 баллов. Кроме того, у личности наблюдается весьма низкие уровень волевых качеств, фактор Q3, воля — 4 балла.

Кроме того, есть ряд факторов — черт, которые в совокупности служат дополнительным основанием к проявлению аффективного поведения! Опишем этот механизм: высокий уровень творческого воображения (фактор М, 10 баллов — “фантазеры”) усиливает образы, идущие от ирреалистичной, иррациональной тревожности

²⁹ Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера... С. 242–254.

(фактор О, 9 баллов) в моменты психической возбудимости (фактор Q4, 7 баллов) из-за нереализуемых потребностей, требуют, с точки зрения данной личности, немедленного удовлетворения и выхода из критической ситуации радикальным способом (фактор Q1, радикализм, 9 баллов). Соревновательность (фактор L, 9 баллов), подозрительность усиливают эффект стремления незамедлительного избавления от тревожного состояния. Низкий уровень ответственности (фактор G, 1 балл), эгоизм и низкая воля, нежелание заставлять себя и прикладывать усилия для преодоления сложностей (фактор Q3, 4 балла) в единстве факторов при появлении кризисной ситуации (нерешенность жизненных проблемы, стойкая депривация) становятся факторами — мотивами аффективного, эмоционального и даже агрессивного поведения.

В завершение работы хотелось бы отметить, что обобщение результатов социологических исследований, проведенных на кафедре экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова показало, что радикализм является профессионально важным качеством и для самых различных профессиональных групп работников, в частности для отдельных категорий военнослужащих и врачей.

Методам выявления склонности личности к радикалистскому поведению, тестам, должна быть посвящена отдельная работа, в которой будет содержаться весь набор оценочных средств в соответствии с выделенными составляющими устойчивости к радикалистскому поведению. Однако в силу практической значимости диагностики и самокоррекции поведения личности для решения насущных практических задач управления персоналом мы уже приводили один из способов такой оценки³⁰. Важно отметить, что тем, у кого выявлен повышенный и высокий уровень радикализма, следует быть осторожными в своих поступках: чаще обращать внимание на проверку обоснованности, истинности своих позиций при принятии решений по внедрению инноваций, а в случаях возникновения споров контролировать свое настроение и управлять своими эмоциями, помня, что эмоциональное поведение зачастую носит “реактивный” аффективный характер и часто перерастает в агрессивные действия.

Итак, все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

³⁰ Тест на уровень консерватизма/радикализма (фактор Q1) опубликован в: Осеев А.А. Личностные качества персонала, занятого в сфере безопасности: социологический портрет // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 169–171.

1. Перед исследователями стоят вопросы: что сегодня должно быть приоритетным в развитии организации: инновационные, революционные изменения технологий, организационных структур и пр.? Или эволюционный процесс, в основе которого лежит опора на традиции? Строгое следование сложившимся порядкам, принятие всего проверенного несмотря на противоречия? Склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых идей? Результаты исследований показали, что в зависимости от сферы деятельности востребованы разные типы руководителей и рядовых работников. Да, в большинстве обследованных организаций производственной и непроизводственной сферы жизнедеятельности общества наиболее эффективными руководителями считаются те, у кого в структуре личностных качеств традиционное поведение, “следование привычке” сочетается с готовностью к инновациям, т.е. тип “умеренные инноваторы”. Это те, кто стремится и готов к инновациям, но подходит к их внедрению взвешенно, учитывая реальную возможность их внедрения, предлагая новые альтернативные решения существующих проблем. Но есть и такие сферы деятельности, где востребованы работники с радикалистским типом социального действия. Работники с радикалистским типом социального действия встречаются часто.

2. Проведенные исследования еще раз подтверждают, что существующие методики социологических исследований, представленные эмпирические модели структуры личностных качеств в сочетании с методами психодиагностики дают возможность с успехом изучать радикалистское поведение личности применительно к методическим и прикладным задачам социологии; при этом особое внимание должно быть обращено на выявление личностей “группы риска”.

3. Одной из адекватных методик исследования личностных качеств руководителей является методика 16-ти факторного личностного опросника Р. Кеттела и “идеальная модель руководителя”. Выделенные типы радикалистского/традиционного поведения обозначают направления исследований в данной области, благодаря чему само радикалистское поведение может стать предметом социологического анализа, в том числе анализа типичных черт в разных профессиональных группах работников (например, работников прокуратуры и пр.)

4. Опираясь на указание М. Вебера о важности исследования конкурирующих начал в структуре личностных качеств, мотивов поведения, мы можем, упорядочив выявленные в ходе исследования

мотивы по силе выделенных качеств, определять доминирующие черты личностных качеств и говорить о практическом превалировании одних над другими. Это направление эмпирических исследований в социологии личности и социологии профессии требует своего дальнейшего развития и, как мы полагаем, благодаря приведенным нами новым результатам, получит новый импульс к широкому применению. А сама концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к верификации на практике.

5. О новых результатах проведенных нами исследований с позиций М. Вебера³¹, изучения конкурирующих начал различных типов социального действия, которые имеют вполне прикладное значение, и, как вы уже заметили, по своим методам носят междисциплинарный характер, мы расскажем в следующей нашей работе. Продолжающиеся исследования показывают, что различные по предметному содержанию труда профессиональные группы работников имеют свою типичную иерархию доминирующих начал в структуре мотивов поведения. Например, священнослужителей (будет отдельная работа), успешных адвокатов (выделяет высокий уровень интеллекта, дипломатичность и пр.). Как мы уже отмечали, руководителей-педагогов школ в сфере дошкольного и начального образования наряду с лидерскими качествами отличает общительность, живость характера (что делает их “душей компании”), следование традициям и пр., врачей — высокий уровень интеллекта, радикализм, а также дипломатичность, что особенно важно в условиях нынешней пандемии COVID-19 и общении с взволнованными, раздраженными и тревожными пациентами. Дипломатичность важна для определенных категорий военнослужащих. Отдельное исследование должно быть посвящено выявлению профессиональных групп работников, включая руководителей, где доминирующим в структуре личностных качеств, наряду с лидерством, является общительность.

6. Закономерны следующие важные вопросы: на чем основывается склонность личности к радикалистскому поведению? Что в сочетании структуры личностных качеств приводит к агрессивности, к негативному девиантному поведению? Как измерить это? Если вновь обратить внимание на слова М. Вебера, который говорил о важности изучения *конкурирующих*³² началах различных типов социального действия, то открывается еще одно интересное и перспективное направление исследований. Мы еще не проверили ги-

³¹ Вебер М. Указ. соч. С. 629.

³² Вебер М. Указ. соч. С. 629.

потезу, которая нуждается в эмпирической верификации: к группе риска и с особым вниманием следует относиться к тем категориям, у кого в чертах личности радикализм сочетается с неконформизмом, доминированием, низкими морально-волевыми качествами, высоким уровнем соревновательности и эмоциональной неустойчивостью. Может быть что-то еще - очень-очень важное в структуре черт личности? — Об этом станет известно из дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16-ти факторный личностный опросник Кеттелла. 16 ФЛЮ-187-А. URL: <http://gurutestov.ru/test/60> (дата обращения: 13.01.2021).

Аристотель. Сочинения: В 4-х т. / Общ. ред. А.И. Доватура. Т. 4. М., 1983.

Вебер М. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайдено. М., 1990.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайдено. М., 1990.

Галов А.А. Западный бизнесмен и отечественный предприниматель. (Опрос ВЦИОМ 23–29 июля 2001 г.). URL: levada.ru...biznesmen...otechestvennyi-predprinimatel (дата обращения: 25.12.12.)

Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3. Социальные институты и процессы. М., 2000.

Илларионова Н.Г. Методологические и методические основы исследования социального портрета государственного гражданского служащего в Российской Федерации // Социальная политика и социология. Междисциплинарный научно-практический журнал. 2015. № 4 (111).

Новая философская энциклопедия. Радикализм. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc...new...articles...radikalizm.htm> (дата обращения 09.11.2021).

Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 1.

Осеев А.А. Личностные качества персонала, занятого в сфере безопасности: социологический портрет // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 3.

Осеев А.А. Социально-психологический портрет врача в свете мотивационной теории М. Вебера // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2017. № 1.

Осеев А.А. Средства социологической диагностики в системе управления персоналом: диагностика причин, латентных форм социально-трудовых конфликтов и профессионально важных личностных качеств руководителей. М., 2020.

Осеев А.А., Осеев А.А. Личностные качества командного состава “спецназ” (20 лет спустя) // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2013. № 1.

Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на

государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3.

Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 2.

Осипов Г. В. Менеджмент: Уч. М., 2011.

Радаев В.В. Человек в роли предпринимателя // Экономическая социология. Курс лекций. М., 1997.

Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. М., 1998.

Столяренко Л.Д. Основы психологии в экзаменационных вопросах и ответах. Ростов н/Д., 2004.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2008.

Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Уч. пособ. М., 1981.

Чудина Е.А. Психологические особенности проявления эмоциональной неустойчивости личности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. URL: <http://dissercat.com/content...neustoichivosti-lichnosti> (дата обращения: 01.02.2021).

Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С. Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. М., 1983.

REFERENCES

16-ti faktornyj lichnostnyj oprosnik Kettela. 16 FLO-187-A [16-factor Cattell personality questionnaire. 16 FLO-187-A]. URL: <http://gurutestov.ru/test/60> (data obrashcheniya: 13.01.2021) (in Russian).

Aristotel'. Sochineniya: V 4-h t. [Compositions: In 4 volumes] / Obshch. red. A.I. Dovatura. T. 4. М., 1983 (in Russian).

Chanyshv A.N. Kurs lekcij po drevnej filosofii [A course of lectures on ancient philosophy]: Uch. posob. М., 1981 (in Russian).

Chudina E.A. Psihologicheskie osobennosti proyavleniya emocional'noj neustojchivosti lichnosti: Diss. ... kand. psihol. Nauk [Psychological features of the manifestation of emotional instability of the personality: Diss. ... cand. psychol. Sciences]. М., 1999. URL: <http://dissercat.com/content...neustoichivosti-lichnosti> (data obrashcheniya: 01.02.2021) (in Russian).

Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Sociologiya: V 3 t. T. 3. Social'nye instituty i process [Sociology: In 3 vols. Vol. 3. Social institutions and processes]. М., 2000 (in Russian).

Galov A.A. Zapadnyj biznesmen i otechestvennyj predprinimatel'. (Opros VCIOM 23–29 iyulya 2001 g.) [Western businessman and domestic entrepreneur. (VCIOM poll July 23–29, 2001)]. URL: levada.ru...biznesmen...otchestvennyipredprinimatel (data obrashcheniya: 25.12.2012) (in Russian).

Hell L., Zigler D. Teorii lichnosti [Personality Theories]. SPb., 2008 (in Russian).

Illarionova N.G. Metodologicheskie i metodicheskie osnovy issledovaniya social'nogo portreta gosudarstvennogo grazhdanskogo sluzhashchego v Rossijskoj Federacii [Methodological and methodological foundations of the study of the social portrait of a state civil servant in the Russian Federation] // Social'naya politika i

sociologiya. Mezhdisciplinarnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2015. N 4 (111) (in Russian).

Novaya filosofskaya enciklopediya. Radikalizm [New Philosophical Encyclopedia. Radicalism]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc...new...articles...radikalizm.htm> (data obrashcheniya 09.11.2021) (in Russian).

Oseev A.A. Social'no-psihologicheskij portret rukovoditelya: ideal'naya model' i sposoby ee izmereniya [Socio-psychological portrait of a leader: an ideal model and ways to measure it] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2011. N 1 (in Russian).

Oseev A.A. Lichnostnye kachestva personala, zanyatogo v sfere bezopasnosti: sociologicheskij portret [Personal qualities of personnel employed in the field of security: a sociological portrait] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2011. N 3 (in Russian).

Oseev A.A. Social'no-psihologicheskij portret vracha v svete motivacionnoj teorii M. Vebera [Socio-psychological portrait of a doctor in the light of the motivational theory of M. Weber] // Sociologiya. Zhurnal Rossijskoj sociologicheskoy asociacii. 2017. N 1 (in Russian).

Oseev A.A. Sredstva sociologicheskoy diagnostiki v sisteme upravleniya personalom: diagnostika prichin, latentnyh form social'no-trudovyh konfliktov i professional'no vaznyh lichnostnyh kachestv rukovoditelej [Means of sociological diagnostics in the personnel management system: diagnostics of the causes, latent forms of social and labor conflicts and professionally important personal qualities of managers]. M., 2020 (in Russian).

Oseev A.A., Oseev A.A. Lichnostnye kachestva komandnogo sostava "specnaz" (20 let spustya) [Personal qualities of command personnel of "special forces" (20 years later)] // Sociologiya. Zhurnal Rossijskoj sociologicheskoy asociacii. 2013. N 1 (in Russian).

Oseev A.A., Oseev A.A. Metodologicheskie osnovy issledovaniya lichnostnyh kachestv rukovoditelej i otbora kandidatov na vakantnye dolzhnosti na gosudarstvennuyu sluzhbu, personala v sfere bezopasnosti, rukovoditelej promyshlennyh predpriyatij [Methodological bases for the study of personal qualities of managers and selection of candidates for vacant positions in the civil service, personnel in the field of security, managers of industrial enterprises] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 3 (in Russian).

Oseev A.A., Oseev A.A. Empiricheskie modeli struktury lichnostnyh kachestv rukovoditelej: affektivnyj tip social'nogo dejstviya M. Vebera (rezul'taty prikladnyh issledovanij) [Empirical models of the structure of personal qualities of leaders: an affective type of social action by M. Weber (results of applied research)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 2 (in Russian).

Osipov G.V. Menedzhment [Management]: Uch. M., 2011 (in Russian).

Radaev V.V. Chelovek v roli predprinimatelja [Man as an Entrepreneur] // Ekonomicheskaya sociologiya. Kurs lekcij. M., 1997 (in Russian).

Rimskaya R., Rimskij S. Prakticheskaya psihologiya v testah, ili Kak nauchit'sya ponimat' sebya i drugih [Practical psychology in tests, or How to learn to understand yourself and others]. M., 1998 (in Russian).

Shcherbina V.V., Rodina V.Yu., Erohin A.S. Metodicheskie rekomendacii po ocenke ispol'zovaniya rabotnikov v kachestve linejnogo rukovoditelya srednego zvena

[Guidelines for assessing the use of employees as a line manager of the middle link]. M., 1983 (in Russian).

Stolyarenko L.D. Osnovy psihologii v ekzamenacionnyh voprosah i otvetah [Fundamentals of psychology in examination questions and answers]. Rostov n/D., 2004 (in Russian).

Veber M. Motivy social'nogo dejstviya [Motives of social action] // Veber M. Izbrannye proizvede-niya / Sost., obshch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova, predisl. P.P. Gajdenko. M., 1990 (in Russian).

Veber M. Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a vocation and profession] // Veber M. Izbrannye proizvedeniya / Sost., obshch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova, predisl. P.P. Gajdenko. M., 1990 (in Russian).

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-338-347

ЗДОРОВЬЕ КАК ЦЕННОСТЬ И ПРАКТИКА: ОБЩЕСТВО, СЕМЬЯ, ЛИЧНОСТЬ. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Е.Н. НОВОСЁЛОВОЙ

В.М. Карпова, канд. социол. наук, старший преподаватель кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Рецензируемая монография посвящена комплексному и разностороннему социологическому исследованию феномена здоровья, оценке его состояния в населении России, анализу факторов оказывающих значимое влияние на него, изучению ценности здоровья ее декларативности и представленности в первую очередь в нормативных представлениях, но не в сознании населения, описанию практик здорового образа жизни и их распространенности в современном российском обществе.

Актуальность данного исследования обусловлена как общими целями социально-демографической политики Российской Федерации, направленной на сбережение населения посредством улучшения его здоровья, так и современной повесткой борьбы с пандемией COVID-19 и необходимостью оценки ее влияния не только на фактическое состояние здоровья населения, но и на здоровьесберегающие практики.

В монографии прослеживается, подробно и разносторонне анализируется выявленное противоречие между декларативной высокой ценностью здоровья и нетранзитивностью реальных практик населения, которые зачастую не соответствуют линиям самосохранительного поведения. На основе большого массива эмпирических исследований показана значимая роль института семьи в формировании практик здорового образа жизни, воспитании будущих поколений в русле осознанного отношения к собственному здоровью. При этом подчеркивается высокий потенциал семьи в трансляции поведенческих паттернов нездоровья, что отмечается автором как двойственный характер влияния семьи на приверженность практикам ЗОЖ.

Отдельное внимание уделено актуальной проблеме борьбы с пандемией COVID-19: на основе последних наиболее актуальных данных исследований проводится анализ изменений в отношении к здоровью и гигиеническим практикам, а также дается оценка влияния пандемии и вводимых ограничительных мер на психическое здоровье населения.

* Карпова Вера Михайловна, e-mail: wmkarpova@yandex.ru

Ключевые слова: здоровье, ценность здоровья, семья, здоровый образ жизни, самосохранительное поведение, здоровьесберегающие практики, социологическое исследование.

HEALTH AS A VALUE AND PRACTICE: SOCIETY, FAMILY, PERSONALITY. REVIEW OF THE MONOGRAPH BY E.N. NOVOSELOVA

Karpova Vera M., Candidate of Sociology Sci., Senior Lecturer, Department of Sociology of the Family and Demography, Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, bldg. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: wmkarpova@yandex.ru

The reviewed monograph is devoted to a comprehensive and versatile sociological study of the phenomenon of health, assessment of its state in the Russian population, analysis of factors that have a significant impact on it, the study of the value of health, its declarativeness, and representation primarily in normative ideas, but not in the minds of the population, description of the practices of a healthy lifestyle and their prevalence in modern Russian society.

The relevance of this study is due to both the general goals of the socio-demographic policy of the Russian Federation, aimed at saving the population by improving its health, and the current agenda for combating the COVID-19 pandemic and the need to assess its impact not only on the actual state of public health but also on health-saving people practices.

The monograph traces, analyses in detail, and comprehensively the revealed contradiction between the declarative high value of health and the intransitivity of the real practices of the population, which often do not correspond to the lines of self-preserving behavior. Based on a large array of empirical studies, the significant role of the family institution in shaping healthy lifestyle practices, educating future generations in line with a conscious attitude to one's health is shown. At the same time, the high potential of the family in the transmission of behavioral patterns of unhealthy behavior is emphasized, which is noted by the author as the dual nature of the family influences adherence to healthy lifestyle practices.

Special attention is paid to the urgent problem of combating the COVID-19 pandemic: based on the latest most relevant research data, an analysis is made of changes in attitudes towards health and hygiene practices, and an assessment is made of the impact of the pandemic and the restrictive measures being introduced on the mental health of the population.

Key words: health, the value of health, family, healthy lifestyle, self-preserving behavior, health-saving practices, sociological research.

Монография Е.Н. Новосёловой “Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность” является значимым и своевременным научным трудом, что обусловлено актуальностью фундаментальных работ в области исследования общественного здоровья. В нашей стране важность данного направления признана на уровне

государства, приоритетной задачей социально-демографической политики которого является сбережение населения, в том числе посредством сохранения и улучшения его здоровья¹. Вопрос сохранения и приумножения здоровья является на сегодняшний день “не просто чрезвычайно важным, а скорее ключевым... так как именно здоровье населения является одной из наиболее важных характеристик развития общества и уровня жизни”². Еще больше актуализирована необходимость развития концептуально-методологического аппарата для исследований состояния здоровья населения, практик здоровья и агентности людей³, пандемии коронавируса, с которой пытается бороться весь мир. Она разрушила иллюзию защищенности, сформовавшуюся в XXI в. “на фоне развития системы здравоохранения, огромных успехов биомедицинских наук и т.д.”⁴ и затронула все слои общества, государственные институты и профессиональные объединения, кроме того, существует вероятность, что COVID-19 трансформировал повседневные практики заботы о здоровье и данные изменения требуют отдельного анализа.

Состояние здоровья населения — один из основных критериев благополучия общества. Во всем мире здоровье признается важнейшей социальной ценностью, характеризующей уровень социально-экономического развития страны и обобщенная оценка здоровья населения входит в индекс человеческого развития страны⁵. Состоянием здоровья определяется практически вся человеческая жизнь, способность индивида актуализировать в социуме свои фи-

¹ См., об этом: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351 “Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года” (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/191961/>; Национальный проект “Демография”. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/>; Указ о национальных целях развития России до 2030 года // Официальный сайт Президента РФ. 2020.21.07. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/63728>

² Новосёлова Е.Н. Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. Монография. М., 2021. С. 8.

³ См., например: Максимова Е.В., Рябцев А.Г., Сазонова О.А. Влияние коронавируса на экономику России // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 283–286; Улумбекова Г.Э. Коронавирус и здравоохранение // Оргздрав: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2020. № 2(20). С. 4–8; Симонян Г.А., Сарян А.А. О влиянии пандемии коронавируса на туризм // Современная научная мысль. 2020. № 2. С. 158–164; Голованова Е.И., Маджаева С.И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник ЧелГУ. 2020. № 7 (441). С. 48–55; Громыко А.А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 5–13.

⁴ Новосёлова Е.Н. Указ. соч. С. 106.

⁵ Human development report. Technical notes. 2019. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_technical_notes.pdf

зические, психические и духовные потенциалы⁶. Здоровье населения вызывает особое беспокойство на фоне не внушающих особого оптимизма демографических показателей в стране, например по ожидаемой продолжительности жизни “Россия отстает не только от более развитых стран, но и от государств, с похожим уровнем развития экономики”⁷. Очень актуальными в этой связи являются работы, посвященные управлению здоровьем, смягчению факторов риска здоровью, формированию культуры здорового образа жизни и осмыслению роли во всех этих процессах различных социальных институтов, в особенности семьи. Именно на институте семьи, как основном агенте, который “оказывает прямое влияние на поведенческие аспекты здоровья, и формирует линии самосохранительного поведения личности”⁸, автор и делает основной акцент в своей работе.

Структура работы логична и подчинена достижению поставленной цели. Она включает четыре взаимосвязанных главы, которые последовательно “перетекают” одна в другую развивая мысль автора о существовании некоего противоречия между высокой декларативной ценностью здоровья и реальными линиями самосохранительного поведения населения. Монография базируется на широком массиве актуальных данных, как вторичных, так и первичных. Базовым здесь является социолого-демографическое исследование, выполненное на кафедре социологии семьи и демографии под руководством профессора А.И. Антонова “Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных”⁹ (объем выборки 2489 человек, блок вопросов “Здоровье населения” разработан Е.Н. Новоселовой). Уникальность данного исследования состоит в одновременности опроса супругов, т.е. одна и та же анкета заполнялась обоими супругами,

⁶ Лядова А.В. Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 134–156; Лебедева-Несевря Н.А., Барг А.О., Соловьев С.С. Здоровье в субъективных оценках работающего населения России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. № 12 (3). С. 108–115.

⁷ Новосёлова Е.Н. Указ. соч. С. 42.

⁸ Новосёлова Е.Н. Указ. соч. С. 8; См. также: Новосёлова Е.Н. Роль семьи в формировании здорового образа жизни и смягчении факторов риска, угрожающих здоровью детей и подростков // Анализ риска здоровью. 2019. № 4.

⁹ Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / Под. ред. А.И. Антонова. М., 2020.

что дало возможность осуществить посемейный анализ полученных данных и сравнить мнения мужей и жен на предмет их совпадения, в данном случае, относительно здоровья и здорового образа жизни, и что немаловажно — трансляции видения здоровья и ЗОЖ детям. Отдельного внимания заслуживает тщательная проработка автором отечественной и зарубежной литературы, а также источников статистической информации и результатов исследований — 659 источников. Представленные данные эмпирических исследований наглядно иллюстрируют и подтверждают все выводы автора, а также позволяют сформировать у читателя детальное и разностороннее представление об анализируемых проблемах и могут служить отправной точкой и мотивацией дальнейших исследований в этой области.

Первая глава, по большей части теоретическая, в ней автор анализирует различные концептуальные модели понятия “здоровье”, классифицирует факторы, влияющие на здоровье, опираясь на статистические данные рассматривает объективные показатели здоровья. Отдельный параграф посвящен системе здравоохранения, доверию населения к медицине и проблеме самолечения, которая, по верному замечанию автора¹⁰ (с. 98), становится особенно актуальной в условиях пандемии COVID-19.

Вторая глава повествует, с одной стороны, о неготовности населения принять на себя ответственность за сохранение и укрепление собственного здоровья, а с другой описывает те объективные и субъективные препятствия, которые мешают населению эту ответственность на себя взять. Среди основных преград автор называет бедность, неравенство, не всегда должный уровень доступности медицинской помощи, но акцент в работе все же сделан на низких компетенциях населения в деле собственного здоровьесбережения.

В третьей и четвертой главе представлено мнение о ведущей роли института семьи в формировании фундаментальных основ и ценностей для воспитания и воспроизводства основных составляющих человеческого потенциала - физического и духовного здоровья, но при этом отмечен двойственный характер влияния семьи на паттерны здоровьесберегающего поведения, формирование культуры здоровья/нездоровья и установки населения к долголетию. Здесь же автор подробно останавливается на самооценке здоровья, как высоконадежном, всеобъемлющем показателе, независимом предикторе заболеваемости и инвалидности, способным прогнозировать смертность, а также являющимся показателем отношения к здоровью¹¹.

¹⁰ Новосёлова Е.Н. Указ. соч. С. 98.

¹¹ Там же. С. 140.

Отдельный параграф четвертой главы посвящен тем вызовам, которые привнес в нашу жизнь коронавирус COVID-19. Автор осмысливает, как изменилось отношение к здоровью и гигиенические практики россиян в этот сложный для всех период. Особый акцент сделан на проблемах ментального здоровья, так как именно в период кризиса, которым, безусловно, явился коронавирус и введение ограничительных мер, для препятствия его распространению, наблюдается “повышенный уровень тревожности, стресса, бессонница и эмоциональная нестабильность, психосоматические проявления, посттравматический синдром, депрессии и т.д.”¹² Также Е.Н. Новосёлова останавливается на изменениях в семейных отношениях россиян, связанных с вынужденной самоизоляцией, переходом на дистанционный режим работы и обучения, а также экономическими сложностями, с которыми столкнулись самые незащищенные слои населения, среди которых высока доля семей с детьми, а особенно многодетных семей.

Положительным моментом следует признать то, что книга проиллюстрирована большим количеством графического материала (таблицы и графики), которые содержат как новейшую статистическую информацию по теме, так и данные одновременного опроса супругов, которые несомненно могут служить источником для вторичного анализа и быть полезными специалистам, работающим в сфере социологии семьи и здоровья.

Работа, несомненно, представляет интерес не только для экспертного и научного сообщества, студентов и аспирантов, занимающихся проблематикой социологии здоровья и медицины, самосохранительным и аддиктивным поведением, но и для широкого круга читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голованова Е.И., Маджаева С.И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник ЧелГУ. 2020. № 7 (441). С. 48–55.

Громыко А.А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 5–13.

Лебедева-Несевря Н.А., Барг А.О., Соловьев С.С. Здоровье в субъективных оценках работающего населения России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. № 12 (3). С. 108–115.

Лядова А.В. Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 134–156.

Максимова Е.В., Рябцев А.Г., Сазонова О.А. Влияние коронавируса на экономику России // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 283–286.

¹² Там же. С. 298.

Национальный проект “Демография”. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography>

Новосёлова Е.Н. Роль семьи в формировании здорового образа жизни и смягчении факторов риска, угрожающих здоровью детей и подростков // Анализ риска здоровью. 2019. № 4.

Новосёлова Е.Н. Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. Монография. М., 2021.

Симонян Г.А., Сарян А.А. О влиянии пандемии коронавируса на туризм // Современная научная мысль. 2020. № 2. С. 158–164.

Указ о национальных целях развития России до 2030 года // Официальный сайт Президента РФ. 2020.21.07. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/63728>

Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351 “Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года” (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/191961/>

Улумбекова Г.Э. Коронавирус и здравоохранение // Оргздрав: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2020. № 2(20). С. 4–8.

Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова / Под. ред. А.И. Антонова. М., 2020.

REFERENCES

Cennosti semejno-detnogo obraza zhizni (SeDOZh–2019): Analiticheskij otchet po rezul'tatam mezhregional'nogo sociologo-demograficheskogo issledovaniya [The family-child lifestyle values (SeDOJ–2019): an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study]. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova / Pod. red. A.I. Antonova. M., 2020 (in Russian).

Golovanova E.I., Madzhaeva S.I. O slovare jepohi pandemii koronavirusa [On the vocabulary of the coronavirus pandemic epoch] // Vestnik ChelGU. 2020. N 7 (441). С. 48–55 (in Russian).

Gromyko A.A. Koronavirus kak faktor mirovoj politiki [Coronavirus as a factor in world politics] // Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN. 2020. № 2. С. 5–13 (in Russian).

Human development report. Technical notes. 2019. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_technical_notes.pdf

Lebedeva-Nesevrja N.A., Barg A.O., Solov'ev S.S. Zdorov'e v sub#ektivnyh ocenkah rabotajushhego naselenija Rossii [Self-Rated Health of the Working Population in Russia] // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshhestvennyye nauki. 2017. N 12 (3). С. 108–115 (in Russian).

Ljadova A.V. Social'nye faktory zdorov'ja v uslovijah pandemii novoj koronavirusnoj infekcii [Social inequality and health: the historical and sociological study] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2021. T. 27. N 4. S. 134–156 (in Russian).

Maksimova E.V., Rjabcev A.G., Sazonova O.A. Vlijanie koronavirusa na jekonomiku Rossii [Influence of coronavirus on economy of Russia] // Innovacii i investicii. 2020. N 4. С. 283–286 (in Russian).

Nacional'nyj proekt “Demografija” [Nationalproject “Demography”]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (in Russian).

Novoselova E.N. Rol' sem'i v formirovanii zdorovogo obraza zhizni i smjagchenii faktorov riska, ugrozhajushhih zdorov'ju detej i podrostkov [Role played by a family

in creating a healthy lifestyle and eliminating risk factors that cause threats to children's and teenagers' health] // Analiz riska zdorov'ju. 2019. N 4 (in Russian).

Novoselova E.N. Zdorov'e kak cennost' i praktika: obshhestvo, sem'ja, lichnost': monografija [Health as a value and practice: society, family, personality: monograph]. M., 2021 (in Russian).

Simonjan G.A., Sarjan A.A. O vlijanii pandemii koronavirusa na turizm [On the impact of the coronavirus pandemic on tourism] // Sovremennaja nauchnaja mysl'. 2020. N 2. C. 158–164 (in Russian).

Ukaz o nacional'nyh celjah razvitija Rossii do 2030 goda [Decree on the national development goals of Russia until 2030] // Oficial'nyj sajt Prezidenta RF. 2020.21.07. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/63728> (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 9 oktjabrja 2007 g. N 1351 "Ob utverzhdanii Konceptcii demograficheskoi politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda" (s izmenenijami i dopolnenijami) [Decree of the President of the Russian Federation of October 9, 2007, N 1351 "On approval of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025" (with amendments and additions)]. URL: <https://base.garant.ru/191961/> (in Russian).

Ulumbekova G.Je. Koronavirus i zdavoohranenie [Coronavirus and health-care] // Orgzdrav: Novosti. Mnenija. Obuchenie. Vestnik VShOUZ. 2020. N 2(20). C. 4–8 (in Russian).

Адрес редколлегии:

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, социологический факультет, каб. 514; e-mail: vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru; тел.: (495) 939-08-54, 8 (903) 268-89-69.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации №012687 от 21 июня 1994 г.

Подписано в печать 04.08.2022. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 15,32. Тираж 80 экз. Изд. № 12068. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
